

УТКУР ХАШИМОВ
ДЕНЬ МОТЫЛЬКА

Перевод М. Ганиной.

Глава первая

1

Алимардан приоткрыл глаза, одолевая тяжкое забытие, огляделся, пытаясь сообразить, где он и что с ним. Ломило спину, ватная курпача, которую он натянул до горла, кутаясь во сне, когда его знобило, сейчас была влажной от пота. Он потер ладонью лоб, убирая прилипшие волосы, глубоко вздохнул, закашлялся. Очнувшись окончательно, перевернулся на живот, вытер потное лицо о несвежую цветастую наволочку подушки. Сбросил курпачу.

В открытое окно влетела ласточка, покружилась под серым, с толстыми выступающими балками потолком и снова вылетела. Со двора потянуло холодом и еще откуда-то от соседей запахом бараньей шурпы. Алимардан почувствовал, как к горлу подступают тошнота и снова кашель. Приподнявшись на локтях, он кашлянул, не смыкая губ: по опыту прошлых частых бронхитов он знал, что если задавить первые приступы кашля, потом он утихнет и только будет слегка свербеть внутри. Справился с приступом, повернулся на бок, глядя в раскрытое окно. Створки с пыльными, давно не мытыми стеклами поскрипывали от порывов ветра.

Облетали красные круглые листья с урючины, один опустился на узкий подоконник, скользнул на пол, на коричневую с желтым узором верблюжьей кошму — на мат и как бы слился с ней, как бы стал одним из ее узоров.

Мать умерла полгода назад, с тех пор все в доме пришло в упадок. Умерла, так и не отпив пиалу чая, поднесенную рукой невестки, не понянчив внука. А она так мечтала об этом! «Закончу консерваторию, тогда уж будет видно, мама. Не беспокойтесь, еще успеете нажиться с невесткой!» — отнекивался Алимардан каждый раз, когда мать впрямую и намеками твердила ему об од-

ном и том же. Но оставалась неделя до выпуска, когда мать умерла от инсульта,— и вот в доме грязновато, пахнет запустением. Нет женщины, нет хозяйки в доме. Видно, чуяло сердце матери, когда торопила сына с женьбой.

Девушек знакомых у Алимардана всегда было достаточно, наверно, многие не отказались бы выйти за него замуж. Но каждый раз, когда Алимардан представлял себе, что вот это милое, симпатичное лицо он должен будет созерцать изо дня в день всю жизнь, ему становилось скучно. Однако он был влюбчив и не отказывал себе в удовольствии ухаживать за красивыми девушками.

Заболел он, собственно, тоже из-за девушки.

Два дня назад, в воскресенье, Алимардан со своим другом Анваром и еще тремя знакомыми парнями поехали на Ташкентское море. Неподалеку от них расположилась компания с текстильного комбината. Сначала текстильщицы старались петь погромче, чтобы перекрыть соседей, после притихли и стали слушать, как поет Алимардан. Голубоглазая круглолицая хохлушка разглядывала его, пожалуй, внимательнее остальных; Алимардан, заметив это, замолчал и, улыбнувшись, хотел заговорить с ней. Однако девушка вдруг повернулась к нему полной спиной, обтянутой голубой вязаной кофтой, и громко начала объяснять подруге, что теперь мужчины стали нежные, как женщины: заливаются соловьем, распевают — это все прекрасно, но вот, например, урони она сейчас колечко в воду — хохлушка подняла руку с красным рубиновым перстнем,— и из присутствующих никто не решится нырнуть за ним: вода-то холодная, осенняя! Не то что в прежние, рыцарские времена!

Подначка была грубая, дешевая, но Алимардан сбросил рубаху, брюки и нырнул, почувствовав, как перехватило дыхание, как стиснули тело ледяные обручи воды. Вынырнул — услышал восторженный визг девчат и нырнул снова.

«Зачем же ты?— укоризненно выговаривал ему Анвар, когда он одевался, кое-как обтеревшись и выжав трусы.— Ты же знаешь себя: бронхит...»

Конечно, бронхит. На следующее же утро он проснулся со страшной температурой, и Анвар, забежавший перед работой, чтобы проведать его, ничего не сказал, только скорбно поджимал губы, когда поил горячим чаем и заставлял глотать надоевшие уже Али-

мардану за долгие зимы болезней таблетки всяких, все усложняющихся названий антибиотиков. Правда, пока жива была мать, она часто откладывала в сторону прописанные врачами таблетки, отпаивала его травами: мятой, душицей, эвкалиптовым листом, растирала растопленным пухляным бараньим салом с перцем. Но матери уже не было.

У Алимардана вдруг перехватило горло и повлажнели глаза. Он почувствовал себя слабым, никому на свете не нужным и несчастным. Отирая локтем обильный пот, все выступавший на лбу, он то забывался, то снова приходил в себя, очень хотелось пить, но не было сил шевельнуться, протянуть руку за чайником, в котором был налит холодный зеленый чай.

Сегодня утром заходил врач, потом сестра, сделала укол, теперь должна была снова прийти сестра, но что-то задерживалась.

Алимардан задремал, во сне почувствовал голод и вдруг как наяву увидел одноглазого старика, целыми днями сидевшего на главной улице их кишлака под большим талом и продававшего семечки. Возвращаясь вечером из консерватории, Алимардан часто давал ему гривенник и отказывался от стаканчика семечек, который неизменно протягивал ему старик.

«Ты добрый,— сказала ему как-то мать, увидев, как он положил перед стариком обычную дань.— Ты не помнишь зла...» Нет, зло он помнил.

Алимардан открыл глаза, увидел прямо напротив кровати высокий платяной шкаф, на нем стоял большой гипсовый кот — мать до последних дней совала туда гривенники, двугривенные и рублевки: копила на свадьбу сына для дара малышам. И не то чтобы увидел, скорее почувствовал мать, вроде бы сидевшую в темном углу на цветастой стеганной курпаче, поджав ноги, лоб у нее был желтый, перерезанный глубокими морщинами, а на спине под шелковым платком болталось много черных с проседью тоненьких косичек. И глаза у нее были сухими и серьезными.

А потом вспомнил и увидел мать молодой, с черными огромными глазами, с блестящими косами, болтающимися до подколенок, и он пяти- или шестилетний мальчишка, поспекает за ней, несущей на голове корзину с горячими лепешками. Они идут на базар. Мать останавливается в центре базара под высоким талом, снимает с головы корзину, отдергивает тряпку, покры-

вающую лепешки, и вдруг Алимардан видит, как люди начинают разбегаться с криками: «Карабай идет! Черт усатый идет!» Мать тоже торопясь подняла на голову корзину и, схватив Алимардана за руку, бросилась бежать, но мальчишка поскользнулся, упал в лужу — мать остановилась, и ее нагнал усатый человек в милицейской фуражке. Он схватил корзину, лепешки высыпались в грязь, Карабай топтал их ногами, а мать, ломая руки, рыдала: «Дорогой, уважаемый начальник, лепешки не мои, за кусок хлеба беру продавать!.. Мальчишка голодный, не спит ночью, живот болит от голода... Неужто у тебя нет детей, начальник?! Муж в госпитале умер от ран, жить нам нечем...» Мать рыдала, Алимардан кричал от страха на весь базар, а человек в милицейской фуражке все топтал и топтал сапогами вкусный душистый хлеб — тот самый хлеб, которого и в первые послевоенные годы не хватало людям. Для Карабая его мать была просто спекулянткой, с которой он должен был бороться. Милиционер сделал свое сердце глухим к человеческим слезам: пойдя разбери, какие слезы, какие слова искренние, какие притворные. «Хлеб! Хлеб! — кричала мать с ужасом. — Уймишь, тебя аллах накажет!..»

Пекарь-сосед больше не дал матери Алимардана лепешек на продажу — они лишились и той пналы муки, которую мать получала за свою рискованную работу. Но выжили все-таки, трудно, но выжили... А несколько лет назад мать указала Алимардану на грязного одноглазого старика, продававшего семечки на главной улице: «Помнишь Карабая?..» Алимардан помнил... Помнил свой детский ужас и наивные мысли о том, как вырастет, станет зарабатывать много денег, купит матери красивые атласные платья, купит ей на рынке целую корзину халвы — и пусть мать ест. Мать даже не увидела сына работающим, не приняла из его рук первой зарплаты. Правда, со стипендии он покупал ей на базаре сласти, однажды купил шелковый платок, но все это были жалкие подарки.

Тот гривенник, который Алимардан бросал человеку, втоптавшему некогда в грязь их ежедневную горсть муки, был задатком. Придет время, Алимардан щедро будет швырять в лицо деньги всем унижавшим его и его мать, всем, кто был сытее, счастливее, удачливее их!

«Эх, мама не дождалась!..»

Алимардан закричал зубами и застонал, снова по-

чувствовав слезы в горле, покачал головой, усмехнувшись: раскис с болезнью!

В открытое окно был виден кусок голубого холодного неба, трепещущие на ветру красные круглые листья, еще густо облепившие ветви урючины, край крыши пустого теперь хлева — там были рассыпаны для просушки желтые початки кукурузы. Осень. Месяц сумбула. Он наступает тогда, когда холодают вдруг теплые прежде вечера, становится прозрачной мутная вода речек и арыков и в воздухе повисает тонкий аромат созревших повсюду плодов. Месяц тишины и умиротворения.

Алимардан вздохнул, повернулся на бок и с неудовольствием услышал, как хлопнула калитка и на звонкую, как бы бетонную почву утопанного двора упали чьи-то шаги. Медсестра? Нет, пожалуй, шаги были мужские. Значит, Анвар. Алимардан почувствовал раздражение, в общем-то необъяснимое. Анвар и наркомит и напоит его, даст лекарство — друг был заботлив, как женщина. Но сейчас Алимардан не хотел никого видеть, тем более вечно всем довольного, вечно улыбающегося, никогда в жизни не знавшего чувства голода друга детства... Алимардан закрыл глаза, притворяясь спящим, но, когда стукнула дверь в комнату, все-таки повернулся к вошедшему. Господи, так скучно лежать, болеть и злиться на весь свет!..

— Какие за воротами новости, Анвар?

— У тебя какие? Температура есть?

Анвар у дверей развязал шнурки ботинок и ступил в носках на намот. Коснулся мягкой узкой ладонью лба Алимардана, покачал головой сокрушенно:

— Жар еще держится... Сестра была?

— Один раз. Сейчас должна, наверное, опять прийти.

Алимардан отвечал спокойным голосом, но Анвар быстро и внимательно поглядел на него и вдруг покраснел, виновато сморщившись.

— Мама не заходила к тебе днем? Ты извини, сестра ее из Коканда приехала, она забегалась с ней, в магазин ездили, в центр, пальто покупали... Ты голодный целый день?.. Я сейчас сварю тебе маставу... Да не морщись, я вкусно сварю!.. Она питательная, сразу сил прибавится!..

Он выложил из бумажного кулька кисть розового длинного винограда, вымыл его, поставил блюдо на грудь Алимардану.

— Ешь, дорогой, сбивай температуру!..

Стащил через голову намокшую под мышками от пота нейлоновую рубашку, вышел в майке во двор, слышно было, как он рубил саксаул на растопку. Скоро от летней кухни потянуло дымком, Анвар крикнул со двора:

— Меня перевели в музыкальную редакцию на нашей телестудии! Я уже говорил с главным редактором о тебе.

— Ну и что?— вяло отозвался Алимардан.

— Сказали, чтобы ты пришел показаться, как только выздоровеешь! Это прекрасно, понимаешь. Телевидение!.. Ты сразу станешь известным!

После окончания консерватории Алимардана направили преподавателем в городскую музыкальную школу, но он пока и не думал приступать к работе: ходил показываться на радио, в эстрадный музыкальный театр. Там его не взяли, но он не отчаивался. Он верил в свой необыкновенный голос и в свою яркую звезду. Как и каждый, кому двадцать шесть лет.

Анвар взял метлу и стал подметать двор, усыпанный листьями урюка и орешины. Алимардану были видны в окно тонкая юношеская шея друга, худые плечи и лопатки, торчащие в прорези майки. Анвар до сих пор был еще как-то по мальчишески нескладен, большелобый, с узким подбородком и худыми щеками, вот, пожалуй, глаза у него были хорошие — влажные, как у жеребенка с длинными прямыми ресницами.

Алимардан утомленно опустил веки, поплыли красные круги — он почувствовал снова, что не то засыпает, не то теряет сознание. Через какое-то долгое время хлопнула калитка, Алимардан очнулся и увидел чернокосую высокую девушку и рядом Анвара, замершего с неловкой улыбкой на лице.

— Мукаддам?..— произнес, наконец, Анвар изумленно.— Как вы здесь?..

— Я же работаю теперь в кишлачной амбулатории, Анвар-джан,— усмехнулась девушка и, повернувшись, пошла к двери. Остановилась на пороге, спросила:— А вы как здесь очутились?.. Подрабатываете поваром?..

— Это мой друг тут...— Анвар опять весь залился краской, даже шея на затылке побагровела,— Алимардан. Я говорил вам про него...

«Ах, вот как!— подумал Алимардан.— Это и есть знаменитая Мукаддам! Посмотрим...»

Девушка вошла в комнату. Тоненькая, высокая, нежное, с круглым подбородком лицо было очень красиво. Под широким атласным платьем ощущалась складная фигура с тонкой талией и высокой грудью. Она обвела комнату большими глазами, привыкая к полумраку, потом посмотрела на Алимардана. Взгляды их встретились, девушка вдруг смущенно вздернула подбородок и опустила глаза. Алимардан тоже пошел велился на кровати, услышав, как прошел по телу от сердца какой-то непривычный холодок.

— Бронхит?— сказала через паузу девушка и усмехнулась, как показалось Алимардану, высокомерно.— Сейчас сделаем укол, не бойтесь?

— Не боюсь,— ответил Алимардан, чувствуя уже неприязнь к этой хорошенькой и, видно, избалованной девчонке. Он вспомнил взгляд, которым она обвела его запущенную комнату с саманными, грубо оштукатуренными стенами, грязные пиалы и чайники, составленные в нишу для посуды, старые стеганые одеяла, сложенные в другой нише, и ему сделалось совсем тошно. Сама-то она, судя по ее холеному виду, небось, жила в каменном одноэтажном особняке, которых за последние годы появилось много на окраинах Ташкента, даже в их кишлаке уже построили три или четыре таких дома. Конечно, она была одного поля ягода с этим баловнем судьбы, Анваром, недаром они так нравятся друг другу.

Пока кипели шприцы в стерилизаторе, девушка подошла к нише, где была полочка для книг, стала брать одну за другой, вслух прочитывая названия:

— Навои... Машраб... Фуркат... Я тоже люблю их газели. Вы их читаете?..

— Я их пою,— хмуро ответил Алимардан.

Девушка взглянула на старенький рубаб, стоявший в углу комнаты, одна струна на нем была оборвана, и вдруг ахнула, засмеявшись:

— О, а я вас знаю!.. Мне про вас наш доктор Хури-апа говорила! Она вас на празднике навруз слышала весной, рассказывала, вы там замечательно пели!

«Удивила!.. Сейчас меня знают только в нашем кишлаке Бустан, а скоро обо мне заговорят по всему Узбекистану»,— сердито подумал Алимардан и промолчал. Потом он скосил глаза: Мукаддам, стоя у стены,

исподтишка, разглядывала его. Увидев, что он поймал этот ее тихий взгляд, она снова смешно вздернула подбородком и побледнела от смущения.

Вошел Анвар, неся в кассе маставу, заправленную кислым молоком, и лепешки.

— Поешь,— сказал он, взглянув сначала на Мукаддам, потом на Алимардана, и поставил большую пиалу на дастархан возле постели больного.— Вы уже познакомились?.. Это Мукаддам.

— Я понял.— Алимардан усмехнулся злее, чем ему хотелось.— Я по твоему лицу понял.

Анвар снова покраснел. «Как смешно,— подумал Алимардан.— Он краснеет, она бледнеет — чудная парочка...»

Мукаддам сделала ему укол в предплечье — надо отдать ей должное, рука у нее была легкая и уверенная.

— На трупах учились уколы делать?— вежливо поинтересовался Алимардан.— На живых теперь хорошо получается... Спасибо вашим учителям.

Анвар удивленно поднял брови, а Мукаддам улыбнулась.

— Да,— ответила она, а глаза ее сказали: «Не злись, парень. Что ты злишься?»

Мукаддам собрала шприцы, пошла к выходу.

Анвар тоже вскочил:

— Я провожу вас, подождите меня немного.

Алимардан с неприязнью следил, как друг быстро собирает с дастархана пиалушки, куски лепешки, уносит все торопясь.

— Я еще зайду к тебе, лежи спокойно,— сказал Анвар и вышел вслед за девушкой.

2

Они шли узкой тропой по берегу речки. Мукаддам впереди, Анвар следом. Вокруг не было никого, и Мукаддам разулась, шлепала босиком по пыли, босоножки она повесила на палец и помахивала ими. Косы ее тяжело сползали по спине, нежные шелковые концы их вздрагивали в воздухе, тонкая шея, видная между косами, была такой белой и трогательно-беспомощной, что Анвару мучительно хотелось поцеловать ее в эту ложбинку или хотя бы просто прижаться лицом, вдох-

нуть запах кожи и чистых мягких волос. Но он не смел.

Садилось солнце. На пирамидальных тополях, редко торчащих между плоскими крышами саманных домов кишлака, слабо золотились сухие листья. По черной воде реки плыл тонкий красноватый свет. В кишлаке мычали коровы, блеяли овцы, слышны были голоса детей, возвращавшихся из школы, звон железа о железо. Тропа свернула вниз к реке. Мукаддам остановилась и вопросительно оглянулась.

— Там бревнышко перекинута с берега на берег,— сказал Анвар.— Можно перейти на ту сторону. Побежали?

Не дожидаясь ответа, он, обогнав девушку, сбежал вниз и у самой воды схватился за ствол ракиты. Улыбнулся, одними губами позвал:

— Беги!

Мукаддам раскинула руки, взвизгнула по-девчачьи и заскакала вниз, высоко поддавая худыми колесками подол платья.

— Ловите меня, Анвар-ака!

У Анвара замерло сердце и кровь застучала в висках, он представил, что вот сейчас Мукаддам, растрепанная, теплая, коснется его груди и можно будет прислониться к ее волосам, услышать их запах. В последнюю минуту он испуганно отстранился и схватил Мукаддам за локоть, чтобы не упала в реку. Она резко повернулась на бегу, покачнулась и боком прижалась к нему. Желая поддержать, Анвар неловко обхватил ее за талию, и они мгновение стояли так, словно ждали чего-то друг от друга, потом Мукаддам высвободилась.

— Ничего, я сама...

Она прошла по берегу, примяла засохшие стебли мяты, села, спустила ноги и, зачерпнув горстью воду, стала смывать со ступеней пыль. Глянула смущенно:

— Садитесь, Анвар-ака!

Анвар сел рядом, чувствуя себя взволнованным и словно бы виноватым в чем-то.

На глинистом дне реки лежали желтые узкие листья, опавшие с тала, росшего на той стороне, струились по течению красноватые короткие водоросли.

— В этой речке купаются?— спросила Мукаддам.

— Купаются... Мы купались, когда мальчишками были. Я ведь жил здесь летом, пока мы деревенский дом не продали после смерти отца.

— Деревенский?— Мукаддам засмеялась.

— Ну да. Лет пять назад тут казалось, что Ташкент далеко, воздух был чистый-чистый... И зелени много. Это сейчас большие дома почти к самому Бустану подступили и машин полно, самосвалы без конца ездят...

Они снова замолчали, не глядя друг на друга, но помня, что они сидят рядом и одни. Анвару было томи-тельно-приятно это и казалось, что вот сейчас что-то свершится, но в то же время он опасно косился на тропку: пройдет кто-нибудь из знакомых, а он тут с девушкой в пустынном месте, и темнеет уже... Нехорошо. Ему хотелось позвать Мукаддам идти дальше, и не было сил подняться, не было решимости разрушить сладкое, неопределенное, что стояло сейчас вокруг них, как электрическое поле...

В апреле позапрошлого года Анвара послали практикантом в отдел культуры областной газеты. Он отвечал на письма, составлял из поступающих материалов коротенькие «информашки»— в общем, занимался тем, чем обычно занимаются практиканты в газетах. Перед Днем медицинско-го работника заведующий направил его в медтехникум и поручил написать небольшой очерк о лучших студентах.

Секретарь комсомольской организации техникума, разбитной, вечно куда-то спешащий парень, привел в комитет человек десять студенток и оставил Анвара наедине, так сказать, с будущим материалом. И Анвар растерялся. Не зная, как приступить к разговору, он, серьезно нахмутив брови, писал что-то в свой блокнот, чувствуя, как все сильнее краснеют уши, и молчал. Девушки начали хихикать. Сперва тихонько, потом громче, наконец, чей-то бойкий тоненький голосок задиристо спросил:

— Товарищ писатель, что ж вы не начинаете свой допрос?

— Я не писатель,— сказал Анвар и, подняв глаза, сразу наткнулся на это личико— совсем еще детское, большеглазое и с таким ехидным выражением на поджатых пухлых губах, что он сам рассмеялся.— Я студент-журналист. И вот думаю, о чем мне вас спросить?

— А вы про биографию спросите!— подсказала опять насмешливая девушка.

— Нет, сначала имя и фамилию,— подхватил Анвар шутку.— Как вас зовут?

— Мукаддам! А вас?

— Анвар... А скажите,— Анвар снова заглянул в свой блокнот,— почему это вы приняли решение стать медиком?

— Потому что чувствовала потребность лечить журналистов!— бойко откликнулась Мукаддам.— Лечить от завирания: чего вы только там в газетах не пишете!..

В общем, серьезного разговора так и не получилось: вступили другие девушки, остроты и подковырки сыпались на Анвара со всех сторон. Победенный, он бежал с поля боя, и очерк, конечно, так и не написал. Но зато его путь из университета теперь значительно удлинился. Он довольно часто видел, как та красивая девушка, выходя из дверей техникума, садится в троллейбус, как она пересмеивается на ходу с подружками, однако подойти не решился: Мукаддам и ее подружек всегда окружало довольно много каких-то парней.

Осенью, когда их факультет послали на уборку хлопка, он неожиданно в колхозном клубе увидел Мукаддам. Анвар глазам своим не верил и, конечно, не решался подойти к ней, чтобы спросить, как же она попала сюда. Но Мукаддам заметила его, засмеялась и подошла сама.

— Вот вы и оказались обманщиком!— сказала она, протягивая руку.— Где ваш очерк о медиках?.. Я-то надеялась, что увижу свою фамилию в газете!

Она изменилась за эти полгода: глаза стали взрослыми, женскими и в губах, прежде детски припухлых, появилась какая-то определенность линии, неосознанная чувственность.

Оказалось, что их техникум был направлен на уборку хлопка в этот же колхоз. Вечерами они теперь ходили в кино вместе, гуляли тоже вместе и в городе стали видеться довольно часто. Но хотя в мечтах Анвар заходил далеко, наяву он был с Мукаддам скованным и робким. Девушка была едва ли не на пять лет моложе его — по сути, еще совсем юная, — тем не менее с ним да и с другими парнями она держалась властно и снисходительно. Анвар не мог перешагнуть через свою робость: он даже не поцеловал ее ни разу.

Мать давно уже напоминала Анвару, что пришло

время жениться, что она хочет познакомиться с девушкой, которую он выбрал. Она уже немолода, ей пора услышать в своем дворе голоса внуков. Анвар долго отмалчивался, а этой весной наконец сказал, что такая девушка есть и что, возможно, они скоро сыграют свадьбу. Обрадованная мать перестала донимать Анвара и начала деятельно готовиться к свадьбе.

Совсем смеркалось. В полыни, которой зарос бугор, застрекотал сверчок, на черной глади воды закачались мелкие звезды. Мукаддам сидела, подобрав ноги под платье, обхватив колени руками, глядела перед собой.

— Вы с Алимарданом с детства дружите?— спросила она вдруг негромко.

— Да... Вместе коров пасли. Он соседскую, а я нашу...— Анвар вдруг рассмеялся.— Мы с ним один раз пошли дыни воровать на бахчу Сабира-хромого. Я стал караулить возле шалаша, чтобы дать сигнал, если Сабир проснется, а Алимардан все не свистит, я задремал, вдруг кто-то хлоп меня палкой по спине! Сабир-хромой... Я бежать. Прибежал к нам на айван, где мы обычно спали, а Алимардан уже давно носом посвистывает! Наелся дынь — и убежал!

— Ничего себе друг!— Мукаддам усмехнулась удивленно.— Это же нехорошо!

— Он любил пошутить надо мной...— Анвар помолчал, вздохнул, улыбнувшись.— У него отец давно умер — почти сразу как из армии после войны вернулся, они с матерью жили очень бедно... И у Алимардана иногда бывали такие приступы: он ненавидел всех ребят, кто живет обеспеченно, кто одевается лучше... Гордый был...

Мукаддам повернула к Анвару лицо, смутно заблещее в темноте, улыбнулась.

— А вы очень добрый, Анвар-ака... Но... и очень тихий. Вы совсем еще мальчик по сравнению с вашим другом...

— Почему же?— Анвар вдруг обиделся.— Мы с ним одноклассники...

— Разве дело в возрасте?— Мукаддам снова засмеялась.— Характер...

Анвар помолчал, чувствуя, как у него зашевелилось нечто вроде неприязни или зависти к Алимардану: в голосе Мукаддам он уловил нотку не то восхищения, не то сочувствия. Но вздохнул три раза глубоко: так его

учил когда-то отец, говоривший, что мужчина должен быть выдержанным, справедливым, должен гасить в сердце злобу и зависть, прежде чем она овладела им. Улыбнулся.

— Алимардан хорошо закончил консерваторию: вот увидите, он станет либо знаменитым композитором, либо знаменитым артистом. А я мечтал в школе стать поэтом, даже стихи писал... И видите...

— Но стали журналистом!— ласково сказала Мукаддам и легко погладила его по руке.— Вы очень хороший, Анвар-ака...

Анвару опять сделалось горько, и сердце сжала тоскливая нежность и предчувствие беды. Он поднялся, протянул руку Мукаддам.

— Пойдемте, уже совсем темно... И Алимардан меня, наверное, заждался.

Они молча пошли по тропе вверх. Анвар проводил девушку до автобуса, и они расстались.

3

Алимардан проснулся и увидел стоящую возле окна девушку в белом халате. Она кипятила шприцы на спиртовке. И хотя сегодня волосы у нее были завязаны на затылке тяжелым пучком, он сразу узнал ее. «Мукаддам!..— подумал он.— Она, правда, как фаришта — неприкосновенная красавица рая...» Сердце у него забилось, настроение сразу стало вдруг хорошим.

Мукаддам услышала, как скрипнула кровать, и обернулась.

— Проснулись?— спросила она, пытаясь сделать «взрослое» лицо, свела длинные, как крылья ласточки, брови.— Сейчас я вас уколю!

— А я сегодня боюсь!— Алимардан натянул одеяло до горла.— Я еще не готов морально.

Мукаддам снова смешно вздернула подбородок, удерживая строгость на лице, повернулась к нему спиной и стала раскалывать ампулу с новокаином, развела антибиотики, потом подняла шприц вверх, надавила на поршень — избыток жидкости брызнул фонтанчиком.

— Давайте руку.

— А почему руку?..— усмехнулся Алимардан.— Это не самое нечувствительное место на теле.

Лицо Мукаддам стало вдруг суховатым и скучным, она сказала:

— Я сделаю вам укол, куда вы хотите, только не задерживайте меня: я еще должна обойти много больных.

Алимардан понял, что переборщил, и сдался, обнажил руку:

— Ладно, но если я помру, ответственность на вас.

Она наклонилась над ним, он видел, как дрожат у нее от напряжения ресницы, видел родинку над ключицей в вырезе халата, слышал исходящий от нее чистый, словно от ребенка, запах. Она осторожно выдернула иглу, прижала к месту укола ватку со спиртом, стала выпрямляться, но Алимардан, схватил ее за талию, резко притянул к себе и поцеловал в губы. Мукаддам выронила шприц, уперлась руками в спинку кровати, пытаясь вырваться, потом стала бить его по лицу. Алимардан отпустил ее.

— Ого,— сказал он, тяжело дыша.— Крохотная ручка, а какая тяжелая! Вдовой будешь, девушка.

Мукаддам, ничего не отвечая, собирала шприцы и пузырьки в чемоданчик. Плечи ее вздрагивали. Не оборачиваясь, она утерла глаза воротом халата и пошла к двери.

— Мукад!— крикнул ей вслед Алимардан.— Не сердитесь! Я люблю вас без ума. Все равно вы будете моей, вот посмотрите!

Хлопнула калитка, закрывшись за девушкой, Алимардан опустился на подушки. Сердце его колотилось, губы горели. Он и в самом деле был влюблен.

Про Анвара он старался не вспоминать. Когда Икбол-хола, мать Анвара, принесла ему в полдень обед, Алимардан едва с ней поздоровался. Ему уже казалось, что он не виноват перед Анваром, а Анвар хитростью пытался отбить у него красавицу Мукаддам... Всегда они так, удачливые счастливики!

Анвар и Мукаддам шли по ярко освещенному проспекту Навои — одной из самых оживленных улиц Ташкента. Вечер был прохладный, звездное небо по-осеннему было высоким и светлым. Навстречу спешили люди с озабоченными или праздно любопытствующими лицами: каждый нес в себе свою непростую жизнь, свои горести и радости. Их обогнала группа молодых пар-

ней и девушек, говоривших по-русски, и Мукаддам услышала, как кто-то крикнул:

— Валька, ты чего вчера не пришла на танцы?

— Не хотела!— весело ответила девушка.— Настроение было плохое! А ты что, ждал меня?

Они ушли вперед, а Мукаддам и Анвар свернули к гостинице. В скверике бил фонтан, подсвеченный разноцветными огнями, на лицах гуляющих играли красные и зеленые блики. Они сели на скамейку, локоть Мукаддам коснулся бедра Анвара, помедлив, тот вежливо отодвинулся.

«Как странно,— подумала Мукаддам.— Вот те парень и девушка, наверное, не так давно знакомы, а он говорит ей «ты» и она ему тоже. Я знаю Анвара полтора года, но мы не обратимся друг к другу на «ты», даже когда поженимся... По-узбекски «ты» звучит очень грубо, и потому это не принято... Как тогда Алимардан мне нехорошо сказал: «Будешь вдовой, девушка!..»— она вспомнила то утро и руки Алимардана на своем теле — и опять ей стало стыдно, неприятно и сладко. Она взглянула искоса на Анвара. «Он знает? Может быть, поэтому он последнее время такой мрачный и тихий?» Словно услышав ее мысли, Анвар повернул голову: на его худом темноглазом лице смешно струились синие и розовые блики, было оно от этого некрасивым.

— Мукаддам-хон, вы навещаете Алимардана? Курс уколов продолжается?

Смутившись, Мукаддам кивнула, хотя к Алимардану ходили теперь другие сестры: после того утра она поменяла участок.

— А вы?— спросила она.— Я вас там не вижу что-то?..

Анвар покачал головой:

— Нет, к нему мама ездит. Я так сейчас занят на работе, трудно очень... Наверное, нет навыка. С утра до вечера мыкаешься по городу: то надо встречу с композитором подготовить, то стихи обсудить, то что-то другое. Раньше, когда смотрел телевизор, даже не думал, что за любым коротеньким выступлением столько труда работников телестудии!

За шумом фонтана Мукаддам плохо слышала, что говорит Анвар, но по тому, как просто и ласково он взглянул на нее, она поняла, что про тот случай он ничего не знает.

«Сказать ему?..— подумала она.— Да нет, зачем... и

потом — что такого?.. Ведь он сам, а я не хотела... Нет, не буду говорить, очень стыдно...»

Из распахнутого окна на каком-то этаже гостиницы доносились хмельные голоса, женский смех. У подъезда затормозил автобус, вышла группа туристов,— судя по одежде, иностранцы,— часть из них прошла в двери гостиницы, услужливо распахнутые швейцаром, остальные свернули к фонтану, остановились у самой воды, громко переговаривались.

«Интересно, о чем они говорят?..»— она вслушалась, как двое туристов, остановившись неподалеку, громко, словно зная, что их никто не понимает, разговаривают по-английски, и пожалела, что плохо учила в техникуме иностранный язык. Слушаешь, но разбираешь с трудом отдельные слова только, и то не вспомнить, что они значат. А как бы хорошо было сейчас заговорить с Анваром по-английски, то-то бы удивились эти важные дядьки!.. Мукаддам представила, как они изумленно глядят ей вслед: «О, эта красивая узбечка так чисто говорит по-английски! А еще рассказывают басни о том, что Восток — отсталый!»—«Да ну, разве вы не помните, что Авиценна и Улугбек...»—«Нет, но женщина! Где же паранджа, чадра... И такая красавица!»

Мукаддам вздохнула, улыбнулась и решила, что, когда выйдет замуж, непременно будет ходить на курсы английского языка. Анвар ей поможет, он, кажется, хорошо знает английский.

— Анвар-ака, о чем они говорят, вы понимаете?..

Анвар прислушался:

— Они говорят, что после землетрясения Ташкент потерял свое лицо. Стал похож на обычный город с некрасивыми стандартными домами. И жить в этих домах, наверное, неудобно.

— Это правда...— Мукаддам вздохнула.— Но все же хорошо, что людям теперь есть, где жить. Ведь многие остались без крова...

— Да...— Анвар кивнул и снова замолчал, опустив голову. Какие-то мысли мучили его. Мукаддам видела, как несчастно кривятся у него губы.

— Что с вами, Анвар-ака?— спросила она, дотронувшись до его руки.— Последнее время вы такой грустный-грустный... И молчите всегда. Вам скучно со мной?

Слукавила, конечно: в общем-то она догадывалась, почему Анвар стал так подавлен и грустен. Конечно, он

почувствовал, что с тех пор, как она увидела Алимардана, в ней проснулось любопытство к этому злему, будто всеми обиженному парню. Чудак: ведь это простое любопытство — и ничего больше тут нет. Глупый!.. Ей захотелось подбодрить Анвара: пусть он сделается наконец, посмелее. Ведь он любит ее!.. Или нет?

— Что вы, Мукаддам-хон!— Анвар выпрямился, в глазах его засветилась нежность.— Мне с вами прекрасно, я бы мог вот так сидеть рядом с вами бесконечно. Мне кажется, мы слышим друг друга, даже когда молчим. Но это вам, наверное, со мной скучно? Я все молчу и молчу... Когда я один, я вам все рассказываю, говорю все-все... а когда мы встречаемся, у меня словно халва губы слепила... Вы сердитесь на меня?

— Нет...— Мукаддам поднялась.— Но мне бы хотелось, чтобы вы мне и на самом деле рассказывали это «все-все»... Я вас чувствую, какой вы, но не знаю... А ведь...— Мукаддам прикусила язык, она хотела сказать: «Мы ведь скоро станем мужем и женой!» Но Анвар пока не делал ей предложения.

— Пойдемте,— сказал она.— Отец будет сердиться, если я приду поздно.

Они попрощались у большого валуна, в начале узкой улицы, ведущей в старый город. Днем здесь сидела женщина, продававшая семечки, сейчас вокруг была насорена шелуха.

Где-то неподалеку по улочке раздались шаги, и Анвар смущенно отпустил руку Мукаддам. А ей так хотелось, чтобы он поцеловал ее!.. Мукаддам вздохнула, снова вдруг почувствовал на своей талии руки Алимардана и его губы, жарко мазнувшие по щеке. Лицо ее обдало горячим.

— Прощайте, Анвар-ака,— быстро повернувшись, она пошла вверх, к своему дому. Спinoй она чувствовала, что Анвар все еще смотрит ей вслед, считает перезвоны ее каблучков по камням.

Мукаддам вышла из дежурки, торопливо завязывая тесемки халата. Сегодня она опять проспала и немного опоздала на работу, не успела даже позавтракать. Ехать до Бустанской амбулатории ей приходилось почти через весь город на автобусе, а утро было дождливым и пасмурным, она никак не могла заставить себя проснуться. И вот опоздала, три дня тому назад тоже опоздала. Хури-апа будет, наверное, бранить ее.

В коридоре горел свет, на скамейках и в креслах сидели больные, стоял привычный уже Мукаддам запах хлороформа, йода, душного, тесного помещения и еще какой-то непередаваемый запах невеселых мыслей и плохого настроения больных людей. Мукаддам всегда непонятно чувствовала этот запах — и у нее тоскливо сжималось сердце от жалости к больным людям, особенно к детям, от ощущения своего пока что бессилия, невозможности помочь им всем.

Она быстро пошла по коридору, больные здоровались с ней, узнавая: многих она навещала дома. Какая-то девочка лет шести с крохотными сережками в ушах и бровями, соединенными усьмой в одну линию, увидев ее, вдруг громко хлопнула в ладоши и крикнула: «Здравствуй!» — и спрятала хитрое личико у матери на груди. Сидевшие рядом засмеялись, Мукаддам тоже засмеялась, погладила девочку по тубетейке и вошла в кабинет, где принимала Хури-апа.

На столе горела лампа, по стеклам бил густой дождь. Хури-апа подняла глаза от истории болезни, покачала головой: «Опаздываешь?» Улыбнулась. Была она полной, из-под докторской шапочки выбивались седые пряди, над ненакрашенными бледными губами темнели усики. Голос у Хури-апа был низкий, и хрипловатый. В кишлаке все ее уважали и звали «Хури-дохтур», что было признаком известности и почета. Мукаддам, глядя на пожилую докторшу, часто думала: «И я когда-нибудь буду такой! И со мной будут почти-точно здороваться старики, когда я буду идти по своему участку!»

Раздетый до пояса парень, сидевший на застеленном клеенкой лежаке, вынул из-под мышки термометр, протянул Хури-апа, та, записав температуру, стряхнула термометр и сунула в баночку с раствором марганцовки.

— Одевайся, — сказала она. — Мукаддам, вы сегодня возьмите свой старый участок, Хадича-апа ушла в декрет. Кстати, почему вы поменялись?..

Мукаддам, не отвечая, опустила голову. Парень ушел.

Хури-апа усмехнулась:

— Что случилось?

— Ничего... — Мукаддам чувствовала, что краснеет до слез. — Так...

— Вы же читали, наверное, в техникуме слова Авиценны, — сказала, посмеиваясь, Хури-апа, — что лекарь

не должен испытывать у постели больного никаких иных чувств, кроме горячего желания помочь ему?.. Ясно?.. Ничего, девочка, все образуется, все перемелется. Иди, и больше уверенности в себе. Поняла?..

— Да,— тихо сказала Мукаддам и вышла.

Дождь лил сплошными толстыми струями, по улицам кишлака текла грязь. Мукаддам, кутаясь в полиэтиленовый зеленый плащ, ходила по вызовам уже часа три, но в дом Алимардана ей идти не хотелось. Думала о том, что зайти все-таки придется, она с тоскливым нежеланием: как посмотреть в глаза парню, который целовал тебя против твоей воли? Скажет: опять пришла, значит, понравилось?.. Но ему назначены были банки и продолжался еще курс уколов, видно, температура все держалась. Вызовов было много и в разных концах кишлака. Мукаддам устала месить грязь раскисшими туфлями, замерзла; рука, в которой она несла чемоданчик, онемела: она по привычке несла его в правой руке. Было много назначено уколов, и то ли от волнения, то ли от чрезмерного старания у Мукаддам очень болело правое предплечье.

Наконец она все-таки пересилила себя и, перейдя по бревнышку бурную, вспучившуюся от дождя реку, взобралась, скользя по грязи, на бугор, вошла в узкую улочку на самом краю кишлака. Остановилась перед маленькой, со старинной резьбой дверью в высоком дувале. «Что ж,— подумала она,— придется все же зайти. Такая уж у нас, у медработников, участь... А на фронте если? А если эпидемия?.. Пускай будет стыдно ему, а я должна выполнить свой долг». Она решительно толкнула дверь и вошла, недовольно чувствуя, как побледнели щеки и мучительно сжалось сердце.

Во дворе во всех углублениях стояла вода, стволы облетевшего ореха и урючины были мокрыми и черными; с камышовых стеблей, которыми была застелена под глину крыша дома, текли струйки дождя. Мукаддам подобрала ветку орешины, счистила с подошв грязь, прошла по узенькой сухой дорожке, сохранившейся под навесом крыши, и остановилась возле дверей. В доме играли на рубабе. Играли умело, с чувством. Потом слышался голос Алимардана, и Мукаддам вздрогнула, почувствовав, как сердце заколотилось и ноги ослабли. «Будь счастлива, моя хорошая,— пел Алимардан, и голос у него был чистый и сладостный, как журчание хо-

лодного ручья в летний день.— Я ухожу, потому что мною овладела страсть. Я думал о тебе, солнцеликая моя, дни и ночи, а ты даже не спросила, живой ли я еще, зажили ли мои раны или нет. Когда мы встретились, все пророчили тебе беду, но вот я ухожу, и в беде мое сердце, а твое спокойно...»

Мукаддам подошла и тихонько заглянула в окно. Горела тусклая лампочка. Алимардан стоял спиной, играл на рубабе. На нем был цветной бекасамовый халат, вьющиеся, давно не стриженные волосы почти касались плеч, он обернулся вдруг — Мукаддам увидела его лицо. Оно было очень красиво сейчас, освещенное вдохновением, с широким квадратным лбом, темнобровое, с резкими складками на щеках.

— Мукаддам?— произнесли его губы. Алимардан толкнул дверь.— Заходите!— он втащил ее за руку, помог разуться.— Аллах, как вы промокли! Есть чай горячий, выпейте вот...

Он отложил рубаб, усадил ее на постель, застеленную клетчатым байковым одеялом, сам сел рядом, не отнимая руки от ее рук. Мукаддам сидела, мучительно напрягшись, собираясь с духом.

— Вы слышали, как я пел?— спросил Алимардан и счастливо, хвастливо улыбнулся.— Вам нравится, как я пою?

— Нравится,— не солгала Мукаддам и подняла глаза, но тут же опустила. Во взгляде Алимардана была нежность, и радость, и страсть, и еще что-то, что испугало Мукаддам, вызвало чувство незащитности. Чувство, что между ней и этим парнем нет никаких перегородок, что вот сейчас он протянет руку и дотронется до шеи, до колен, скажет что угодно. Сердце опять бешено заколотилось, она встала и подошла к столу, слыша, как дрожат ноги.

— Я ждал вас!— сказал Алимардан негромко и как-то задумчиво.— Я знал, что вы придете... Эту песню я сам сочинил. Для вас...— Он вдруг закашлялся и, усмехнувшись, махнул рукой.— Расхвастался, калека.

— Хорошая песня,— Мукаддам растегнула чемоданчик и стала выкладывать банки.— Вам банки назначены... И укол. Ложитесь... После банок вам легче будет.

— Сейчас... Да мне их уже ставили-ставили, вся спина пятнистая, как у рыси.

Алимардан скинул халат, оставшись в домашних брюках, шагнул к столу.

— Мукаддам...

Руки его скользнули по ее телу, рот обжег шею — Мукаддам вывернулась и в страхе отскочила к двери. Алимардан опередил ее, загородив дорогу, она прыгнула от его цепких жадных рук в сторону, больно ударилась телом о шкаф, гипсовый кот упал, разбился, посыпались деньги. Алимардан снова схватил ее, они боролись молча. Мукаддам все хотела закричать, позвать на помощь, но было чего-то стыдно. «Анвар бы зашел, Анвар бы зашел! — неслось у нее в голове. — Нет, стыдно, не надо Анвара... О аллах, что же теперь со мной будет, как я буду жить?..» Потом она вообще перестала думать, только вырывалась слабо и слушала, что с ней происходит, обносило ее горячим стыдом и тлею любопытство: «Вот это, значит, как бывает, вот это что...»

Когда Алимардан отпустил ее наконец, она растерянно поднялась, провела руками по волосам, пытаясь убрать их под платок, постояла, пошатываясь, посреди комнаты, потом подошла к столу, машинально и старательно уложила в чемоданчик банки, закрыла его, постояла, словно ожидая, не скажет ли чего Алимардан, но он молчал, словно его не было в комнате. Тогда Мукаддам обулась и вышла на улицу.

Она пошла домой. Ей казалось невозможным сесть в троллейбус, вообще появиться в каком-то месте, где есть люди, потому что всем сразу станет ясно, какая беда произошла с ней. Она шла пешком через весь город, шла часа два, останавливаясь, чувствуя, что обесилела совсем: точно у старухи, не тянет сердце. Все время лил дождь, туфли размокли вконец, и чулки и низ платья, там, где кончался плащ, тоже намокли. «Аллах, что же будет теперь, — тупо думала Мукаддам, — отец убьет меня!»

Наконец она остановилась у ворот своего дома, толкнула их и прислонилась к глинобитной стене, не в силах шагнуть дальше, не в силах пройти дувал. От страха ее колотил озноб, она вся дрожала. Со двора, через глубокий проход в стене тянуло сыростью, тяжелым запахом намокшей глины. Дождь лил все сильнее.

«Может быть, отца нет дома? — проснулась вдруг

надежда у Мукаддам.— Кажется, он собирался на заседание махаллинского комитета...»

Отец ее прежде работал учителем в средней школе, а после выхода на пенсию его избрали председателем комитета их махалли, иначе говоря, председателем дома, объединявшего квартал. Был он человеком очень уважаемым в махалле, его почтительно называли «кари-ата», что значит «образованный». И вот единственная, любимая, хотя и выращенная в строгости дочь покрыла позором его седины.

«Может, его нет дома?»— со слабой надеждой подумала Мукаддам и шагнула во двор, но тут же ей навстречу зазвучали тяжелые шаги отца.

— Мукад?— удивленно и обеспокоенно пробасил он.— Ты где была так поздно, что с тобой?

Он спустился по лестнице с балахоны, Мукаддам наткнулась на его черные, пытливо вглядывающиеся в ее лицо глаза, сухая рука нервно теребила бороду.

— Много было вызовов, дада,— тихо пробормотала Мукаддам.— Я промокла очень, пойду переоденусь...

Она снова робко взглянула на отца, ожидая, что вот сейчас он все узнает, и вдруг с облегчением увидела, что он одет по-уличному и с зонтом.

— Разотри хорошенько ноги,— строго и ласково сказал отец, раскрыл зонт и прошел мимо нее на улицу.

— Хорошо, дада...— прошептала Мукаддам и вошла в дом.

Мать обернулась от ниши, куда она составляла вымытую после ужина посуду. В руках она держала ляган — большое блюдо для плова.

— Как ты долго, кызым!— сказала она.— Что-нибудь случилось? Кто гуляет в такую погоду?.. Садись есть.

— Я же на работе...— Мукаддам прошла в другую комнату, сняла с себя мокрое платье и рубаху, запихала подальше в грязное белье, надела сухое.— Я не хочу есть, я к Лабар пойду.

Лабар, закадычная подружка Мукаддам и ее ровесница, жила в доме напротив. Мукаддам перебежала через улицу, поздоровалась с матерью Лабар, которая убирала на терраске, и пошла наверх, где они обычно спали вместе с Лабар. Торопясь сюда, она намеревалась поделиться с Лабар своим страшным несчастьем, обсудить с подругой, как теперь быть. Но когда Мукаддам вошла в комнату и увидела веселую спокойную Лабар, сидевшую на постели в одной рубахе: она

сушила после мытья волосы,— решимость ее исчезла: «Она будет презирать меня. Такая гадость. Я бы тоже ее презирала, наверное... Нет, не скажу... Парни любят хвастаться этим...»

— Ты что?— спросила Лабар и улыбнулась.— Что ты встрепанная какая-то?.. С Анваром поругалась?

Мукаддам даже охнула, так больно ударил ее вопрос подруги. Анвар? Не увидит она больше никогда своего Анвара. Вот...

— Ничего...— Мукаддам пожала плечами и села на кровать.— Ты знаешь, какой дождь! А у меня, наверное, сто вызовов сегодня было. Тело так и ломит, как будто побил кто.

— Ну ложись, согрейся.— Лабар потрясла головой, расправляя распущенные волосы.— Ты опять на свой старый участок ходила?

— Да нет...— Мукаддам натянуто засмеялась.— С чего ты взяла?

Она сняла платье и быстро легла в постель, закрывшись одеялом по горло. Ей все казалось, что Лабар заметит, что что-то не так.

— Просто устала.

— А я думала, к тебе тот дружок Анвара опять приставал.

— Нет...

Мукаддам закрыла глаза, чувствуя, как подступили слезы. Зачем она тогда рассказала Лабар про Алимардана, язык бы себе отрезать! Вот уж, поистине, хочешь, чтобы секрет узнал весь город, расскажи женщине!..

Кровать заскрипела под тяжестью полного тела Лабар.

— Будем спать?.. Ой, свет не выключила...— Лабар, тяжело ступая, прошла по ковру, щелкнула выключателем. Снова заскрипела кровать.— Джахангир говорит, что увезет меня с собой в свой кишлак.

Джахангир, рыжий веснушчатый парень, окончил медтехникум вместе с Лабар и работал фельдшером в горном кишлаке недалеко от Ташкента. Они с Лабар любили друг друга, но Лабар не могла пока выйти за него замуж: ее старшая сестра была на выданье.

— Как это увезет?— удивилась Мукаддам.— Что, разве Халима выходит замуж?

Лабар долго молчала, потом мрачно произнесла:

— Нет... Но я же не виновата, что она никому не нравится?.. Так подождешь-подождешь и сама старой

девой останешься. Возьму и уеду просто так, распишемся потихоньку, свадьбу играть не будем.

Мукаддам недоверчиво хмыкнула: конечно, Лабар никогда не решится на это.

— Ладно... Давай спать. Не болтай глупости.

Лабар тяжело вздохнула, повертелась на кровати, потом, через недолгое время, задышала мерно и спокойно. А Мукаддам, убедившись, что подруга спит, дала волю слезам. Она плакала, душа рыдания подушкой, до тех пор, пока не обессилела совсем. Задремала, когда через маленькое оконце стал брезжить серый рассвет.

5

Однажды, проснувшись ранним утром. Алимардан вдруг почувствовал, что здоров. В окно светило солнце, небо было голубым и без единого облачка. Алимардан пожегал некоторое время улыбаясь, наслаждаясь ощущением вдруг пришедшей к нему силы, потом вскочил, взял полотенце и в одних брюках побежал к реке.

Берег был еще скользким после недавних дождей, Алимардан спустился не тропкой, а по жухлой траве, наклонился над прозрачной холодной водой и стал умываться, тихонько ахая от наслаждения и от холода. Сильно растеревшись полотенцем, он помахал руками, слушая, как отзываются ослабевшие после болезни мышцы, поприседал на носках, легко взбежал на горку. Улицей он пошел медленно, справляясь с поднявшимся сердцебиением. Поглядев на растворенную дверь своего дома, он вдруг подумал: «Может, Мукаддам пришла?..» — и почувствовал, что хочет видеть ее.

С тех пор, как она была у него последний раз, прошла неделя. То, что девушка после всего, что случилось, не приходила к нему умолять и навязываться, подняло ее в его глазах, сделало желанной. Он скучал по ней, скучал по-мужски; изо всех женщин, с которыми у него были прежде отношения, Мукаддам казалась ему самой желанной, он уже почти любил ее. «Я женюсь на ней, — вдруг решил Алимардан, заходя к себе во двор. — Завтра же пойду в поликлинику и скажу ей об этом».

Он увидел Анвара, стоявшего возле сури, тот рассеянно глядел в землю.

«Он пришел из-за Мукаддам? — мелькнуло у Алимардана. — Будем драться?.. Ну что ж, хоть чем-то я

серьезно огорчил этого чистюлю... Правда, я слаб еще, но с ним-то справлюсь!»

Анвар был чисто выбрит, в новом черном костюме, нейлоновой сорочке и голубом синтетическом галстуке.

«Вырядился, как жених...— зло подумал Алимардан.— Возможно, он идет предложение делать?» Он внутренне усмехнулся.

Анвар поднял глаза, лицо его осветилось улыбкой, отчего кожа на узком подбородке некрасиво натянулась.

— Здравствуй...— сказал он и подошел, чтобы по обычаю обнять друга дважды.— Зачем же ты ходил на речку, вода холодная, снова заболеешь!..

«Какой он все же урод!— неприязненно думал Алимардан, отвечая на легкие объятия друга.— Но про Мукаддам он, ясное дело, ничего не знает».

У него прямо язык зачесался похвастаться: очень весело было бы поглядеть, как исказится лицо Анвара. Тем не менее он сдержал себя, только сказал, усмехаясь:

— Ну, лучше уж иногда болеть, чем быть таким неженкой, как ты. Мужчина есть мужчина, а ты разве мужчина?..— он хлопнул Анвара по спине, заметив, что у того обиженно осунулось лицо.— Ладно, шутка! Пошли в дом, будем чай пить.

Глаза Анвара снова просветлели, он зашел в дом, сел, скрестив ноги на курпаче, сложенной в углу. Алимардан поставил чайник на плитку.

— Завтра по телевизору концерт, в котором ты будешь участвовать,— сказал Анвар.— Я добился, чтобы тебя включили в программу. Надо только тебе приехать пораньше, будет репетиция.

— Ладно. Спасибо.— Алимардан повернулся спиной к другу, чтобы тот не заметил, как он радостно взволнован.— Возьми лепешки и сахар, они сзади тебя в нише.—«Хорошо, что я не сказал ему про Мукаддам!..»— подумал он.

Друзья попили чаю, потом Анвар поехал на работу, а Алимардан, дождавшись, пока шаги друга затихнут внизу на улице, взял рубаб, начал репетировать. Только мать знала, каким трудом дается ее красивому сыну легкость исполнения, кажущаяся небрежность: кроме нее, никто никогда не видел Алимардана репетирующим. У Алимардана был идеальный слух, поэтому большинство песен, даже те, которые он исполнял еще подростком, казались слушателям незнакомыми: они думали, что Алимардан сочиняет их сам. На деле он просто

варьировал разные, услышанные им когда-то народные мелодии, слова он брал из классических газелей Навои, Машраба, Фурката. Такого же происхождения была и мелодия к «Песне юноши», которую неделю назад слышала Мукаддам. Алимардан собирался исполнить ее завтра по телевидению, потому до самого вечера он играл на рубабе и пел, проверяя и уточняя оттенки мелодии, звучание стихов, свои позы перед зеркалом, даже детали завтрашнего костюма и прически. То, что он будет великим, известным певцом, Алимардан ощущал как нечто почти свершившееся.

6

Около полудня следующего дня Алимардан приехал на телестудию. Анвар уже ждал его.

— Я заказал тебе пропуск,— сказал Анвар, облегченно улыбнувшись.— Я боялся, что ты опять заболел и не придешь. А где же твой рубаб?

— Зачем он мне?..— Алимардан пожал плечами.— С чем я стану выступать, я ничего не знаю... Не морочь голову! Приехал просто так, пойдем пообедаем вместе куда-нибудь, надоела собственная готовка.

— Это после,— отмахнулся Анвар, привыкший к тому, что Алимардан любит пококетничать. К тому же он догадался, что друг не взял свой рубаб из-за того, что тот был старенький.— Пообедаем, конечно... Сейчас пойдем, я тебя познакомлю с редактором.

Они поднялись по широкой лестнице, застеленной ковром, остановились перед дверью, на которой было написано «Музыкальная редакция». Анвар толкнул дверь.

— Заходи! Вот мой стол, посиди, я сейчас пойду узнаю...

Алимардан вошел в комнату, сел за стол, на который ему указал Анвар. На столе грудой лежали какие-то папки, бумаги, под стеклом — отпечатанный типографским способом список телефонов разных учреждений и министерств; на листочке календаря мелким почерком Анвара было написано: «В 12 час. позвонить композитору Л. С 5 до 7 час. встреча с Петренко... Звонил А., сказ. главному».

«Какой он стал важный!— с неожиданной неприязнью подумал Алимардан.— Подумаешь, деятель! А сколько, интересно, он получает теперь?» Алимардан

посмотрел на шелковые шторы, на дорогой ковер, покрывавший пол комнаты, и почувствовал, как в сердце поднимается глухая злоба: «Большой человек!..» Потом он вспомнил о Мукаддам, представил лицо Анвара, когда он узнает про всю эту историю, и усмехнулся.

Вошел Анвар, неся новехонький черный тар с перламутровым ладом.

— Возьми,— сказал он, улыбнувшись Алимардану.— По-моему, неплохой инструмент.

— Великолепный!— восхищенно пробормотал Алимардан, дотронувшись до чутких, сразу нежно отозвавшихся ему струн.— С первых же денег достану себе такой. Чудо!..

— Пойдем, репетиция началась, скоро твоя очередь.

Анвар провел друга в репетиционную, представил редакторше — немолодой женщине в джерсовом костюме. Алимардан внутренне усмехнулся, заметив невольное восхищение во взгляде редакторши, скользнувшем по его лицу.

— Садитесь,— негромко и доброжелательно сказала женщина.— Тураев, да?.. Что вы хотите исполнить?..

Часов в пять друзья зашли перекусить в чайхану возле центрального рынка. Анвар предложил заказать бутылку вина, но Алимардан отказался, сославшись на то, что чувствует себя после болезни слабым, как бы не раскиснуть к вечеру. На самом деле он просто взял себе за правило никогда не пить перед ответственными выступлениями: его голос, его воля в такие минуты целиком должны были принадлежать ему. Тем паче сегодня, когда, можно сказать, решалась судьба.

И вот трансляция концерта началась. Алимардан сидел в углу зала студии, ожидая своей очереди. Пела девушка, потом парень, потом девушка танцевала, Алимардан слышал все как в тумане, сердце колотилось гулко и часто, щеки пылали. Наконец послышался голос дикторши, сидящей у пульта:

— Выступает Алимардан Тураев! «Песня юноши»!

Алимардан встал, шагнул на освещенную часть зала, счастливо чувствуя, как им овладевает спокойствие, уверенность, что он подчинит-таки себе сейчас эту капризную особу, которая зовется славой. Он знал, что выступит прекрасно!

Оператор надвинул на него камеру. Глядя на воображаемых зрителей, Алимардан улыбнулся, слегка поклонился и по знаку редакторши тронул струны тара

Мелодия овладела им, он запел. Он уже не помнил себя, только чувствовал, как голос переполняет его грудь, льется, словно звон ручья в летний день, обволакивает своды зала, подчиняет, покоряет... Когда он кончил, то снова, как бы очнувшись, взглянул в воображаемый зал, улыбнулся, тихо наклонил голову. Камера отъехала. Выходя из комнаты, он кивнул с улыбкой редакторше, восхищенно поднявшей кверху приветственно сжатые ладони. Он стал знаменитым, он чувствовал это.

В коридоре его обхватил за плечи Анвар:

— Молодец, как ты прекрасно пел! Ты покоришь всех без исключения!.. Я знал, что это будет!

Алимардан усмехнулся, высвобождаясь:

— Спасибо. Я, пожалуй, пойду. Ты что, должен еще остаться?

— Нет, мне можно тоже уйти. Пойдем, я поеду с тобой в Бустан, зайду в поликлинику.

— К Мукаддам?— Алимардан многозначительно поднял брови.— Пойдем...

Вечер был теплым, тихим. Алимардан помахал рукой, останавливая такси. Скрипнув тормозами, машина с зеленым огоньком замедлила ход, шофер высунулся из окошечка:

— Вам куда, джигиты?

— В Бустан.

— Туда на своей машине поедешь, дорогой!— насмешливо произнес шофер и дал газ.

Алимардан стиснул зубы от ярости, потом усмехнулся.

— Ну что ж,— сказал он.— На своей так на своей. Уговорил, пожалуй.

Покуда же они добрались до Бустана, как всегда, на автобусе.

Друзья шли рядом по улице кишлака, но молчали, думая каждый о своем. У поворота, где им надо было расходиться, Алимардан остановился и спросил:

— Так ты в поликлинику?

Анвар кивнул.

— Сегодня Мукаддам во вторую смену работает, моему. Мы давно не виделись, я соскучился.— Он взглянул на насмешливо сощурившегося Алимардана и покраснел.— Ты зря смеешься. Ты другой человек, ты не любил никогда, понимаешь... А я люблю ее.— Анвар вздохнул, взглянул на небо, вздохнул еще раз, чтобы сладить с комком, подступившим к горлу.— Мне трудно

с ней, она странная... То все вроде бы хорошо, а теперь, уже дней десять, она вообще избегает меня, не хочет разговаривать. Понимаешь... Я не могу так больше, надо выяснить все.

Алимардан не отрываясь смотрел на лицо друга, неярко освещенное уличным фонарем. На худом, тонкокожем лице этом можно было прочесть все, что сейчас чувствовал Анвар: и отчаяние, и надежду, и какие-то неясные еще подозрения.

— Я женюсь,— сказал Алимардан негромко.

Анвар, точно просыпаясь, взглянул на него, удивленно поднял брови.

— На ком? Вот это новость!

— На Мукаддам.

— Что ж ты раньше ничего не говорил?— начал Анвар и вдруг замолчал.— На какой Мукаддам?— переспросил он.

— На той самой...— Алимардан, повернувшись, пошел по направлению к дому. Некоторое время за спиной его не раздавалось ни звука, потом послышались торопливые шаги.

Анвар догнал его и резко дернул за плечо.

— Ты что? Разве так шутят? Мы же друзья все-таки!..

— В этих вещах, знаешь...— Алимардан сплюнул сквозь зубы и прислонился к стволу тутового дерева.— Какая дружба в таких вещах, ты что?.. Потом бывают обстоятельства, когда вынужден жениться. Ничего не поделаешь... Да ты пойдя, расспроси ее саму...

Алимардан говорил негромко, медленно, глядя в упор в лицо Анвару, и видел, как лицо это искажается, губы начинают дрожать. Потом Анвар тряхнул головой и провел ладонью по лбу.

— Да брось ты...— прошептал он.— Брось, не дури.

Он поднял глаза, надеясь увидеть на лице Алимардана улыбку, но не увидел ее.

— У меня с ней было...— грубо сказал Алимардан и посмотрел на Анвара с ненавистью.— Понял ты, растяпа? Пока ты ахал да охал, я...

Анвар, чувствуя, что сейчас потеряет сознание, застоял и ударил со всей силы Алимардана кулаком в лицо. Ударил еще раз, потом повернулся и побежал.

Алимардан медленно вытер кровь с разбитых губ, постоял, опершись спиной о ствол тутовника, затем не торопясь пошел домой.

В окнах поликлиники горел свет. Анвар взбежал на каменное крыльцо, рванул дверь и, промчавшись мимо испуганно отстранившейся уборщицы, распахнул дверь дежурки. Мукаддам сидела за беленьким ординаторским столом, переписывала истории болезни. Лицо ее было печальным и прекрасным. Сердце Анвара заболело от горя и нежности.

— Мукаддам?— прошептал он.

Мукаддам подняла голову и вдруг вскочила. Щеки ее побледнели еще больше, губы упрямо и гордо сжались.

— Это правда, Мукад?— спросил Анвар, уже зная, что она ответит, и ожидая, надеясь, что все-таки скажет удивленно: «Что правда? О чем вы?..»

Мукаддам молчала, глядя в стол, смяв в тонких пальцах телефонный провод. Потом подняла голову.

— Да...— проговорила она.— Правда. Уходите...

Анвар постоял, держась за косяк двери, потом швырнул дверь с силой, выкрикнул грубое слово и выбежал на улицу.

«Гадина, гадина!— повторял он, вышагивая кишлачной улочкой так быстро, словно у него земля горела под пятками.— Ох, какая гадина, какая змея подлая, какая подлая гадина...»

Он сам не заметил, как ноги принесли его в парк, к Комсомольскому озеру. Тупо посмотрел на спокойную, светившуюся отражениями бесчисленных цветных лампочек воду и вдруг, обессилев, опустился на скамью. Оглянулся вокруг, приходя в себя.

Рядом были аттракционы, стояла очередь к кассе, визжали девчата на взмывающих к небу качелях. В ближней к нему лодке качались девушка и парень, парень раскачивался все сильнее, девушка визжала, платье у нее разлеталось, обнажая ноги едва не до бедер.

«Гадина бесстыдная!»— с глухой ненавистью подумал Анвар и, застонав от боли, от гадливости, заполнившей его душу, вскочил и пошел подальше от аттракционов, в темноту.

На скамейке, мимо которой он проходил, лежал парень, положив голову девушке на колени, та гладила ему волосы. Потом наклонилась, коснулась губами его лба и снова стала ласкать длинные вьющиеся волосы парня.

Анвар закрыл глаза, чувствуя, что его шатает. «Аллах, я сойду с ума!— прошептал он.— Что они все, с ума походили, как овцы весной?.. Или я раньше просто не замечал?..»

Он спустился на самый берег и сел на пень тала. Пронеслась моторная лодка, круто завернула и поехала обратно, волны заплеснулись на берег, туфли Анвара промокли, но он не замечал этого. Он все еще не свыкся с бедой, все еще где-то внутри жило ощущение, что это просто сон, ошибка, что вот сейчас что-то произойдет — и жизнь будет течь по-старому, его отношения с Мукаддам будут, как прежде, неопределенными, прекрасными и полными надежд.

В этой части парка стояла тишина, такая тишина, что слышно было, как грохают, передвигаясь по рельсам, огромные подъемные краны: неподалеку отстраивался новый квартал. Горели прожекторы и красные сигнальные огни на кранах; стрелы, груженные стопками бетонных плит, медленно поворачивались, разгружались, снова поворачивались. Людей не было видно, казалось, что действуют какие-то разумные роботы.

Анвар машинально следил за работой кранов, внутри саднило. Он вдруг вспомнил подобное предчувствие беды, охватившее его, жуткое обреченное знание, что все самое страшное уже произошло,— с этим ощущением он жил тогда почти час, а потом — легкость и радость, и ежеминутное осознание, что он счастлив, счастлив не оттого, что с ним случилось нечто хорошее, а оттого, что не было плохого.

В тот вечер Анвар готовился к зачету по истории философии. Просидел над учебниками часов до трех, потом, наконец, решил лечь спать: «Перед смертью не надыхишься», но никак не мог уснуть — возбужденный мозг не успокаивался. Спустя час он начал задремывать, как вдруг кто-то словно бы сбросил его с кровати.

Где-то далеко прогрехотал взрыв, задрезжали стекла окон, заскрипела балахона и продолжала угрожающе скрипеть, а стекла продолжали дребезжать. Анвар встал на четвереньки и со страхом посмотрел в окно. Вдруг на черном небе поднялось зарево и, закрыв горизонт, стояло там довольно долго. Посыпалась штукатурка.

Анвар вскочил на ноги, вбежал в комнату матери, включил свет. В углу на курпачах сидела, поджав ноги, Икбол-хола и громко читала молитву «Субхан-аллах»;

Анвар вспомнил, что эту молитву читают во время землетрясений. Он схватил мать за руки и потащил во двор.

— Выйдем!— повторял он.— Надо выйти, ойи, опасно!..

— Не бойся,— сказала Икбол-хола, поднялась на ноги и заковыляла следом, повторяя:— Не бойся, углым, это землетрясение...

Потом, задним числом, Анвар удивился с каким спокойствием приняла его старая мудрая мать стихийное бедствие: видно, заговорил в крови вековой опыт далеких поколений...

Потух свет. Они вышли во дворик, стояла тьма крошечная, лаяли собаки, кричали люди. Анвар вышел за калитку. Узкая улочка была полна возбужденных людей. Кто-то выскочил в майке и трусах, кто в комбинации, кто-то просто завернулся в простыню и стоял так, дрожа от страха.

— Как ваши родные? Никто не пострадал?— спрашивали все друг друга встревоженными голосами.— А дом как? Стоит пока?

— Видели, видели?— спрашивал кто-то рядом с Анваром.— Там, где Алайский рынок, будто небо взорвалось! Что-то там случилось нехорошее.

«Мукаддам!— оборвалось тогда у Анвара сердце.— Ведь они живут на Алайском!»

Он снова побежал к себе во двор. У входа на айван стояла мать.

— Не входи в дом,— сказала она, схватив его за руку.— Сейчас будет повторный толчок. Подожди, сынок, давай выйдем.

Покорно он пошел за матерью, и они вместе вышли на улочку. Соседи продолжали возбужденно разговаривать между собой, кто-то громко рыдал, кто-то твердил слова утешения, в свои дома разойтись люди, однако, не решились, ждали повторного толчка. Анвар никого не видел вокруг, ничего не слышал, в мозгу у него стучало: «Мукаддам, Мукаддам, бедная моя Мукаддам, что с ней?..»

Вдруг стало странно тихо. Это перестали брехать собаки. Вокруг заговорили, что второй толчок миновал, можно расходиться по домам. Но Анвар не слышал второго толчка и удивился, узнав, что он миновал.

Стало вдруг очень холодно. Соседи начали расходиться; Анвар, взяв мать под руку, тоже вошел в свой дом. Вдруг зажегся свет, и Анвар увидел, что на нама-

те, на курпачах, на кровати лежат куски штукатурки, в воздухе стоит известковая пыль.

Анвар надел пиджак и брюки, включил приемник. Передавали последние известия. Дикторша рассказывала о том, что такой-то колхоз закончил сев хлопка, такой-то завод, борясь за достойную встречу Первомая, досрочно выполнил месячное задание. О землетрясении не было сказано ни слова. Анвар выключил приемник и вышел во двор.

Икбол-хола ставила самовар, из трубы шел дым.

— Куда ты?— спросила она, обернув к сыну встревоженное лицо.

— Я вернусь сейчас, мама,— сказал Анвар.— Не беспокойтесь, я сейчас вернусь. Видите, уже стало совсем светло.

Он торопясь вышел на улицу. Светало. Где-то на горизонте снова появилось зарево. Вспомнив ночной таинственный свет, Анвар заторопился еще больше: и на самом деле «небо взорвалось» именно на Алайском!.. Почти бегом он вышел на главный проспект. Проходили нечастые троллейбусы, но пассажиров в них почти не было: все почему-то предпочитали идти пешком. Анвар шел мимо домов, у которых в стенах зияли трещины, порассыпались дымоходы.

За мостом была толпа людей; пробравшись в первые ряды, он увидел дом с вывалившейся стеной, кирпичи засыпали дворик. Солдаты вытаскивали из-под развалин шкафы и сундуки. На потолке нелепо качалась люстра с разбитыми плафонами.

— Живы-здоровы,— сказал кто-то рядом.— Стена-то обвалилась наружу.

Выбравшись из толпы, Анвар побежал дальше. В общем, разрушений было меньше, чем можно было ожидать. Большинство домов стояли нетронутыми, только у некоторых зияли трещины в стенах.

— Следующая...— шептал про себя Анвар, справляясь с дыханием.— Следующая улица Мукаддам, аллах, пронеси беду!..

Сердце у него сжималось обреченно и больно: почему-то он был сейчас уверен, что с Мукаддам стряслась беда. Слишком уж последнее время у них было все хорошо.

Наконец он остановился у голубой калитки Мукаддам. Здесь на улице было мало людей, все вокруг дышало покоем. Анвар приоткрыл калитку. Во дворе бы-

ло чисто, тихо, дом стоял целым. Хозяева, очевидно, спали. Анвар, не решаясь войти, но и не желая уходить, стоял возле калитки. Приоткрылась дверь дома, со ступенек сбежала Мукаддам с папкой в руках. Увидев Анвара, девушка радостно взвизгнула:

— Ох, а я так волновалась, Анвар-ака! Как там у вас, все в порядке?

— Да... почти. А у вас?

— У нас тоже. Только самовар со шкафа упал, отломилась ручка... Еще стекла разбились. И все...

В тот день они не пошли на занятия, бродили по городу. То был очень счастливый день... Тогда беду пронесло мимо, но теперь Анвару больше нечего было ждать. Ничто уже не могло изменить совершившегося.

В парке стало тихо, посетители разошлись, многие лампочки были погашены. Время перевалило за полночь. Анвар поднялся и побрел к выходу. Когда он проходил мимо темных неподвижных качелей, сзади с тарактением затормозил мотоцикл, милиционер с подозрением окликнул Анвара:

— Эй, джигит, ты что здесь делаешь?

— Гуляю,— ответил Анвар.

Милиционер оторопело промолчал.

Уличная калитка их дома была заперта. Анвар, чтобы не разбудить мать, прошел по двору на цыпочках и поднялся на терраску. Но, должно быть, Икбол-хола еще не заснула, потому что на айване сразу же зажегся свет, осветив на утоптанной земле двора желтые, глянцеvито заблестевшие листья тутовника. Мать вышла на терраску, надевая на голову платок.

— Где это тебя носит, углым? Можно ли ходить до этих пор, я беспокоюсь!

Анвар сказал первое, что пришло в голову:

— Я ходил к Алимардану.

И снова сжалось сердце так, что он даже застонал от боли.

— Как он, еще не выздоровел?— спросила Икбол-хола.

Анвар отвернул лицо.

— Здоров... Лучше меня...

— Ну и слава аллаху!— видно, не расслышав последних его слов, сказала Икбол-хола и, взяв маленький столик — хон-тахту, прислоненный к стене, стала растилать на нем дастархан.

— Сейчас я разогрею тебе шурпу.

— Не нужно,— отказался Анвар, проходя к себе в комнату.— Не надо, ойи, я ложусь спать, я устал.

Анвар потушил свет. Серебряно блестела железная крыша соседнего дома, половина двора была закрыта тенью. На терраске тускло сияли круглые медные блюда, столбы отбрасывали тени на кошму. Казалось, что луна светит сейчас над всем миром, осеняя его своим покоем, казалось, что все люди спят спокойно в своих домах, только один Анвар бодрствует.

Промчался ветер, листья тутовника зашелестели и стали осыпаться. Когда-то они с Алимарданом из веток этой тутовины вырезали рогатки. Когда-то они все же дружили, так дружили!..

Анвару до сих пор не верилось, что случившееся происходит на самом деле, он сидел возле окна в каком-то безвольном оцепенении и не знал, что делать дальше, как дальше жить. С той минуты, как из его судьбы вынули Мукаддам, дальнейшее потеряло смысл.

Луна перешла за крышу, снова подул ветер, вздрогнули ветви тутовника и посыпались листья. Сиплым голосом прокричал петух. Наверху, над соседской крышей, начало сереть чебо. Наступил рассвет.

Глава вторая

1

Машина «Скорой помощи» неслась по улицам Ташкента, выла сирена. Окна кузова были замазаны белой краской, потому Мукаддам не могла видеть, где они проезжают, однако по начавшейся тряске она определила, что выехали на проселочную каменистую дорогу.

Минут двадцать назад, когда она кипятила инструменты, чтобы сделать укол очередному пациенту, в процедурную торопливо вошла Хури-апа и велела немедленно собираться: «В Заңги-ата какой-то мужчина избил жену, у нее сердечный приступ». Выезды такие были для Мукаддам уже, в общем, привычны, так что она сидела, равнодушно глядя перед собой, перебирая в который раз свои тяжелые, неотвязные думы.

Наконец машина остановилась. Мукаддам взяла чемоданчик с инструментами, отворила заднюю дверцу и выпрыгнула на улицу. Облако пыли, поднявшееся за машиной, тут же обволокло ее. Мукаддам торопясь

отошла на обочину, пыль осела на воду арыка, на пожухлую, тронутую ночными заморозками траву. Из кабины шофера вышла Хури-апа и, кивнув Мукаддам, пошла по мостику через арык к домикам кишлака.

В начале улицы перед некрашеной деревянной дверью в дувале стояла группа женщин. Завидев врача, они стали торопливо расходиться, остался только молодой парень в шароварах и майке, он сидел на земле, сжав лицо руками.

Хури-апа потрогала его за плечо:

— Эй, джигит, здесь живет Азимджанова Саодат?

Парень резко поднял голову, лицо его было бледным, глаза безумными, на прикушенных губах запеклась кровь. Хури-апа повторила свой вопрос, но парень дернул плечом, ничего не ответил и снова уронил голову на ладони.

Хури-апа чуть усмехнулась, толкнула дверь и вошла. Мукаддам последовала за ней. Во дворе вроде было все спокойно: помахивала хвостом и жевала жвачку корова, привязанная к яблоне; на крыше терраски низенького дома были навалены сухие толстые стебли хлопчатника — гузапая, зимой ими топят тандыр, где пекут лепешки. Не раздавалось ни единого звука и из раскрытой двери дома.

Хури-апа прошла в дом. Мукаддам тоже вошла, ничего не разбирая сначала со света в темной комнате: окна были занавешены. Потом глаза привыкли, и она увидела полную немолодую женщину, сидевшую на корточках возле кровати. Та вскочила им навстречу.

— Нет, мои дорогие,— запричитала и заплакала она.— Я не для того женила сына, чтобы он в первый день убивал свою жену. Он не говорил мне, почему так вышло!..

— Откройте занавеси!— резко сказала Хури-апа.

В комнате стало светло, и Мукаддам увидела на постели молодую женщину в халате, лежащую поверх одеяла. На шее и на лице у нее были кровоподтеки и синяки, волосы растрепаны.

Хури-апа села на кровать, взяла запястье больной. Та, приподняв веки, безучастно смотрела на врача. Пожилая женщина, прислонившись к косяку двери, тихо плакала и причитала:

— Аллах, его ведь посадят! Почему я такая несчастная, почему столько бед на мою седую голову...

— Кордиамин,— сказала Хури-апа, и Мукаддам стала готовить шприц.

В комнату неожиданно быстро вошел старик в белом стеганом халате — яктаке. Следом вбежал парень в майке.

— Забирайте свою дочь!— выкрикнул он и выругался.— Забирайте, пока я не убил ее. Предупреждаю!

Больная, увидев старика, попыталась было сесть, но Хури-апа удержала ее. Старик подошел к кровати, взглянул на женщину и закрыл лицо руками.

— Что ты сделал с ней, негодяй!— проговорил он дрожащим голосом.— За что ты изуродовал ее?..

— Пусть она уходит!— выкрикнул парень.— Я даю ей развод! Пусть она уходит, или я убью ее!

Пожилая женщина бросилась к нему и упала на колени, обхватив ноги.

— Не кричи, успокойся!— запричитала она.— Тебя посадят в тюрьму!.. За что эта доля свалилась на мою голову!..

— Пусть посадят!— опять закричал парень, рванувшись к кровати.— Гадина! Я убью ее!..

— Я уже дряхл, поэтому не могу тебе отомстить за дочь!— сказал старик.— Но, может, найдутся другие...

— Может быть, нашлись!— выкрикнул парень и поддал ногой самовар, стоявший на полу. Самовар с грохотом упал, парень схватил его и выкинул в окно, высадив раму. Посыпались стекла.

— Тише!— сказала Хури-апа и встала.— Хватит. Уйди отсюда.

— Я не собака, чтобы жрать чьи-то объедки,— сказал парень уже ниже тоном и вдруг, расслабившись, упал на кошму и зарыдал.— Почему она меня обманула, почему она обманула меня?.. Как я буду жить, опозоренный?.. Почему вы отдали мне свою дочь, которая уже спала с кем-то?— он поднял голову и взглянул на старика.— Ата-джан, вы знали, что ваша дочь уже побывала в чьей-то постели?

Старик стоял, опершись на палку, глаз не видно было под насупленными бровями. В лице его не было ни кровинки. Больная, дернувшись, простонала:

— Вина на мне... Уйдите все. Я поднимусь, покину дом. Уеду...

В комнате воцарилась тишина, потом Хури-апа деловито сказала:

— Укол.

Мукаддам подошла, руки у нее дрожали.

— Что с тобой?— удивленно и недовольно спросила Хури-апа.— Дай сюда!

Она взяла шприц, а Мукаддам, не помня себя, выскочила во двор, побежала к машине, села в нее и дала волю слезам. «То же будет со мной!..— стучало в мозгу.— Нет, мне не надо никогда выходить замуж. Я никогда не выйду замуж, пусть отец не узнает, что я его опозорила!..» Ее била дрожь, она съежилась комочком в углу на сиденье и сжала лицо руками, чтобы не стучали зубы.

Скоро пришла рассерженная Хури-апа, резко захлопнула дверцу кабины, бросила шоферу: «Поехали!» Закурила, через маленькое окошечко в кузов тянуло дымом дешевых сигарет. Мукаддам перебирала свои девчачьи мечты: дети, муж, собственный веселый дом — счастливая добрая жизнь,— и заливалась слезами: ничего этого уже не будет. Она не заметила, как машина въехала во двор поликлиники и остановилась. Шофер постучал по окошечку: «Эй, сестричка, задремала? Выходи!»

Мукаддам взяла чемоданчик и слабыми ногами ступила на землю. Подошла к крыльцу. Хури-апа скрылась за дверью.

— Мукад!— позвали ее.

Мукаддам обернулась и вздрогнула: возле маленького хауза во дворе поликлиники сидел на корточках Алимардан. Мгновение Мукаддам растерянно стояла, потом опустила чемоданчик на землю и провела рукой по лицу: глаза заплаканы, нос, наверное, распух... Ну и пусть! Мукаддам сделала шаг к хаузу, не зная еще, что такое злое она скажет сейчас этому человеку — причине ее горестей и слез. Он, не вставая, внимательно глядел, потом вдруг улыбнулся, в глазах мелькнула грустная нежность.

— Умойся девочка... Ты плакала?

Мукаддам машинально нагнулась, зачерпнула горстью воду из хауза, ополоснула лицо. Алимардан шагнул к ней, достал из кармана скомканный темный платок, протянул.

— Утрись.. Милая моя, я так скучал по тебе.

От этих слов Мукаддам как-то вдруг ослабела внутренне, выпали все жалкие колючки, которыми она вооружилась для обороны, губы ее скривились, она хлюпнула и совсем по-детски разревелась, вжимая лицо в грязный

платок, пахнувший горько и сладостно — теплом кожи этого мужчины.

Алимардан притянул ее к себе, гладил по худеньким лопаткам, чувствуя, как колотится сердце и как больно хочется ему зацеловать, заласкать эту слабую и сильную девочку, так желанную ему и все-таки недоступную пока, хотя вроде бы он и имел уже на нее какие-то права.

Сначала тело Мукаддам напряженно отстранялось, потом поникло, и он, потеряв разум, гладил ее по спине, целовал заплаканное красное лицо, мокрые глаза и губы, на удивление больным, спускавшимся со ступенек крыльца, на удивление толстой женщине в белом халате, вышедшей на крыльцо, стоявшей в раздумье и так, не сказав ни слова, ушедшей обратно.

— Завтра придут сваты, — шептал Алимардан. — Слышишь, Мукад? Не сердись, так вышло, я ведь болел, не мог раньше. Завтра сваты придут. Пойдем ко мне, я истосковался по тебе, хочу тебя, слышишь? Родная моя...

— Нет, — плакала Мукаддам. — Пустите! Не надо мне ваших сватов, я их прогоню! Я никогда ни за кого не выйду замуж...

Но и у нее вопреки ее воле сладко слабели ноги, кружилась голова, и поцелуи, больно жегшие воспаленную, напряженную кожу на лице, были все сладостней и желанней. И не стыдно было, что их видит весь свет.

2

Когда Анзират-хола услышала, что ее единственную любимую дочку сватает сирота без роду без племени, она воспротивилась, даже поплакала. Кари-ата прикрикнул на нее: «Что, разве его отец и мать тебе луну с неба достали бы? Достаточно, что парень любит нашу дочку, а она любит его. Будет нам сыном, будем его родными!»

Анзират-хола поплакала, а поплавав, успокоилась и стала деятельно готовиться к свадьбе, созвав соседок, чтобы помогли ей. Трепали, чесали шерсть для традиционного матраса, который молодоженам должна подарить мать невесты. Анзират-хола вынула из сундука дорогие старинные украшения: браслеты, серьги, ожерелья, подвески к косам. Кораллы в черненое серебре, бирюза в серебре — старинная прекрасная чеканка, ручная работа. Сама она все это давно не носит, отдаст Мукаддам, как ей когда-то в день свадьбы отдала эту звенящую, точно уздечка лошади, красоту мать. Наверное, Мукад-

дам тоже не будет носить эти красивые вещи, девушки сейчас носят какие-то дешевые блестящие стекляшки, а Мукаддам совсем почти не надевает никаких украшений, только бирюзовые капельки в ушах: как вдела ей, пятилетней, бабушка, когда проколола уши, так девочке ни разу не захотелось ничего другого. Капризница, серьезница, дочка моя дорогая...

До Мукаддам у Анзират-холы родился сначала мальчик, но умер на седьмой день, потом девочка, умершая в сорокадневье. Вот и не верь старикам, которые говорят, что третий, седьмой, девятый и сороковой дни самые тяжелые и несчастные для младенца, что нельзя допускать, чтобы чужой взгляд коснулся лица малыша, пока он не перевалит за эти роковые цифры... Ну, а потом, когда родилась Мукаддам, они с Кари-ата только что во рту ее не носили. Коклюш, корь, скарлатина — все дети болеют, никто не минует, а они бегали по знаменитым докторам, трепетали, точно дочка вот-вот умрет.

Когда Мукаддам пошла в школу, Кари-ата сам отводил ее туда и приводил обратно: ему все мерещилось, что дорогой с ребенком может случиться несчастье. В шестом классе Мукаддам попросила велосипед. В то время в их махалле девочки еще не ездили на велосипедах, считалось неприличным, но Кари-ата купил своей капризнице великолепный велосипед, и девчонка, мотая косичками и сверкая голыми коленками, гоняла по узеньким улочкам. Соседи поосуждали, поговорили, потом привыкли, и через год уже у большинства девчонок, ровесниц Мукаддам, были велосипеды.

Отец, конечно, мечтал, чтобы дочка пошла в педагогический, стала учительницей в той школе, где недавно учительствовал он сам. Ничего подобного: Мукаддам вбила себе в голову, что будет врачом. Пришлось принять и это...

Сыну двоюродной сестры отца давно нравилась Мукаддам, заслали сватов, но Мукаддам повела бровью: «Не пойду за него. Не нравится... И потом мне учиться надо». Ну и с тех пор родственники поссорились и не ходят в гости, хотя живут друг от друга всего-то в полчаса езды на трамвае.

Но, конечно, родители для дочки могут смастерить даже трон, только настоящее-то ее счастье все-таки с мужем. Тут уж ничего не сделаешь, ничему не поможешь, не поправишь. Как аллах решит, так и будет.

Анзират-хола смахнула слезу, толкнула резную деревянную дверь в дувале. В доме у них слышались музыка, женский смех, дружные хлопки: видно, кто-то плясал. Сегодня к ним в дом пришел той — свадьба, иначе говоря, девишник. У Алимардана сейчас справлялся мальчишник. Нет, жених оказался ничем других не хуже: и подарки прислал какие положено, и плов, и сладости. Все шло так, как надо, не хуже, чем у людей, и все-таки у Анзират-холы было тоскливо на сердце: ох, тяжело свое милое дитя отдавать в чужой дом! Кто ей стогодит, кто накормит ее, кто утром на работу разбудит!.. Девочка она еще, дитя, в куклы недавно бросила играть, вон сидят на айване в углу трепанные старые мишка, заяц, две безглазые безносые куклы. Хотела вчера выбросить, так не дала: «Ты что, ойи? Я их так люблю, они мои самые хорошие дочки...» И засмеялась, а зубы мелкие, белые, как у мышонка. Красавица моя...

Дверь распахнулась, вышла полная невысокая девушка в атласном платье.

— Ох, жарко! — сказала она. — Пусть открыта будет, ладно, девочки?

По голосу Анзират-хола узнала Лабар.

— Кто это? — спросила Лабар и вдруг взвизгнула радостно. — Апа пришла! Пойдемте, пойдемте, вы нам спляшете!

Анзират-хола остановилась у порога, приняла от девушек «салам», ответила им «алейкум ассалам!» Оглянула комнату: все ли в порядке, все ли так, как надо? Осталась довольна: все красиво, богато, так, как у людей, а может быть, и лучше.

На стенах комнаты висели традиционные черные, вышитые красным и желтым шелком свадебные ковры — залдивор и паляк. В нишах стопками были сложены разноцветные курпачи, одеяла, матрасы. На дастархане всего было вдоволь: плов, жареное и вареное мясо, сметана в пиалках, помидоры и лук, щедро сдобренные красным перцем; в вазах стояли розы и гвоздики, на блюдах горой лежали виноград, яблоки, гранаты, красная нарезанная ломтями дыня. Девушки уже не ели ничего, а на дастархане полно было всякого угощения, хорошо. Слава аллаху, в нашем доме пока всего вдоволь!

Анзират-хола отыскивала глазами дочь. Она сидела в центре стола в красном с черными и желтыми разводами атласном платье, брови, подкрашенные усьмой в одну линию, оттеняли белый широкий лоб; белый, прямой,

как стрела, пробор разделял черные волосы; на худых щеках горели пятна румянца, глаза влажно блестели. Анзират-хола задержала взгляд на дочери, словно впервые ее увидела. «Какая она все-таки красавица, прямо фаришта...» — с каким-то даже страхом подумала она.

— Мама! — позвала Мукаддам и улыбнулась. — Иди к нам, пожалуйста!

— Ну! — улыбнулась Анзират-хола. — Пойте, веселитесь, дело молодое...

Она села на курпаче с угла низенького столика, подняла руки к лицу, задрожавшим голосом прочла молитву: «Пошли аллах тебе счастья, детка моя! Чтобы дом твой был полон добром и детьми, чтобы состарилась вместе со своим мужем...»

Мукаддам, обходя подруг, прошла к матери, опустилась рядом с ней на колени. Анзират-хола обняла ее за плечи, прижала к себе, поцеловала в лоб. И вдруг почувствовала, что от волос дочери и от платья пахнет духами. Анзират-хола вздохнула и сказала с грустью:

— Ты уже совсем большая стала, кызым! И когда ты выросла?..

— Апа! — закричала Лабар. — Пожелайте и остальным девушкам хорошего замужества!

Девушки засмеялись, загомонили, снова включили магнитофон, Анзират-хола отпустила дочь и придвинула к себе касу с шурпой.

Лабар потянула Мукаддам на середину комнаты:

— Танцуй! Танцуй, пока еще можно, потом муж не позволит!

— Что это она такая серьезная, правда! — крикнул кто-то из девушек. — Или у нее муж оказался стариком?

— Ого! — захохотала Лабар, откидывая назад черно-косую голову. — Ничего себе старик! Джигит такой, красавец, высокий, чернобровый, глаза горячие! Я влюбилась!.. Правда, девчата! Танцуй, Мукад, радуйся.

Мукаддам вышла на середину, тряхнула руками, повела плечами в такт музыке. Сами собой поплыли брови вверх, улыбнулись губы, скользнула голова вправо-влево... Очень долго у нее, девчонки, когда они играли в свадьбу, не получалось это — остановить неподвижно плечи, чтобы только дрожали тоненькие пальцы рук и двигалась шея то вправо, то влево, в такт кокетливым переливам мелодии. Шея, а не плечи...

Лабар встала рядом, тоже подняла задрожавшие, заигравшие пальцы рук, залилась гортанно, соловьино:

Ах, я отдала ювелиру красный камешек,
Просила: ограни, чтобы рубином стал!
Ах, я отдала милому робкое сердечко,
Просила: сохрани, не разбей!

Замолкла мелодия, Мукаддам села на свое место и вдруг загрустила. Значит, нет уже дороги назад, значит, в эту комнату, на стенах которой висят сейчас сюзане и паляки, где прошла вся ее недлинная, нехитрая жизнь, она уже не ворвется по-хозяйски, бросив в угол портфель, не упадет на курпачу, ожидая, пока мама, накинув на низенький столик дастархан, будет суетиться, собирая ей поесть. Отныне она будет приходить сюда только гостьей, чужой...

А Лабар смеялась, ломая белые лепешки патыр, давала девушкам, себе оставила самый большой кусок:

— Не сердись, Мукаддам, когда придет ко мне халва от жениха, я тебе тоже самый большой кусок отломлю!.. Девочки, давайте поглядим, какие подарки прислали нашей Мукад?..

Лабар подбежала к сундуку, достала из него большой узел и стала разворачивать и показывать всем девушкам атласные платья.

— Где это он атлас номоз-шом достал?— удивлялась она.— Он сейчас только на экспорт идет да в валютные магазины. Вся Европа в нашем атласе щеголяет. Какие красивые... Вот хитрец, вот пройдоха!

Она снова нагнулась над сундуком и вдруг вытянула откуда-то со дна шелковую синюю кийикчу — мужской поясной платок, вышитый Мукаддам.

— Ого!— крикнула Лабар.— Когда это она успела вышить? Поглядите, как красиво! А я думала, она покупную кийикчу будет дарить жениху, наша келин. А она, глядите, успела, вышила!

Руки девушек потянулись к платку, Мукаддам вскопчила на ноги, вспыхнув, вырвала кийикчу у Лабар.

— Не надо, не тронь!— крикнула она, смяла платок и сунула за пазуху. Дело в том, что в уголке платка было вышито: «На память Анвару-ака». А она и думать забыла об Анваре в последнее время...

Девушки удивленно промолчали, потом отвлеклись, разглядывая новый шелковый отрез, вытщенный Лабар

из сундука. А Мукаддам пыталась припомнить лицо Анвара и не могла. Бесплотно расплывалось, уходило. Зато лицо Алимардана, улыбающееся, нежное, нависшее над ее лицом, его горячую кожу, руки, ласкающие ее плечи и грудь, она помнила. И запах его рта и запах волос... Господи, она сейчас потеряет сознание!..

Мукаддам взяла со стола гранат, надрезала кожицу, разломила.

Губы возлюбленного моего — половинки граната.
Руки его — лунная дорожка на воде Зарафшан!
Как я люблю его, простите меня, подруги,
Я совсем потеряла голову!..

Лабар пела, лукаво улыбаясь, и Мукаддам улыbnлась в ответ: «Простите меня, подруги, я совсем потеряла голову».

3

Алимардан проснулся поздно, полежал с закрытыми глазами, чувствуя, что не прошла еще томительная сладкая усталость в теле, улыbnнулся и быстро повернулся на бок. Открыл глаза. Но Мукаддам уже рядом с ним не было. Часы пробили девять. Занавески были задернуты, потому в комнате стоял полумрак, но на дворе был уже белый день, и люди давно работали. Однако Алимардана эта мысль не заставила подняться: сегодня был первый день, вернее, первое утро после их с Мукаддам свадьбы, первое утро после того вечера, когда невеста законно, а не тайно вошла в его дом, легла в его постель.

Бедная его комната преобразилась: обшарпанные стены были закрыты шелковыми вышитыми сюзанае, в нишах были красивыми стопками сложены бархатные одеяла, на точке поблескивали вымытые, аккуратно составленные фарфоровые чайники и пиалы. На столике рядом с постелью стояли ваза с яблоками, чайник и две пиалы.

Давно в доме не было так чисто, надо отдать молодой келин справедливость. Мама перед смертью уже так слабо себя чувствовала, что убирала только то, что бросалось в глаза. «Вот приведешь молодую в дом...»

Алимардан вскочил в одних трусах, подошел к окну, раздвинул занавески. Было пасмурно, ночью видно, прошел дождь, земля во дворе была темной, однако глад-

кой и чистой. В углу возле хлева Мукаддам старательно шаркала метлой, подметая двор. Толстая длинная коса моталась сзади, приминала широкое платье, обрисовывая изгибы спины и бедер. На Мукаддам, как положено молодой жене, были надеты шаровары-лозим, от этого она казалась длинноногой и повзрослевшей. Алимардан кашлянул, потер себе грудь, потом, взяв из вазы яблоко, отворил окно и швырнул в Мукаддам. Та испуганно отскочила, посмотрела вверх на орешину, недоумевающе обернулась. Засмеялась, увидев Алимардана в окне.

— Зачем вы кидаетесь? Я испугалась.

По узбекскому обычаю, она называла его на «вы», но Алимардан знал, что в молодых узбекских семьях, особенно в среде интеллигенции, принято теперь между мужем и женой обращение на «ты». Это ему казалось более современным.

— Кара гульча,— позвал он ласково.— Черный цветочек, пойди найди мне тапочки, что твоя мама подарила.

Мукаддам вспыхнула, улыбнувшись. Она все никак не могла привыкнуть к тому множеству ласковых прозвищ, которые придумывал для нее начитанный в газелях Алимардан. Черный цветочек, Синий цветочек, «Тиканли гуль» — колючий цветок (это когда они в шутку ссорились). «Ак гуль! Белый цветок! — шептал Алимардан, целуя ее ноги и живот.— Счастье мое, ты немая? Ты что молчишь? Тебе плохо?..»

— Какие тапочки? Вы шутите? — спрашивала Мукаддам, идя с метлой к двери.— Они же там стоят...

— Где? — спросил Алимардан, лег в постель, отбросив одеяло.— Да торопись, глупая, непонятливая, я соскучился, а ты все еще ребенок!

Он схватил смущенную Мукаддам за руки, стал целовать ее пальцы, узкие запястья.

«Сколько в нашей восточной поэзии написано красивых слов о женском запястье! — удивленно вспомнил он.— Впрочем, когда все остальное скрыто паранджой и чадрой и только беленькая ручка иногда мелькнет...»

— Я хочу сына, Мукад! — сказал он потом, лежа на спине, улыбаясь.— Пятерых сыновей, слышишь, маленькая! Ты ни о чем не думай, ни о чем не заботься, только рожай мне детей и будь красивой. Слышишь?

Мукаддам счастливо кивала, лежа на его сильной

руке, робко гладила его широкую грудь, поросшую курчавым волосом.

— Ой,— вскрикнула она.— Чайник закипел.

Вскочила, оделась, повесила на плечо полотенце, взяла узкогорлый медный кувшин с водой. Подошла к абрезу — выложенному кирпичами желобу для умывания.

— Я солью вам.

— Пойду умоюсь на речку,— сказал Алимардан, сняв с ее плеча полотенце.— Там хоть поплескаюсь вдоволь.

— Разве не стыдно,— сказала Мукаддам с нарочитой серьезностью,— женатый мужчина и пойдете через весь кишлак в майке на речку!

— Ничего!— рассмеялся Алимардан.— Кому стыдно, пусть не выдают за меня свою дочку. Мне пока одной жены хватит.

Когда он вернулся, в доме было прибрано, на столике стояли масло, сахар, мёд, лежали лепешки. Из носика фарфорового чайника с зеленым чаем шел пар. Мукаддам перелистывала какой-то альбом.

— Посмотрите,— улыбнулась она.— Ваши фотографии валялись повсюду, а я сделала альбом!

— Ну-ка?— Алимардан сел рядом с ней, открыл альбом.

На первой странице была приклеена старая, пожелтевшая карточка его матери — единственная, оставшаяся после ее смерти. Мать тут снималась еще молодой, но, одетая в стеганый халат и с головой, повязанной шерстяным платком, она выглядела усталой и старой. Тогда Алимардан только пошел в школу, много болел, и мать работала уборщицей на станции в двадцати верстах от кишлака. Каждый вечер она приносила ведро угля, разжигала сандал, сажала Алимардана за столик у сандала, укутывала одеялом. Сфотографировалась она для какого-то документа и все огорчалась, что вышла похожей на старушку.

— Давайте увеличим портрет нашей мамы,— сказала Мукаддам,— и повесим на стенку.

Алимардан оторвался от фотографии, взглянул на жену, улыбнулся ласково.

— Давай...— сказал он и тихо поцеловал Мукаддам в шею.— Мама у меня была хорошая...— помолчав, он добавил:— Теперь ты будешь тут хозяйка...

Не договорив, он продолжал листать альбом, разглядывая свои студенческие фотографии, групповую фотографию студенток медтехникума, где серьезная, в белом

халате Мукаддам тянула тонкую шейку из-за спин подружек. На следующей фотографии был снят Анвар в украинской вышитой сорочке, он стоял возле фонтана. Алимардан поднял на Мукаддам налившиеся гневом глаза. «Она все еще любит его», — подумал он, чувствуя, как темная волна застилает его мозг. Вырвав из альбома страницу вместе с фотографией, он бросил ее Мукаддам.

— Возьмите! Можете увеличить и повесить на стену!

— Зачем?— Мукаддам растерянно отодвинулась.— Не надо, Алимардан-ака... Я же у вас ее нашла, я думала...

— Порви ее!— глухим голосом проговорил Алимардан, и по скулам у него заходили желваки.— Ну!

— Он же ваш друг... Я думала...

— А мне неинтересно, что ты думаешь!— крикнул Алимардан.— Подними фотографию.

Мукаддам прямо смотрела на него, кожа возле уголков рта будто осушалась. Так же прямо глядя, она подняла фотографию, разорвала, выбросила обрывки в абрез, вернулась на место.

Алимардан, остывая, сел за хонтахту, отломил кусок лепешки, намазал маслом и медом.

Мукаддам налила в пиалу чаю, подала ему.

Алимардан взглянул на нее, взял пиалу, поставил.

— Что ты стоишь?— буркнул он.— Я же не свекровь твоя, мне не обязательно подавать пиалушку стоя!..

Мукаддам отвернулась, обиженно поджав губы. Алимардан дернул ее за платье, потом пощекотал ногу под сгибом колени. Мукаддам поджала ногу и рассмеялась.

Вот уже больше месяца Алимардан наслаждался своим семейным счастьем. Мукаддам оказалась старательной, хорошей хозяйкой, вкусно готовила, в доме все блестело. И потом они любили друг друга. Правда, случались и размолвки, но короткие, не омрачавшие пока их счастья.

Когда Алимардан на телестудии встречался с Анваром, тот отворачивался, не здороваясь. А Алимардан так был полон счастьем, что готов был снисходительно обласкать и этого нескладного парня, подарившего ему жену и славу. «Надо бы позвать его как-нибудь в гости, помириться», — благодушно думал он. Но, вспомнив лицо Мукаддам, когда она тщательно рвала «дорогую» фотографию, он снова загорался ревностью и злобой. Впрочем, Мукаддам была беременна и уже начала дурнеть:

немного опухло, изменилось лицо, над губами легли пока едва заметные коричневые тени. Но она все еще была желанна Алимардану.

За эти полтора месяца он уже четыре раза пел в концертах по телевизору. Каждый раз он готовился тщательно, продумывая все мелочи, как путник, отправляющийся в дальнюю трудную дорогу. Дома Алимардан теперь не репетировал, не желая обнаруживать перед женой, как долго он примеривается, пробуя то одну, то другую мелодию. Мукаддам он пел песни уже готовыми — и восхищенный лепет ее, и поцелуи были ему первой дорогой наградой. Зато в роше на краю кишлака каждое утро можно было теперь услышать весь сложный «процесс творчества», от первых неуверенных, неблагозвучных нот до последней победной трели.

Особенно тщательно готовился он к праздничному телевизионному концерту по случаю Октябрьской годовщины. Сочинил три новые песни, изменил кое-что в двух старых. Перед репетицией редакторша с улыбкой протянула ему вскрытый коверт.

— Прочитайте, — сказала она.

Письмо было написано простым карандашом на листочке в клетку. Алимардан, пробежав его глазами, наткнулся на строки: «Мы, колхозники колхоза «Заря Востока», хотим еще раз услышать прекрасный голос Алимардана Тураева. Нашей просьбе не откажите...»

У Алимардана от приятного волнения мурашки прошли по спине. Ну вот, кажется, все начиналось всерьез. Как он и ожидал.

После концерта он вопреки обыкновению не заторопился домой, а зашел в буфет. Выпил две рюмки коньяку, закусил конфетой. Делая вид, что слушает вполуха, он принял похвалы от музыкального редактора и двух пожилых мужчин, сидевших вместе с ним за столиком. В концерте Алимардан исполнил пять песен, исполнил вдохновенно — он чувствовал себя победителем, но ему приятно было вновь и вновь слушать, как он хорошо поет. Мужчины — один из них оказался известным композитором и дирижером — пригласили его посидеть с ними. Сидели, разговаривали, выпили еще немного. Наконец разошлись. Чтобы утишить волнение, Алимардан решил пару остановок пройти пешком.

Праздничный город был расцвечен неоновыми огнями, трепыхались на ветру флаги, играла музыка в репродукторах. Проходя мимо одного из домов, Алимардан

остановился. Из освещенного распахнутого окна на третьем этаже доносился знакомый голос. Еще не веря ушам, Алимардан прислушался: это был его голос, его песня! Перейдя на другую сторону и встав на цыпочки, он попытался разглядеть, что там, за окном,— на задернутой желтой шторой мелькали тени многих людей, слышался хохот, веселые голоса. Однако весь этот праздничный застольный шум перекрывала «Песня юноши».

«Они записали меня на магнитофон!— ахнул Алимардан.— Да ведь здесь находится студенческое общежитие! Ну, уж если я нравлюсь студентам, если они записывают меня на пленку... Я становлюсь популярным певцом!..»

Алимардан прошелся под окнами, слушая свой голос, не в силах сдержать счастливую самодовольную улыбку.

«А что, если зайти?— подумал он.— Узнают они меня? Скажу: я Алимардан Тураев. Вот!..» Он ходил под окнами, представляя, каким восторженным шумом встречают его парни и девушки, как просят спеть еще... Потом на пленке пошла другая песня, на русском языке, кажется, Окуджавы. Алимардан двинулся дальше.

«Успокойся!— насмешливо твердил он себе.— Раскудахтался, как курица над первым яйцом!.. Ничего особенного, все в порядке вещей, то ли еще будет!.. Приучи себя принимать такие штуки с достоинством, как пододбает мужчине...»

Стуча в низенькую дверь своего дувала, Алимардан покачал головой: «Эх ты, Алимардан Тураев! Хоть бы ворота хорошие сделал! Вот дсм у тебя должен быть роскошный, чтобы все эти... сдохли от зависти... Жаль, мама не дожила... — Пока Мукаддам шлепала по двору галошами, Алимардан, оглядываясь по сторонам и уже представляя, как он все преобразит, упрямо думал:— А ничего. Сделаю. Все сделаю! Дворец эмира бухарского будет тут стоять через год, или я не Алимардан Тураев!..»

Беспрерывно моросивший с утра дождь к полудню перешел в мокрый снег. Алимардан, стоя у окна, следил, как летят тяжелые частые хлопья, превращаясь на земле в мокрую грязь. Только на крыше хлева и на перильцах сури снег пока оставался белым, но видно было, как он тяжело оседает под собственной тяжестью, стекает тонкими струйками с камыша, которым была крыта крыша. Смеркалось. Однако свет Алимардану зажигать не хотелось, он все стоял у окна, курил, в нем копошились

какие-то неоформленные, смутные мысли, и было ему хорошо от этого.

В соседней комнате стучала машинка, Мукаддам шила распашонки и все прочее для их будущего сына. Этот монотонный уютный звук тоже как бы осенял плечи Алимардана покоем, ощущением прочности будущего и бесконечности дороги, которая лежит впереди. Хотя, если говорить правду, временами их «семейное счастье» начинало Алимардана тяготить. Уж очень Мукаддам по-дурнела...

В дверь в дувале постучали, Алимардан почему-то вздрогнул. Машинка замолкла.

— Я открою!— крикнул Алимардан.

Он поднял над головой цветастый бекасамовый халат, оставшийся от свадьбы, вышел во двор, распахнул дверь. На улице стояли двое — один высокий, в плаще и без тюбетейки, он притоптывал ногами в легких туфлях, второй был пониже, полный, одетый в короткое пальто и сапоги.

«Верно, они сбились с дороги»,— подумал Алимардан и, поклонившись, пригласил их по обычаю в дом:

— Проходите, пожалуйста!

— А мы думали, уж и не разыщем вас, Алимардан-ака,— сказал высокий мужчина, войдя в комнату.— Далеко вы забрались.

Второй мужчина обвел комнату пристальным взглядом, и сердце Алимардана дрогнуло от гордости и унижения.

— Мы к вам с просьбой, Алимардан-ака,— сказал второй.— Вот этот наш друг женит своего младшего брата, мы приглашаем вас на той. Не откажите нам.

Первый мужчина прижал обе руки к сердцу и низко поклонился.

— Не откажите нам, ака! Мы приехали с самого Аккургана, в такую погоду... Вы уж не думайте, что мы вас заставлять станем, просто умоляем, как старшего брата, как близкого человека...

— Да нет, что вы!— сказал Алимардан и резко взмахнул рукой.— Я по тоям не ходил и ходить не буду! Мне к концерту готовиться надо...

Приезжие помолчали огорченно, потом вновь принялись уговаривать его:

— Да не отказывайте, ака! Вы нас очень огорчите, мы ведь за услугу заплатим, сколько скажете.

Высокий, улыбнувшись и снова поклонившись, проговорил, тоже зыркнув глазами по небогатой обстановке комнаты:

— Сто рублей!

— Да что вы!— Алимардан оглянулся на дверь, за которой сидела Мукаддам.— Нет, я же сказал,— и через паузу добавил:— Садитесь, отдыхайте.

— Да мы не устали, ака,— сказал низенький.— У нас машина. Мы привезем вас, ака, и отвезем...

— Вы не беспокойтесь, все будет хорошо,— высокий опять поклонился.— Когда скажете, я вас сам отвезу домой, это моя машина. Мы вам двести рублей заплатим, мы же понимаем, что вы нам оказываете большую честь...

Алимардан хотел было вспылить и сказать этим людям что-то резкое, но вдруг где-то у него в мозгу щелкнуло: «Двести рублей... за несколько часов! Да что я, дурак?» Он постоял молча посреди комнаты, потом кивнул, соглашаясь.

— Не хочу вас обижать, ладно.

Приезжие обрадованно закланялись.

Алимардан вошел в большую комнату. Мукаддам сидела, отложив шитье, глаза ее были испуганными и сердитыми.

— Кто эти люди, Мардан-ака?— спросила она тихо.

— Пришли звать на свадьбу, дай мне одеться.

Алимардан нахмурил брови, на щеках выступили желваки, он не хотел обсуждать с женой свой поступок.

— Вы пойдете? Не ходите!— Мукаддам поднялась, халат распахнулся, обнажив под рубахой заметный уже живот.

— Я не спрашивал у вас совета!

Мукаддам постояла молча, потом, достав из гардероба необходимые вещи, подала мужу. Алимардан оделся, побрызгался одеколоном, взял рубаб и пошел к двери. Обернувшись, он произнес:

— Запри ворота. И ложись, не жди меня, я приеду поздно.

Машина понеслась сквозь мокрый снег, освещаемый светом фар, снег залеплял стекло, непрерывно скрипели дворники. Алимардан сидел молча, откинувшись на спинку, в нем ходила злоба и раздражение — на себя, на Мукаддам, на этих людей, неизвестно откуда взявшихся и потревоживших его покой. На то, что у каких-то обыкновенных людей в захолустном кишлаке имеется машина, а у него ее нет. На то, что его дом скромен, и приез-

жие удивлялись, что известный певец живет в таком жалком доме. Алимардан скрипел зубами: «Ну ладно!.. Вы еще увидите мой дом!.. На брюхе от удивления поползете к нему...»

Машина остановилась, они вышли и двинулись к большому дому, ярко освещенному электрическими лампочками, распахнули дверь. Головы сидящих повернулись к ним, кто-то заторопился навстречу, кто-то провел Алимардана к почетному столу на возвышении, усадил, подвинул пиалу с шурпой, налил водки в стакан. Алимардан выпил и огляделся. Большая комната была битком набита людьми, сидевшими на коврах вдоль стен, дастархан расстелен посередине. Стояли бутылки с водкой, вареная баранина, плов, айран, фрукты, помидоры с луком. Алимардан почувствовал, что голоден, и стал есть. Внутри словно что-то отступило. «Это тоже слава,— успокоенно подумал он.— За плохим, неизвестным певцом не едут в такую даль, не платят ему такие бешеные деньги».

Поев, он взял рубаб и запел. В комнате все моментально затихло. Начал песню Алимардан вяловато, но с каждой следующей строфой он разгорался, самозажигался, пел уже в полный голос, прикрыв глаза и чуть поводя головой вслед за мелодией. И видел, как одетые в грубые пастушьи чапаны и сапоги люди словно замороженные глядели на него и тоже медленно, в такт поводили головами. А к окнам прилипли ребятишки и женщины и тоже наслаждались его пением.

«Это слава,— думал Алимардан,— моя мать была простой женщиной, одетой в грубый халат и платок. И у нас издавна ведется традиция, что народные певцы поют на свадьбах и празднествах для народа. Почему я должен лишиться их счастья слышать меня близко, а не по радио, не по телевизору?..»

Как только он замолчал, все словно взорвалось — затрясли тюбетейками, застучали стаканами о бутылки, захлопали, кричали: «Яша! Яша! Молодец!.. Рахмат!» Алимардан кланялся, приложив руку к сердцу, а к нему теснились люди с бокалами, чтобы выпить за его здоровье и сунуть ему под тюбетейку над ухом деньги — кто рубль, кто три, а кто и десять. Это тоже был старый обычай — одаривать музыкантов, певцов и танцоров.

Алимардан снова пил и снова пел, и снова ему совали под тюбетейку деньги, а он рассовывал их по карманам и пьяно хохотал. Он давно уже не пил так мно-

го, он был пьян. После, в машине, не стесняясь хозяина, он доставал деньги из всех карманов, из-за пазухи и считал. Вместе с «гонораром» он набрал за сегодняшний вечер триста пятьдесят семь рублей.

Мукаддам закуталась в одеяло так, что остался только нос, но все равно ей было слышно, как зловеще похрустывает, задевая по стеклу, снег, как ветер воет в перекрытиях айвана, как скрипит через равные промежутки ветка орешины. Ей было страшно. Чувствовала она себя снова девочкой, оставленной родителями, а замужество казалось ей игрой, выдумкой, и непонятно было только, зачем это она лежит сейчас одна в чужом, ненужном ей доме, и тоскливо щемило сердце. Хотелось заснуть, проснуться, оказаться дома — и чтобы ничего, свершившегося с ней за последние четыре месяца, не было. Ей стало жаль себя, и она заплакала. Часы в большой комнате пробили три раза.

Мукаддам провела ладонью по чужому, мешавшему ей собираться в постели в комочек, как она любила, животу и с неприязнью подумала вдруг, что она не понимает, зачем и что с ней произошло, и так быстро, зачем этот ребенок, который растет в ней и от которого ее тошнит уже, и болит голова, и лицо испортилось. А дальше будет еще хуже: пеленки, стирка, беспрерывное «вя-вя-вя!» — с утра до вечера. И никуда уже не уйдешь из дому беззаботно: ни в кино, ни на танцы, ни погулять... Она снова тоскливо пожелала себе заснуть и проснуться опять девочкой, потом суеверно испугалась этих мыслей, сказала вслух: «Аллах, прости меня!..» И положила руку на твердый, точно она проглотила маленькую дыню, живот. Под рукой что-то двинулось, словно внутри ручеек протек, и стало щекотно. Мукаддам испуганно отдернула руку и легла на спину, не понимая, что же там, внутри, произошло: может, он обиделся? Или ему стало тесно, когда она прижала его рукой?.. Если бы у нее была свекровь, она бы могла, разбудив ее, пожаловаться, поплакаться, расспросить, что все это значит. Но свекрови не было, висела только на стене увеличенная фотография, тускло поблескивающая отраженным светом. Если бы у нее была свекровь, она не чувствовала бы себя такой одинокой в те долгие часы, когда Алимардан уходил на студию. И сейчас.

Когда она как-то сказала об этом Лабар, та засмеялась: «Ты капризная, ты не ужилась бы со свекровью! Ругались бы с утра до вечера!» Ужилась бы... Здесь, в чужом доме, в то первое утро, когда Алимардан крикнул на нее, Мукаддам вдруг удивленно нашла в своей душе — в своем капризном, избалованном существе — умение смириться, умение быть выше теперешней обиды ради чего-то большего. Видно, проснулась в ней память о бесконечном мудром терпении своих прародительниц, не жалком, рабском, а мудром, когда женщина все равно хозяйка в доме, а куражающийся и даже грозно поднимающийся на нее в иные часы руку муж — всего только лишь отец ее детей, которых она рождает для будущего, а будущее — за ней... Она нашла бы со свекровью общий язык, они не ссорились бы: чего делить? Зря она ушла с работы, так тоскливо днем... И делать особенно нечего: ну ходила на базар, ну сготовила, ну убралась, а дальше что?... Книг у Алимардана было немного, газели классиков Мукаддам скоро надоело читать, а новые книги она покупать не решалась: Алимардан словно бы в шутку (а последнее время просто всерьез) спрашивал у нее отчета в каждой копейке, своих же денег у нее теперь не было. Последнее время Алимардан часто стал срывать, грубить ей, явно охладел к ней. Сегодня за обедом, когда она его о чем-то спросила, он грубо отрезал: «Хочешь есть — еда перед тобой, не хочешь есть — еда за тобой. А меня оставь в покое». Мукаддам хотела было обидеться, потом усмехнулась. Пусть его. Беременная жена — обуза для мужа, но вот родится сын, тогда мы посмотрим, как вы запоете, Мардан-ака!..

Она так и задремала, лежа на спине, вздрагивая оттого, что скрипела стреха на айване. Возле дома оставилась машина, постучали в дверь. Мукаддам проснулась, не сразу сообразив, что случилось. В дверь уже забарабанили кулаками, Мукаддам вскочила, сунула ноги в галоши, накинула большой халат Алимардана, побежала открывать.

— Кто? — спросила она.

— Открой! — и, войдя, Алимардан зло бросил ей: — Ты что, подохла? Стучу-стучу, замерз весь...

Он пошел дальше, в дом, оставляя за собой запах винного перегара и лука, а Мукаддам остановилась в ужасе: сказать беременной жене, не знающей, что ее ждет впереди, о смерти, помянуть в это время смерть всуе — это ведь страшное кощунство! Только вконец по-

гибший человек мог сделать такое! У Мукаддам наполнились слезами глаза, она молча заперла ворота и прошла в дом.

Алимардан сидел на постели не раздеваясь, видно было, что он кипит весь, ожидая, на чем бы разрядиться.

«Он пьяный,— подумала Мукаддам.— Не надо обращать внимания». Она прошла в большую комнату, делая вид, что ей надо что-то убрать, ожидая, что Алимардан ляжет спать и заснет, а завтра все будет уже иначе. Но Алимардан прошел за ней и остановился в дверях, опершись ладонями о косяки. Мукаддам посмотрела на него. Раскрасневшееся, чернобровое, с пьяной злой ухмылкой лицо Алимардана было еще более красивым, чем обычно, и Мукаддам вдруг со страхом подумала, что все не так просто, что она любит его, что он желанен ей, что ей хочется приласкать и успокоить его, и чтобы он ее пожалел и успокоил. Заласканная родителями, сейчас, когда Алимардан стал холоден с ней, Мукаддам иногда просто физически тосковала по тому, чтобы кто-то погладил ее по голове, сказал что-то ласковое, детское, жалостливое.

— Тебе, может, что-нибудь не нравится?— спросил Алимардан, повышая голос.

— Не надо, Мардан-ака,— сказала Мукаддам и попыталась улыбнуться.— Завтра вы будете жалеть об этом.

— А если не нравится,— продолжал, не слушая, Алимардан,— можешь мотать! Мотай отсюда, твой дом не так далеко! Ты мне не нужна!..

Это было уже слишком для восемнадцатилетней терпеливой девочки — она зарыдала, закрыв лицо руками, упала на пол, обхватила ноги стоящего в дверях мужчины.

— За что же вы?— со всхлипыванием кричала она.— За что же вы меня так ненавидите? Я же не сама вам навязалась, я не хотела... О-о, я хочу умереть, я хочу умереть, раз вы меня больше не любите!... Я не хочу жить без вас!..

Отрезвев, Алимардан смотрел на валяющуюся у него в ногах чужую, не нужную, не желанную ему женщину. Брезгливо потрогал ее за плечо:

— Встаньте. Идите спать. У меня концерт завтра...— он посмотрел на часы, было пять утра.— Сегодня. И не кричите так, разбудите соседей.

Анвар торопясь шел по яркой толстой ковровой дорожке, которой был застелен коридор студии. Последние полгода он нарочно набирал себе много работы, так, чтобы некогда было вздохнуть, задуматься, загрустить. Он до сих пор не мог вырвать из своего сердца Мукаддам. Воспоминание о том, как он, не выдержав, приехал-таки к дому Мукаддам, когда там шел последний день свадьбы, мучило его постоянно. Тут тогда было много посторонних, случайных людей, толпившихся в переулке, чтобы послушать песни, поглазеть на молодых, а то и зайти во двор, поесть и попить: чем больше народу на свадьбе, тем приятнее хозяевам, тем счастливее и богаче будет жизнь молодых. Он простоял часа три в толпе зевак, слушая переливы сурная, песни, смех, и наконец дождался своего: подъехала машина, из дверей знакомого дувала вышла в белом платье и фате Мукаддам, следом Алимардан в черном костюме и черной чувстской тюбетейке, с вышитыми по ней белыми стручками перца, который, как рассказывают старики, должен отпугивать от молодого мужчины злых духов. Мукаддам поглядела по сторонам. Анвар даже подался вперед, мучительно желая, чтобы она его заметила: что отразится на лице ее?.. Но она равнодушно скользнула по нему взглядом, счастливо улыбнулась и, покосившись на Алимардана, полезла в машину. «Белое платье сними!— хотел крикнуть Анвар и даже прокусил себе губу до крови, чтобы сдержаться.— Бесстыдная, белое платье сними!..»

Икбол-хола несколько раз спрашивала его, когда же он приведет к ней в дом ту девушку, которую выбрал. Анвар сначала зло отмалчивался, делая вид, что не слышит вопроса, потом сказал, что эта девушка ему разонравилась. Тогда Икбол-хола стала расхваливать ему дочь ее двоюродной сестры по имени Этибор. Первое время, слыша это, Анвар усмехался, затем назойливость матери стала его злить. Сегодня утром, когда мать снова завела разговор про обладающую всеми достоинствами Этибор, Анвар сорвался, крикнул, что он и слышать про нее не хочет, что женщины ему вообще опротивели, что он никогда ни на ком не женится. Мать, обидевшись, заплакала, а Анвар ушел на работу без завтрака, чувствуя себя виноватым.

Вот и сейчас, идя по коридору студии, он вспоминал свою утреннюю размолвку с матерью, и раскаяние грыз-

до его. Бедная мама, так много настрадавшаяся в жизни, так сильно его любившая! Разве она виновата, что хочет видеть своего мальчика женатым, солидным, счастливым... Хочет помянуть внуков и разделить с молодой невесткой домашние дела?... Нет, впредь он станет сдерживаться!

Он уже было открыл дверь своей музыкальной редакции, как сзади его окликнули. Вздвогнув, он обернулся и увидел Алимардана, стоявшего возле зеркала. Одет он был в праздничный черный костюм (наверное, в тот самый, в котором был на свадьбе!), в углу рта дымила сигарета. Анвар хотел было уйти, не отвечая, но вдруг какое-то чувство болезненного любопытства к человеку, обездолившему его, взяло верх. Невольно он сделал несколько шагов навстречу Алимардану.

— Чего тебе?— спросил он, не здороваясь.

Алимардан, усмехнувшись, протянул руку.

— Ладно. Кто старое помянет, тому глаз вон!— сказал он, как-то сыто хохотнув.— Брось, дружище, сердиться!..

— У тебя ко мне дело?— не беря руки, спросил Анвар, чувствуя, как дрожат пальцы, державшие сценарий сегодняшней передачи, сложил бумагу вчетверо и сунул в карман. Заложил руки за спину.

— Да нет...— протянул Алимардан.— Я хотел тебя пригласить пообедать... Ты когда женишься?

Анвар дернулся, как от удара, густо покраснел.

— Тебе-то что?

— Хотел услугу тебе на свадьбе оказать. Из дружбы.

Анвар помолчал, стиснув зубы, потом сказал — и тут же пожалел об этом: не по-мужски собирать и передавать сплетни.

— Да нет, спасибо. Я не могу тебе платить двести рублей. Так что ты уж пой для тех, кто платит.

Алимардан перестал улыбаться и вдруг насторожился, оглянулся по сторонам.

— Что? Хочешь донести?

Такая мысль в голову Анвару прийти не могла, но ему вдруг стало спокойно оттого, что он хоть чем-то уязвил этого себялюбца. И оттого, что тот оказался мелким вдруг... Этого Анвар не ожидал.

— Да нет,— сказал он и отвернулся.— Я ведь не такой подлец, как ты... Не дрожи, я никому не скажу!..

Повернувшись он пошел к себе. Сзади копилось тяжелое молчание, потом Алимардан выкрикнул:

— Да говори, мне наплевать! Меня теперь вся республика знает, вы тут у меня в ногах еще наваяетесь!.. И потом я устроился на работу в эстрадный театр, надо мною не капает!

Анвар не обернулся, ничего не ответил, эта бабья перепалка была недостойна уважающего себя мужчины.

6

Алимардан сошел с трамвая и направился в сторону театра эстрады легкими, бодрыми шагами. Хотя внутри у него скребло после дурацкого разговора с Анваром, тем не менее он убеждал себя, что все хорошо, все прекрасно, неприятное утрясется, а приятное впереди и близко: его первый настоящий концерт сегодня, когда он будет петь, глядя не в аппараты, а в глаза зрителей.

Он подошел к афише, объявляющей о сегодняшнем концерте. Его имя было набрано мелкими буквами в самом низу после всех артистов. Алимардан сплюнул, пожал плечами и, презрительно усмехнувшись, пошел к артистическому входу в театр.

Здесь не было той роскоши, что на телестудии. Лестница, ведущая наверх к артистическим уборным, была цементной, грубой, ничем не закрытой. Коридоры тесными, темными, стены выкрашенные масляной краской, покрыты влажными испарениями. Было холодно. Где-то звенел бубен, играло пианино. «Уже репетируют!»— подумал Алимардан и, подойдя к двери уборной, где он раздевался вместе еще с двумя артистами, наткнулся на толстого высокого человека.

— Зуфар Хадиевич!— дрогнувшим от неожиданности голосом произнес Алимардан.— Здравствуйте..

Зуфар Хадиевич, художественный руководитель театра эстрады, не отвечая на приветствие, постоял, тяжело дыша, будто он только что взбежал по лестнице, потом резко бросил:

— Зайди ко мне!

Повернулся и пошел по коридору. Алимардан униженно последовал за ним, чувствуя себя нашкодившим мальчишкой. Открыв дверь кабинета, Зуфар Хадиевич сел в кресло, закурил. Седые, подстриженные ежиком волосы мягко светились в сиянии хрустальной люстры, лицо было рассерженным. Алимардан стоял у дверей,

не зная, что сказать. Руководитель театра был человеком всемогущим, в его руках были поездки артистов по стране и за рубежом, он создавал имена и сокрушал их. Спорить с ним не следовало.

— Ты что же, дорогой,— сказал, наконец, Зуфар Хадиевич, брезгливо отстранив ладонью клубы дыма,— опаздываешь на репетицию, а?..

Алимардан молчал, понимая: что бы он ни сказал сейчас, все не понравится вопрошавшему.

— Так не годится начинать артистическую карьеру!— Зуфар Хадиевич снова подымял сигаретой, разогнал ладонью дым, закашлялся.— У меня на тебя большие планы на летние гастролы. Поездишь по республике, а там, может, за рубеж... Но учти, что талант — это не только голос, но еще и дисциплина!

Алимардан все так же молчал, держа в руках каракулевую папаху, Зуфар Хадиевич, приняв его молчание за раскаяние и смирение, благодушно махнул рукой:

— Иди гримируйся!

Он любил молодых.

Когда Алимардан вышел из гримировочной и пришел за кулисы, концерт был в разгаре, сюда доносились жаркое дыхание и шум зала. Прошло несколько номеров, Алимардан терпеливо ждал своей очереди. Наконец девушка, ведущая концерт, подошла к нему и прошептала на ухо: «Ваш выход!» И, не ожидая, пока он соберется с духом, стуча каблучками, проследовала на сцену:

— Выступает молодой артист Алимардан Тураев!

Путаясь в занавесах, Алимардан заторопился следом, вышел на сцену, чувствуя себя так, будто он летел в пропасть. Грохот аплодисментов оглушил его, слишком яркий свет ramпы ослепил. Чуть усмехнувшись, девушка указала ему рукой на середину сцены и ушла.

Алимардан подошел к микрофону, поправил его, собираясь с духом, а зал все рукоплескал. Сердце Алимардана гулко билось, но он уже взял себя в руки, улыбнулся, поклонился и поднял тар. Привычный жест этот успокоил его, словно бы дал опору. Зал затих, он запел. Это была новая песня, и Алимардан почти физически чувствовал, что слова ее и мелодия словно бы соединяют его с залом нитями приязни, любви, от этого он пел еще лучше, свободнее.

Едва он замолк, как зал грохнул аплодисментами. Алимардан секунду слушал их — это была сладкая музыка, нужная его сердцу больше, чем те деньги, которые он получал на свадьбе. Сердце его билось, но уже не испуганно, а сладко, тяжело, полно — в эти мгновения полноты счастья не страшно было и умереть... Он улыбнулся, словно просыпаясь, поклонился и пошел со сцены. Однако зал, вместо того, чтобы затихнуть, продолжал шуметь, люди вскакивали со своих мест, что-то кричали.

Ведущая вышла на середину сцены, хотела что-то сказать, но ей не давали. Она улыбнулась, подняла руку, объявила:

— «Песня юноши»!

Зал смолк. Алимардан снова начал петь. Он не помнил себя, от благодарности и счастья он готов был вывернуться наизнанку. Кончилась песня, в зале снова захлопали, затопали, Алимардан спел еще, потом еще, потом быстрыми шагами ушел со сцены. В глазах у него стояли слезы счастья.

Он обернулся. Ведущая стояла посреди сцены, но ей опять не давали говорить, аплодисменты перешли в овацию, люди согласно кричали: «Ту-ра-ев! Ту-ра-ев!...» Они словно бы вбивали гвозди в голову певцов, которые должны были выходить сейчас, после Алимардана.

Не помня себя, не ожидая приглашения, Алимардан снова выбежал на сцену и снова начал петь, а его все не отпускали, и ведущая, стоя за занавесом, укоризненно качала головой. Наконец Алимардан почувствовал что изнемог, и, жалобным жестом показав на свое горло, развел руками. Зал грохнул добродушным смехом, захлопал уже не так неистово, отпуская его. Алимардан благодарно, низко поклонился, прижимая руку к сердцу, ушел за кулисы. И тут его встретил кипящий от гнева Зуфар Хадиевич.

— Ты что, дорогой? Думаешь, у тебя сольный концерт? У тебя совесть есть? Да как ты им, — он указал на ждущих своей очереди певцов, — в глаза глядишь?

Алимардан виновато опустил голову, но, не выдержав, усмехнулся и пошел разгримировываться. Звезда его славы восходила, это была яркая звезда, и никто уже не в силах был потушить ее...

К лету строительство на участке Алимардана развернулось вовсю. Рабочие снесли оставшийся от отца и дедушки старый глиняный дом и хлев, сломали террасу. На месте же всего этого был построен новый восьмикомнатный дом со стеклянной верандой и большой гараж. Недаром говорится: было бы золото — получишь и синицу, ту, что в небе, и ястреба, который в руках у соседа...

Голос Тураева каждый день звучал по радио, магнитофонные ленты были переполнены записями его песен, он напел уже несколько пластинок, которые должны были вот-вот появиться в музыкальных отделах магазинов. Люди говорили друг другу: «Пойдемте на свадьбу к такому-то, говорят, там будет Алимардан Тураев!..» Теперь Алимардан брал не меньше трехсот рублей, от сытной поздней еды на свадьбах он распольнел, не по возрасту посолиднел, впрочем, таким он себе нравился.

Летом молодой певец ездил с гастрольями по всей республике и вот только неделю как вернулся домой. Сегодня у него должен быть первый концерт после гастролей, и Алимардан готовился, репетируя перед зеркалом позы, поклоны, потом стал подбирать музыку для новой песни. Он давно уже не стеснялся жены: «Не хочет, пусть не слушает! Дом большой, место найти себе может!..»

Река бурлит, кипит вода, никак мне на берег не выйти.

Конь мой слаб — не спастись нам с ним!

Худым стал мой конь из-за бурной воды,

Я пожелтел из-за соболиных ее бровей!..

Он волновался, когда пел сейчас эту старую песню считавшуюся народной, музыку он несколько изменил и как бы огранил, добавил незаметные, но существенные штришки, придавшие ей особый блеск. Новая песня нравилась ему, он вкладывал в нее свою мечту о любви, о какой-то неизвестной прекрасной женщине которую он уже жаждал всем сердцем.

Почувствовав, что подошла Мукаддам, он не обернулся, пока она не положила ему руку на плечи и не прижалась к нему несмело.

— Что ты хочешь?— резко спросил он и отстранился. По задрожавшим губам жены он увидел, что вышло чересчур грубо, но, не желая смягчать, продолжал:— Я же просил тебя не мешать, когда я работаю! Неужто так трудно!

— Я думала...— тихо прошептала Мукаддам,— что это вы мне поете... Помните, как вы мне сочинили ту песню, когда я...

Алимардан насмешливо осмотрел жену и отвернулся. Весной у Мукаддам был выкидыш, но вскоре она снова забеременела, и на ее исхудавшем, почерневшем лице теперь постоянно стояла эта смесь печали и страха перед тем, что должно произойти. За год Алимардан позабыл красивую девочку, которая, кажется, как раз в этот день год назад вошла в его дом, чтобы выйти опозоренной и несчастной. Он привык видеть постоянно беременную некрасивую женщину, и у него было чувство, что его обманули, хитро поймали. Считал, что и того довольно, что он мирится с этим. О ребенке, которого они когда-то ждали и потом лишились, он не жалел. «Ребенок и деньги — грязь, скатывающаяся с рук. Они приходят и уходят, а мужчина остается...»

Поняв его взгляд, Мукаддам погрустнела еще больше, глаза наполнились слезами, она произнесла шепотом:

— Ужин остывает, а вам, наверное, уже идти пора.

— Сейчас, сейчас!..— сказал Алимардан с видом человека потерявшего терпение.

Мукаддам повернулась и молча ушла, ее тапочки без задников долго шаркали по всему дому, и казалось, что это ходит бессильная старуха.

Выйдя из дому, Алимардан счастливо вдохнул осенний холодный воздух и оглянулся по сторонам. Вот и снова осень распростерла над Бустаном свои шафранные крыла. На базарах везде валяется кожура от дынь, а над улицами, словно бабочки, кружатся огромные багровые листья чинар. Пришла тишина в парки и аллен, опустели трамваи: почти весь Ташкент выехал на сбор хлопка. Впрочем, надо полагать, найдется достаточно людей, чтобы до отказа заполнить зал, где он через час будет выступать.

Алимардан улыбнулся, подошел к «Волге», стоящей у ворот, включил зажигание. Все его мечты сбывались с быстротой, способной напугать кого угодно, только не

его самого. Он был молод, красив, полон сил, и у него все было впереди.

Большая люстра в зале еще не погасла. Зрители торопливо проходили между рядами, искали свои места и, усевшись, начинали шуршать конфетными бумажками, вертеть в руках программки, с нетерпением поглядывать на занавес.

Алимардан, чуть отодвинув край занавеса, глядел в зал. Как он и ожидал, на его концерт собралось народу больше, чем зал мог вместить, билетерши вносили стулья и ставили в проходах для кого-то из знакомых дирекции, тоже пожелавших услышать голос Алимардана Тураева. Билеты, оказывается, были распроданы еще полмесяца назад, и сейчас перед входом продавались с рук по десять рублей. Имя его на афише уже было напечатано самыми крупными буквами.

Публика расселась, успокоилась, послышались отдельные жидкие хлопки, потом аплодисменты стали гуще, зарокотали, как горная река весной. Алимардан пошел за кулисы, сел на стул, ожидая начала, гладил струны нового, очень дорогого тара, гораздо лучшего, чем тот, который год назад он держал на телевизионной студии.

Занавес пошел в стороны, большая люстра в зале медленно гасла, скоро зал потонул в темноте, горели только красные огоньки у входов.

Раздался звонкий голос ведущей концерт, зал отошелся аплодисментами. Алимардан вышел на сцену, поклонился. Аплодисменты стали более горячими, потом неступленными, так продолжалось минут пять. Потом Алимардан с улыбкой прижал к груди тар и выжидающе посмотрел, показывая, что он просит тишины. Аплодисменты стихли.

Речка горная бурлит — никак нам с конем

На берег не выбраться, горе нам!..

Никак я не избавлюсь, не вылечусь от любви своей...

Не успели замолкнуть последние нежные аккорды тара, как зал буквально взревел от аплодисментов. Теперь, привыкнув к такому горячему приему, Алимардан уже стоял спокойно, пережидая, пока аплодисменты стихнут, и он сможет начать новую песню.

К концу первого отделения Алимардан заметно ус-

тал, за неделю отдыха он успел отвыкнуть от большой нагрузки. У него гудела тяжело голова, заболели пальцы руки, щипавшей струны тара. Но внешне этого не было заметно: Алимардан приятно улыбался, кланялся и пел, пел, пел все, что мог, все, что знал, все, что выкрикивали в разгорячившемся зале голоса.

Наконец первое отделение окончилось, к сцене со всех мест побежали люди с букетами цветов.

Алимардан принимал букеты, кланялся, улыбался, руки его уже были полны, а к ногам его все летели цветы, какие-то женщины прорвались на сцену, совали ему цветы, вдруг кто-то обнял его за шею и поцеловал в щеку; обернувшись, он успел увидеть хорошенькую, смеющуюся молодую женщину, но ее тут же оттеснили, Алимардана стали обнимать и целовать со всех сторон: тогда он счел за лучшее, кое-как отбившись от поклонниц, сбежать за кулисы.

Он нарочно долго просидел в гримировочной, стирая с лица тон, чтобы зрители, ожидавшие его у выхода из театра, разошлись.

Когда он, наконец, собрался, окончилось и второе, более короткое отделение концерта, в театре уже никого не было. Убедившись, что и у входа его никто не ждет, Алимардан прошел в садик за театром, завел мотор своей «Волги».

Просто счастье, что давно, когда ему шел семнадцатый год, он случайно научился водить машину. Правда, это было связано с не очень приятными событиями его жизни, но о них никто не знал; зато сейчас, купив «Волгу», Алимардан за месяц получил права.

Тогда они с матерью поехали летом к дяде, и по его просьбе председатель поставил их сторожить колхозный виноградник. Мать сторожила днем, Алимардан ночью. Спустя какое-то время, когда виноград уже созрел, в шалаш к Алимардану пришел дядя и велел нарезать хороших кистей винограда и погрузить в машину, которая стоит на дороге. Алимардан хотел было что-то возразить, но дядя сказал: «Ты со мной не спорь, так будет лучше. Если сделаешь все хорошо, я тебя научу водить машину и куплю велосипед». Дядя зажег фонарик, они взяли корзину и пошли на плантацию. Нарезав несколько корзинок первосортного винограда, дядя уехал. С той поры так и повелось: днем Алимардан сидел за рулем дядино «газика», а ночью помогал ему срезать виноград. К концу лета он прилично на-

учился водить машинну, а дядя, сдержав обещание, купил ему хороший велосипед.

Следующим летом все началось сначала, но вскоре дядя попался. Алимардан, услышав об этом, быстро уехал домой, его не разыскивали, а дяде дали десять лет. Алимардан не очень сожалел о нем.

Свою «Волгу» Алимардан полюбил самозабвенно, пожалуй, больше, чем когда-то Мукаддам. Ездил он лихо, щегольски, почти всегда на больших скоростях, раза два у него было неприятности с милицией, но, узнав, что он Алимардан Тураев, его, пожурив, отпускали. Артисты — баловни народа. Привыкнув к тому, что ему «все дозволено», Алимардан уже считал это за должное.

2

Анвар пришел в Бустан, чтобы попрощаться с прошлым. За год кишлак сильно изменился: прибавилось асфальту, поднялись новые многоэтажные дома, поубавилось садов. Воздух теперь тут был почти такой же, как в городе: не вздохнешь полной грудью. Не было уже и домика, в котором когда-то они жили летом, исчезла ореховая роща. Теперь на этом месте стоял пятиэтажный дом.

Ушло, стерто с лица земли его прошлое, и вот сейчас ему предстояло проститься еще с одним кусочком юности.

Мать все-таки настояла на своем, познакомила Анвара с Этибор. Вопреки его ожиданиям Этибор оказалась довольно красивой серьезной девушкой, работавшей в ядерном институте. Они понравились друг другу и решили пожениться. Скоро должна была быть свадьба. Этибор, кажется, даже полюбила своего будущего мужа, Анвару же было просто все равно...

В грустных воспоминаниях Анвар подошел к дому Алимардана. Он уже слышал, что Тураев отгрохал новый дом, но такой роскоши он себе все-таки не представлял. Из прочного жженого кирпича, огромный, с мезонином, под железной крышей, с железными решетками на окнах. Ворота тоже были новые, покрытые ажурной резьбой, вверху горела лампочка.

Сердце Анвара заколотилось испуганно и тоскливо: сейчас он увидит Мукаддам. Он постучался, постучал

еще раз, потом увидел беленькую кнопку звонка и смущенно нажал ее.

Послышался звук шаркающих по дорожке галош, затем женский голос:

— Кто там? Мардан-ака, это вы?..

Надо, наверное, было повернуться и уйти: он не выдержит встречи с этой женщиной. Что-то произойдет — либо стыдное, унижительное для него, либо унижительное для них обоих. Он понял, что все еще любит ее. Любит, но ничего не простил.

Маленькая калитка в воротах отворилась. Мукаддам выглянула и вдруг ахнула, выронив из рук полотенце. Она была в цветастом халате, в галошах на босу ногу, простоволосой. Прошла длинная пауза, потом Мукаддам сказала:

— Проходите!— и распахнула калитку.

Анвар молчал, горестно разглядывая ее: как она постарела!.. Он даже не мог понять, что с ней произошло — это была другая женщина, с другим лицом, с потухшими маленькими глазами. Вдруг взгляд его упал на живот, остро приподнявший халат.

«Она беременна!..» — По нему словно бы прошло какое-то странное облегчение. Спадали какие-то путы с сердца, рассеивалось, таяло наваждение. Перешагнув порог, он прошел в дом следом за женщиной, чувствуя в себе легкость и свободу.

— Алимардан дома? — спросил он, зайдя на веранду.

— Нет, на концерте.

Мукаддам продолжала разглядывать Анвара, потом улынулась. Улыбка была взрослая, понимающая, усталая — улыбка старшей сестры.

— Я пришел вас пригласить на свадьбу. Приходите в субботу.

На секунду по лицу Мукаддам прошла тень недоумения и печали. Потом она снова улынулась:

— Я поздравляю вас. Я передам Алимардану.

Анвар, попрощавшись, быстро пошел к калитке, ощущая на своей спине грустный взгляд Мукаддам.

«Она беременна...» — прошептал он, выйдя за ворота, и освобожденно засмеялся: нашлось, слава богу, средство для его раненого сердца.

Пошел дождь. Анвар спустился к реке, постоял на бревнышке, соединяющем берега, вспоминая, как прош-

лой осенью они тут сидели с Мукаддам. Но в воспоминаниях больше не было боли.

Река текла мимо, шуршали камыши, белели вверху огромные ветви тала.

3

Въехав во двор, Алимардан остановил машину на цементной площадке, взял шланг и стал смывать грязь.

Дождь разошелся, Алимардан чувствовал, что его пробирает до костей, но упрямо решил довести дело до конца.

— Вам вынести пальто?— услышал он голос жены и раздраженно обернулся.

Мукаддам выглядывала из раскрытого окна, лицо ее было озабоченным и расстроенным.

— Не нужно!— Алимардан нарочно прижал кончик шланга, вода, окатив машину, брызнула и в сторону окна. Мукаддам обиженно отошла.

Поставив машину в гараж, Алимардан принял ванну, потом, надев теплую пижаму, прошел к себе, открыл крышку рояля, пробежался по клавишам. Оглядел комнату.

Он все еще никак не мог привыкнуть к роскоши, которая его окружала: дорогие ковры на полу и по стенам, картины в золоченных рамах, хрустальная люстра, концертный рояль. Ложась спать и просыпаясь, он каждый раз недоуменно и счастливо обводил взглядом все вокруг: с ним ли это происходит? Тот ли это мальчик, который испуганно кричал когда-то: «Карабай идет!..»— и пытался поднять из грязи теплые лепешки, живет в этой роскоши? Жаль, мама не дожидается!..»— с горечью в который раз подумал Алимардан, взглянув на портрет, висящий над кроватью.

Вошла Мукаддам.

— В чем дело?

— Приходил ваш друг.

— Кто?— Алимардан недовольно поднял брови.

Мукаддам помолчала, потом совсем тихо произнесла:

— Анвар.

— Вот как?— глаза Алимардана сверкнули гневом.— Что же ему понадобилось.

— У него свадьба,— Мукаддам смотрела куда-то в глубь себя.— В субботу...

— А мне-то что?— Алимардан снова склонился над роyleм.— Пусть... Когда он приходил?— спросил он погоды.

— Недавно.

— Специально выбрал время, пока меня нет,— сказал Алимардан язвительно и вдруг почувствовал на лбу шершавую руку жены. Она ласково погладила его по лбу, потом стала перебирать длинные волосы на затылке. Плечом он упирался в ее твердый живот.

— Вы все ревнуете?— ласково прошептала Мукаддам.— Я же люблю только вас... Вы ведь знаете... Будьте спокойны... И пойдите к нему на свадьбу, он просил. Надо помириться, он же друг вашего детства...

Алимардан раздраженно высвободился и оттолкнул жену.

— Не трись около меня, оставь нежности! Никто тебя не ревнует, чего не хватало! Посмотри на себя в зеркало!..

Мукаддам резко выпрямилась, из глаз у нее потекли слезы.

— Почему вы все время грубите? Что я вам сделала? Вы забыли, что я такой стала из-за вас, из-за вашего ребенка!

Алимардан захохотал, видя, что жену трясет от гнева.

— Вот как? Я и забыл, ты ведь была красоткой!— выкрикнул он между приступами смеха.— Так ты, выходит, в гости позвала своего Анвара? Попрощаться? Вспомнить былые денечки?

— Да!— крикнула Мукаддам, стирая злые слезы.— Пригласила!

— Попрощались?

— Попрощались!

— Слезки, наверное, лили? Разлучаетесь ведь. Ты ведь любила его когда-то, соскучилась, небось!..

— Хватит!— крикнула Мукаддам, едва сдерживаясь, чтобы не запустить в голову мужу хрустальной вазой.— Не сравнивайте всех с собой!— и через паузу, трясаясь от ненависти, прошептала:— Если бы вы знали, как я ненавижу вас! Как я вас ненавижу!..

Алимардан вдруг замер. До такого его кроткая жена еще не доходила. Минуту он молчал, решая, ударить ли ее, чтобы было не повадно, или же сделать вид, что ничего не случилось. Потом сказал:

— Ладно. Пойду на свадьбу твоего разлюбезного, одолжу!.. И чтобы ты успокоилась.

Мукаддам отвернулась.

— Да не ходите! Кто там в вас нуждается!.. Пригласил из вежливости.

— Вот поэтому и пойду. Непременно!..

Мукаддам вышла и захлопнула за собой дверь. Алимардан что-то еще сказал ей вслед, но она уже не слышала.

Выйдя на веранду, она прижалась лбом к холодному стеклу, стала глядеть на моросящий монотонный дождь. С орешины во дворе уже облетели почти все листья, оставшиеся покачивались, сверкая в свете уличного фонаря.

Выходит, все было бесполезно: ее заботы, ее долготерпение, ее желание как-то все смягчить, чтобы сохранить семью. Семья... Какая уж тут семья!.. Словно прожила год в прислугах.

Но что было делать? Домой вернуться невозможно — это позор, неслыханное дело, отец ее на порог не пустит. «Капризы все! Ты по своей воле шла? Он тебя бьет?..» Не бьет, сыта, одета... Богатый дом — полная чаша. Чужое все... Но не объяснишь. Ладно, надо жить дальше. Но вот слез ее он больше не увидит. Распустила она себя последнее время, не просыхает...

Рано утром Мукаддам пошла на базар. Ранний базар — всегда хороший. Утро было ясным и прохладным, но чувствовалось, что день будет жаркий.

В воздухе тяжело плыл дым, пахло горелым бараньим салом, на длинных жаровнях лежали палочки с наанизанной бараниной и луком, готовился шашлык. Торговцы самсой стояли рядом со своими плетеными корзинами, орали:

— Самса! Свежая самса!..

Старухи с ведрами, полными айрана, сидели на корточках возле забора и тоже кричали, расхваливали свой товар, что-то кричал сидевший рядом старик, торговавший насваем — табаком, который кладут под язык; бегали, орали ребятишки, державшие в руках стопки бумажных пакетов:

— Пакеты! А вот пакеты! По три копейки! Есть и по пять!

От шума и гама дрожало небо. Мукаддам улыбалась, глядя по сторонам. Теперь, когда она столько времени проводила в одиночестве, ей было приятно ви-

деть вокруг людей, шум, что-то спрашивать, что-то остроумно отвечать. Когда-то они с Лабар много времени проводили на рынке, сбегая иногда с уроков. Ей было сейчас приятно вспомнить то далекое время, вспомнить себя прежнюю: озорную, смелую, за словом в карман не лезущую...

Она дернула за плечо девочку лет десяти, которая сновала среди хозяек, идущих на рынок, трясая пакетами, зажатыми в смуглом маленьком кулачке. Девочка повернула круглое чернобровое лицо, в ушах у нее были точно такие же бирюзовые капельки, как у Мукаддам.

— Чего вам?

— Дай пакет, — Мукаддам достала кошелек.

— Какой?

— Да хоть этот! — она взяла у нее первый попавшийся пакет, протянула пятак.

— Сейчас сдачу дам! — девочка полезла в карман платица, подала две копейки.

— Не надо! — Мукаддам улыбнулась.

— Возьмите. Может, позвоните кому! — девочка тоже улыбнулась и побежала дальше.

Мукаддам вздохнула, поглядев ей вслед. Отец Лабар умер от туберкулеза, мать, чтобы подработать к низкой зарплате, шивала на машинке бумажные пакеты, а подружки продавали их на базаре. К обеду они покупали себе по лепешке с тмином, стоявшие по сорок копеек, и по стакану газированной воды с сиропом. Остальные деньги отдавали матери Лабар, после шли в школу — они учились во вторую смену. Впрочем, иногда и прогуливали... Мукаддам сглотнула голодную слюну, вспомнив, какими вкусными казались ей тогда эти пышные теплые лепешки: она ушла, не позавтракав, и сейчас ее немного мутило от голода. Она подошла к мужчине с большой алюминиевой кастрюлей, купила две манты и съела, выпив с бумажки пролившийся вкусный луково-мясной соус.

Потом она пошла в ряды, где торговали картошкой. Дорогу ей преградила толпа собравшихся в круг людей, те, что были в центре круга, что-то кричали, смеялись, хлопали в ладоши. Из самой гущи людей вдруг выдрался мальчишка в рваной майке, он держал довольно крупного бойцового петуха. Петух был в крови, тяжело сопел.

— Проиграл петух, а он сам лезет драться!

— Врезали ему, так и надо!— раздался вслед злобные крики, мальчишка ничего не сказал, хлопнул носом и побежал прочь.

Мукаддам невольно улыбнулась: все-таки мужчины — большие дети. Разве стали бы женщины, собравшись такой большой толпой, смотреть, как дерутся... два петуха!.. Смешно. Дети... Она вспомнила вчерашнюю ссору с Алимарданом и вздохнула. Злые дети...

Купив картошки, она пошла дальше во фруктовые ряды. Навалом лежали груды синего, розового, черного, белого винограда, стояли тазы с белым инжиром, горы гранатов. Дальше шли ряды, где торговали яблоками, грушами, орехами, сушеными фруктами. Сидели торгаши, которые не хотели уступать против запрашиваемого, потому что разница между той ценой, по которой они где-то покупали фрукты и по которой продавали здесь, шла им — это был их заработок. Сидели дехкане, торопившиеся продать свой товар, ничего, кроме тяжелого труда, им не стоивший, — торопились, потому что уже начался сбор хлопка, началась великая страда Узбекистана, когда все от мала до велика от света и до темноты пропадают на хлопковых полях.

Мукаддам купила у дехканнина в зеленом халате два килограмма кишмиша — винограда без косточек, потом, поднявшись по лестнице, вышла в узкую улочку. Здесь стояло много двухколесных бричек, кричали ослы, ржали лошади. Мукаддам поднялась выше: тут торговали мясом.

Ее остановил парнишка лет четырнадцати в белой нейлоновой рубашке, на смуглой руке блестели золотые часы. Он держал хозяйственную сумку.

— Вот, апа!— парнишка вытащил большой кусок мяса.— Парная баранина! Как раз для плова!..

— Сколько?

— Для вас дешево! Пять рублей килограмм.— Парнишка нахально посмотрел на Мукаддам и опять повертел перед ее носом кусок мяса.— Как раз для плова! А?

— А в каком классе учишься?

— Какое ваше дело? Нужно мясо — берите, не нужно — идите своей дорогой! Тоже мне, прокурор!

— Скоро академиком станешь,— съязвила Мукаддам.— Хорошую школу кончаешь!

— Я уже академик!...— парнишка отвернулся от нее и скрылся в толпе. Издали Мукаддам долго слышала

его звонкий голос: «Свежее мясо, свежее мясо! Для плова!..»

«Стоит ли рожать сына, если потом посылать его спекулировать?.. А может, родители и не знают, думают, что он в это время в школе?..» У нее защемило сердце, когда она представила, сколько всяких опасностей поджидает ее будущего малыша. «Уберегу!— подумала она.— За каждым шагом следить буду, только бы родился здоровеньким!..» Теперь, став совсем одинокой, она хотела ребенка. Лежа вечерами, думала о нем, представляла себя с ним и как им вдвоем будет весело и хорошо, будет, наконец, на кого излить неизрасходованную накопившуюся нежность.

Пройдя дальше по улочке, она купила у старух, сидевших на земле, несколько штук казы — конской жирной кобасы: Алимардан любил плов из нее даже больше, чем из баранины. Потом, продираясь сквозь толпу, вышла на площадь перед базаром, остановилась в тени у палатки рядом с молодой женщиной, кормившей ребенка грудью и обтиравшей с мокрого лица краем пеленки пот. Купив самсу с луком, женщина стала жадно есть. «И я так буду,— подумала Мукаддам,— когда рожу... Маленького оставить не с кем, мама живет далеко, свекрови нет...» Она подозвала мальчика, торговавшего айраном и с наслаждением выпила кружку. Айран был холодный и в меру кислый, ей сразу стало легче.

Солнце поднялось уже высоко, было жарко.

Пока она добралась до дому, наступил полдень. Отдохнув, она убралась в доме, наскоро перекусила и стала готовить. Нарезав желтую морковь соломкой, она начала варить плов. Где-то, часа через два, должен был прийти после концерта Алимардан. Но плов сварился, а Алимардана все не было. Мукаддам поужинала одна и легла спать.

4

Сегодня Алимардан пел во втором отделении. После концерта он, как это теперь у него повелось, зашел в буфет, выпил коньяку. В благодушном расположении духа спустился вниз, чтобы ехать домой. В вестибюле уже никого не было, только возле гардероба стояла какая-то женщина. Проходя, Алимардан мельком взглянул на нее, женщина в это время пыталась достать с верхней полки вешалки косынку от плаща-болоньи.

Увидев, что Алимардан смотрит на нее, она снова подпрыгнула и беспомощно развела руками, смущенно улыбнулась.

— Вам достать?— любезно спросил Алимардан.

— Если можно...— женщина усмехнулась.— Ростом вот не вышла...

Алимардан достал косынку, снял с вешалки плащ и подал женщине. Надевая, она то ли нечаянно, то ли нарочно откачнулась назад и прижалась к нему спиной. Тогда Алимардан, словно бы случайно, задержал ладони на ее плечах, женщина не противилась, наоборот, обернулась и улыбнулась ему. Лицо ее показалось ему знакомым, однако он никак не мог вспомнить, где он совсем недавно ее видел. Женщина была молодой, прехорошенькой, и у Алимардана весело застучало сердце — совсем так, как год назад, когда он был еще неженатым и свободным.

— Вас подвезти?— спросил он.— Вы одна-одинешенька, а уже поздно.

— Если вам по пути...— женщина пожала плечами и снова улыбнулась, подняв лицо.

Небо было чистым, дул слабый прохладный ветер, у самой верхушки телевизионной вышки, точно детский цветной шарик, повисла луна.

Алимардан завел машину и, выехав к подъезду театра, открыл дверцу.

— Садитесь.

Шурша плащом, женщина села рядом.

— Я где-то вас видел...— сказал Алимардан, не отрывая взгляда от дороги.

— Неужели?— насмешливо спросила женщина.— А я думала, вы, кроме себя, никого не замечаете...— Через паузу она добавила:— Может быть, вчера на концерте?

— Конечно!— ахнул Алимардан.— А я все вспоминал...

Это она поцеловала его вчера первая в щеку... Чуть не пропустив поворот, Алимардан резко крутанул руль, и женщина, потеряв равновесие, ударилась об него. И осталась так сидеть, прижавшись к его плечу, Алимардан ощущал тепло ее гибкого тела сквозь плащ.

— Как вас зовут?— спросил он погодя.

— Клара.

Было уже поздно, на шоссе, кроме поливальных машин и милиционеров на мотоциклах, никого не было.

Коралловыми шарами летели навстречу фонари. Проехав Хадру, Алимардан вспомнил, что он не спросил, куда надо ехать его спутнице.

— Я совсем забыл... Вас куда отвезти, Клара-хон?

— На Чиланзар.

— Ого, нам по пути!

— Конечно. Я знаю об этом.

Алимардан взглянул на нее краем глаза.

— Вот как? Откуда же?..

— Да разве сыщется такой, кто не знал бы вас!—

Клара произнесла это с чувством, подняв на него огромные, сверкающие в темноте глаза. У Алимардана приятно потеплело в душе: он был слаб и тщеславен, и сколько бы ему ни говорили, что он знаменит, ему все равно было мало. Да, впрочем, редко найдется человек, который мог бы противиться сладкой отраве славы...

Когда начались пятиэтажные стандартные дома, Клара прошептала:

— Сейчас налево... Вот мой дом.

Машина остановилась. Алимардан взял протянутую мягкую ручку и, вздохнув, задержал ее в своей.

— Клара-хон... в подъезде темно. Вас проводить наверх?

— Проводите...— Клара засмеялась низким неловким смехом и, вырвав руку, вышла из машины.

Было уже прохладно, дул довольно свежий сильный ветер. Очутившись рядом, они посмотрели друг на друга, словно тайное и стыдное совершили. Алимардан почувствовал неловкость, чтобы скрыть ее, уверенно взял Клару под руку, повел в подъезд.

Поднимаясь по лестнице, Алимардан вдруг подумал: «А не ловушка ли это?», ему стало беспокойно и страшно, и женщина, шедшая рядом, показалась ненужной, нежеланной.

— У вас есть кто-нибудь дома?— спросил он нарочито веселым тоном.

— Оказывается, вы трус,— кокетливо ответила Клара и остановилась на площадке у какой-то двери. Открыв ее своим ключом, зажгла свет в передней.— Заходите? Чаю выпьем...

Алимардан прошел в комнату. Ковер на полу, широкая тахта, закрытая клетчатым пледом, трельяж с массой красивых пузырьков и коробочек. Над столом в углу висело множество портретов кинозвезд, в центре

Алимардан увидел и свой большой портрет, где он был снят в чустской тюбетейке, улыбающимся.

Ниже висела фотография Клары, прислонившейся к виску какого-то молодого мужчины с курчавыми волосами.

— А это кто?— спросил Алимардан.

Клара мельком взглянула и равнодушно ответила:

— Брат..

Она включила магнитолау, раздалась джазовая шумная музыка.

— Ну вот, отдыхайте, я поставлю чай.

— А где он сейчас, ваш брат?— «Никакая сестра не станет фотографироваться с братом в такой позе!»

— Допустим, умер.— Клара прямо взглянула на Алимардана и улыбнулась насмешливо.— Слушайте музыку, я сейчас.

Вернулась она уже в халате, внеся на маленьком подносе чайник чая, две пшалушки, рюмки и бутылку коньяку. Поставив все это на маленьком столике, Клара села на тахту рядом с Алимарданом и подняла к нему лицо. И, словно они уже много раз это делали, Алимардан уверенно обнял ее и поцеловал в губы.

Спускаясь в предутренних сумерках по темной лестнице, Алимардан чувствовал страх и неуверенность, и словно бы какая-то грязь прилипла к телу. Все-таки это была его первая измена жене..

Ему довольно долго пришлось звонить, наконец, слышалось шлепанье галош, Мукаддам открыла молча и, повернувшись, пошла к дому.

«Ноги тонкие, как у курицы!— с раздражением думал Алимардан, идя следом.— Где были мои глаза, когда я женился?»

— Вы ходили на свадьбу?— спросила вдруг Мукаддам.— Все хорошо прошло?

«На какую еще свадьбу?— недоуменно подумал Алимардан.— Проклятье, да ведь сегодня свадьба у Анвара!..»

— Да,— сказал он.— Я был на свадьбе.

Он все-таки чувствовал себя виноватым и потому был тише и даже ласковей, чем обычно.

5

Алимардана свалил его старый враг — бронхит. Проходила болезнь на этот раз в очень тяжелой форме,

и, поскольку Мукаддам плохо чувствовала себя, будучи уже на девятом месяце, врачи положили Тураева в больницу: нужен был уход. Через десять дней его выписали, однако заведующий отделением, пригласив Алимардана в кабинет, ласково, но настоятельно сказал, что работать сейчас ему нельзя, нужно еще отдохнуть и подлечиться где-нибудь у моря, чтобы окрепли связки и легкие.

— У вас здесь золотой инструмент!— сказал профессор, дотронувшись до своего горла.— Берегите его!..

Алимардан действительно чувствовал себя слабым и решил поехать в Гагры, в санаторий, куда, он знал, у них в профкоме были путевки. Однако когда, придя в театр, он услышал, что в ближайшее время намечена поездка в Японию, уезжать раздумал. Сказал администратору, что здоров и петь в субботнем концерте будет.

Зима завернула круто. Две недели уже стояли сильные морозы, трескались стволы фруктовых деревьев. Сегодня немного отпустило, но Алимардан не стал разогревать машину, поехал на работу на троллейбусе.

Выйдя на своей остановке, он пошел через сквер, ведущий к театру. Пошел, очевидно, быстрее, чем мог, потому что вдруг у него перехватило дыхание, стало сухо в горле, он остановился, тяжело дыша, прикрыв рот мохеровым шарфом.

Деревья в сквере стояли тихие, заснеженные, сверкали отсветом недалеких фонарей. В черном морозном небе нестерпимо горела маленькая круглая луна. Алимардан прошел дальше, снова остановился передохнуть и вдруг удивленно и восхищенно улыбнулся.

Из-под широкого колпака уличного фонаря конусом падал свет, и в этом косяке света сверкали, струились, текли мельчайшие снежинки. Казалось, что это не они падают вниз, а сама земля величаво плывет вверх, к небу.

«Давно я не глядел вокруг,— подумал Алимардан.— Давно. Измельчал я как-то...»

Позади него раздался звонкий смех, Алимардан обернулся. По сквернику, по колени в снегу, бежала девушка в заячьей белой шубке, беленькой шапочке, надетой набекрень на черных волосах. Лицо ее, попавшее в полосу света от фонаря, показалось Алимардану юным и прекрасным. Следом за девушкой выскочил

парнишка и, вытряхнув на бегу пальцами из ботинок снег, схватил снежок и догнал девушку. Прижав снежок к ее лбу, он спросил, улыбаясь:

— Ну, что с тобой делать?— в глазах паренька светилась нежность.— Ну-ка, скажи, что мне с тобой делать?

Девушка продолжала смеяться все так же звонко, с шумом переводя дыхание.

— Хватит!— она умоляюще подняла руки к лицу.— Хватит, Марат-ака, я сдаюсь!

Парень отбросил снежок и, обернувшись, увидел Алимардана. Лицо у него сразу стало серьезным. Молча взяв девушку под руку, он повел ее прочь, скоро они растворились в темноте.

Алимардан долго смотрел вслед влюбленным. Ему стало грустно и жаль, что вот никогда он так не гулял и теперь уже не будет гулять. Что-то чистое, высокое и прекрасное прошло в жизни мимо него. Почему?.. Кто знает. Так уж получилось...

Он вышел к театру. Портал был ярко освещен, но перед кассой народу было маловато.

Пройдя артистический вход, Алимардан поднялся к себе в уборную, начал быстро гримироваться.

Зал снова щедро отозвался аплодисментами, когда ведущая произнесла его имя, но почему-то в этот раз у Алимардана было беспокойно на душе. Подняв свой тар, он вышел на сцену, поклонился и начал петь. Где-то на середине второй песни он вдруг со страхом почувствовал, что не хватает дыхания, пересохло в горле. С трудом добредя до конца, он вытер пот, передохнул и, виновато улыбнувшись, начал третью песню. Пел и слышал, как в зале люди удивленно переговариваются, вскоре зал, уже не слушая его, недоуменно приглушенно рокотал.

Закончив песню, Алимардан ушел за кулисы, ему вяло и в общем недоброжелательно похлопали.

Ведущая, вопросительно взглянув на него, шепотом спросила:

— Что с вами, Алимардан-ака? Что объявить?

— Объявляйте кого-нибудь еще,— сказал Алимардан с нарочитой веселостью.— Другим ведь тоже хочется показать себя.

Ведущая подняла понимающе брови, подошла к микрофону:

— Выступает Мутал Кадыров!..

Алимардан хотел было уже уходить, но остановился: зал отозвался вдруг такой бурей аплодисментов, какой встречал когда-то его, в его лучшие времена. Алимардан отстранился, давая пройти на сцену высокому, тонкому в талии парню с вьющимися волосами и большими добрыми глазами.

«Мутал Кадыров?— подумал Алимардан.— Кто же это такой?.. Ах да, впрочем, слышал... Он этой осенью окончил Ленинградскую консерваторию...» Постоял, послушал. Голос Кадырова был другого тембра, чем у него, но очень приятный, нежный, и диапазон голоса, казалось, был необъятным. Песня кончилась, зал взревел от восторга. Алимардан, прикусив губу, пошел наверх.

Дорогой он зашел в кабинет художественного руководителя. Зуфар Хадиевич, сияя золотыми зубами, поднялся навстречу.

— Проходите, дорогой!— он долго тряс его руку.— Садитесь. Вы уже совсем выздоровели?

— Да, конечно... Пустяки.— Алимардан не стал садиться.— Зуфар Хадиевич, я зашел узнать, когда мы едем в Японию?..

— Видите ли, дорогой,— художественный руководитель, опустившись в кресло, стал перебирать какие-то бумаги, лежащие перед ним.— Вы ездили этим летом по Прибалтике, по разным другим республикам... Я включил в японские гастроли Мутала Кадырова.

У Алимардана на некоторое время словно бы отнялся язык.

— Вот как?..— только и нашелся сказать он.

— Надо давать дорогу молодым,— успокаивающе и назидательно сказал Зуфар Хадиевич.

Алимардан повернулся и вышел из кабинета.

«А я уже не молодой?— билось у него в мозгу, когда он почти бегом шагал по лестнице.— Меня уже на свалку, а этого ублюдка в Японию? Ну, ничего, вы еще обо мне вспомните!.. Вы еще на пузе, дорогой художественный руководитель, приползете ко мне!.. Его душила обида.

Было еще не так поздно, когда он вернулся домой, но лампочка над воротами не горела, окна тоже были темны. Он долго и тщетно жал кнопку звонка.

«Что там, подошли, что ли?»— зло выругался он, продолжая жать кнопку. Ответом ему было молчание. Тогда он недоуменно пожал плечами, вспомнил, что ес-

ли Мукаддам куда-то уходила, то клала ключи в нишу под воротами. Алимардан стал ощупывать нишу — ключи были там.

Недоумевая по-прежнему, он вошел в дом, огляделся. В комнате царил какой-то странный хаос, на столе валялся листок бумаги с паспех нацарапанными буквами. Алимардан взял листок: «Меня отправили в седьмую. Мукад...»

Он постоял, пытаясь сообразить, в чем все-таки дело, потом в его голове молнией сверкнула мысль: «Да ведь ее увезли в седьмой роддом!..»

Выводя из гаража машину, он шептал: «Седьмой... Седьмой? Где же он находится?.. И, наконец, вспомнил: «На Чиланзаре!..»

Была уже полночь, но подъезд роддома ярко светился. Алимардан вошел, прочитал список, приклеенный к окошку дежурки, фамилии Тураевой там не было. Тогда он постучал по окну. Окно открылось, выглянула пожилая полная женщина, спросила несердито:

— Что тебе, сынок?

— Как с Тураевой дела, узнайте!

Окошко захлопнулось. Алимардан ждал, переминаясь с ноги на ногу: в подъезде было прохладно, а он поехал как был в лаковых концертных туфлях. Где-то недалеко звенел трамвай, гудели, отзываясь колесам, стальные рельсы.

Наконец в дежурке послышались шаги, окошко распахнулось.

— Сын! — сказала женщина, светясь от радости. — Поздравляю вас, у вас сын! Только что разрешилась. Роженица лежит в шестой палате...

Алимардан почувствовал, как у него все задрожало внутри и глаза наливаются слезами.

Домой он несся на предельной скорости, ничего не видя и не слыша.

— Я назову его Шавкатом! — бормотал он. — Пусть сын будет мне памятью о днях моей славы!..

6

В роддом к Мукаддам приходили все: мать, отец, Лабар, только Алимардан не показывался. Правда, на третий день, когда ей разрешили подниматься, он прислал посылку с фруктами и сладостями, пришел сам. Му-

каддам подошла к окну, Алимардан стоял посреди двора, улыбался, тряс в воздухе папахой. Женщины, лежавшие с ней в палате, узнали его, узнали, что она жена Тураева. Ей завидовали, просили непременно познакомиться, когда он приедет. Однако с тех пор Алимардан не показывался. Анзират-хола сказала, что зять уехал ненадолго на гастроли в Таджикистан. Дело есть дело, но Мукаддам все-таки было грустно. Видно, она ждала где-то в глубине души, что в их семейной жизни с рождением сына что-то изменится хотя бы немного, что-то наладится...

Стоя у окна в коридоре, Мукаддам думала об этом, и было ей нехорошо.

За окном сияло солнце, сверкал снег, ребятишки катились с горки, весело пищали, сквозь двойные рамы доносились их крики и смех.

Маленькая девочка в пестром шарфике усадила на санки еще меньшего, лет четырех, мальчика, толкнула с горки. Но сани поехали криво, перевернулись, мальчик упал в сугроб, кое-как поднялся и заревел, смешно скривив губы.

Девочка сбежала вниз, быстро лопоча что-то, стала отряхивать братика, утирать ему нос концом шарфа, уговаривать. Малыш перестал плакать, они вместе снова полезли на горку. На этот раз девочка села сама, посадила братца впереди и, ловко управляя ногами, успешно съехала с горы.

Мукаддам улыбнулась. Через несколько лет и ее Шавкат станет таким. Но, господи, как долго ждать!..

Подходило время кормления, сестры развозили по палатам младенцев, уложенных на колясочку рядами по несколько штук, как батоны в булочной. Мукаддам тоже прошла в палату, легла, ожидая, пока ей привезут сына. Надо было немножко отдохнуть: сегодня ее выписывали, и после обеда за ней должны были приехать родители.

Еще издали, в коридоре, она услышала плач Шавката, улыбнулась с нежностью, развязала тесемки рубахи на груди. Молоденькая сестра принесла ей туго запеленатую куколку: тонкие бровки были треугольником трагично подняты вверх, глаза плотно зажмурены, беззубый ротик был широко разинут в крике. Мукаддам приняла сына, положила удобно, сунула в рот сосок. Захлебнувшись молоком, Шавкат сразу замолчал, за-

чмокал, только черные бровки были все еще недовольно сдвинуты.

«Не угодишь на вас!— с нежностью подумала Мукаддам.— Эх ты, Тураев!..»

После обеда санитарка принесла Мукаддам одежду, она оделась, попрощалась с роженицами и пошла к выходу, чувствуя, как слабо подкашиваются ноги. Сестра сзади несла младенца. Было Мукаддам грустно и тоскливо: всех ее соседок по палате встречали мужа, нетерпеливо топтались во дворе, пока жены одевались, кричали что-то, бросали снежками в окно. Остающиеся женщины смотрели на них, обсуждая, чей муж красивее и у кого слишком стар, а у кого слишком молод... Ее вот не встречал никто, даже мама, кажется, не пришла, во всяком случае, сестра ей ничего не сказала об этом. Как они с Шавкатом будут добираться до дому, если их никто не встретит?

В приемной никого не было. Мукаддам надела шубу, повязала платок, взяла из рук сестры младенца и, поклонившись, вышла на улицу.

У подъезда стояла знакомая бирюзовая «Волга». Алимардан сидел, облокотившись на руль, дымил сигаретой.

От радости у Мукаддам совсем ослабели ноги, она чуть не упала, негромко крикнула:

— Мардан-ака!

И остановилась. Услышав голос Мукаддам, Алимардан резко обернулся, выскочил из машины и, отбросив сигарету, подбежал к ней.

— Дай мне его,— сказал он нетерпеливо и протянул руки.

Мукаддам осторожно положила ему завернутого в два одеяла — байковое и ватное — сына, Алимардан, неловко прижав его к себе, попросил:

— Открой.

Мукаддам приподняла край одеяла. Шавкат крепко зажмурил глаза оттого, что в лицо ему ударил солнечный свет, заворочался и закричал.

— Он на меня похож...— с удивленной и глуповатой улыбкой проговорил Алимардан и взглянул на Мукаддам.— Смотри. Правда?

Мукаддам улыбнулась, чувствуя, как растаяло что-то в сердце:

— Вылитый вы!.. Поехали, а то еще застудим...

Она забрала младенца, они сели в машину и поеха-

ли. Алимардан, прижимаясь к ней плечом, то и дело поглядывал на сверток в ее руках и улыбался. Сейчас им обоим казалось, что все забыто, что все сначала, что они самые счастливые люди на свете...

Глава четвертая

Должно быть, слово «судьба» люди выдумали, чтобы утешаться, когда оказываешься в беде. Чтобы сокрушенно разводило руками: «Уж ничего не напишешь, такая судьба!..» И забывают, что в семидесяти случаях из ста творцом такой своей «судьбы» оказывается сам человек...

Алимардан также лепил свою судьбу, не задумываясь об этом.

В один из дней ранней весны он не пошел на концерт: его друг, заведующий большим мебельным магазином, выдавал дочь замуж и умолил прийти на свадьбу. Алимардан поколебался и согласился. «Пусть-ка проведут концерт без меня!— подумал он.— Посмотрим!»

Приехав на следующий день на репетицию, он встретил у подъезда театра Зуфара Хадиевича. Тот был в одном костюме, по-весеннему.

«Сейчас начнет пилить!— капризно подумал Алимардан.— Черт возьми, надоело мне это!..»

Он уже раскрыл было рот, чтобы сообщить о том, что вчера сильно заболел и не мог прийти, но Зуфар Хадиевич, радушно протянув руку, спросил, кивнув на «Волгу»:

— Что твой конь? Бегает?

— Как зверь!— радостно отозвался Алимардан.

— Тогда поехали, прокатимся...— Зуфар Хадиевич без приглашения открыл дверцу машины и бросил плащ на сиденье.— Весна, дорогой... Душит меня в городе весной тоска, хочу в степь. Какое солнце, погляди только!.. Почки набухли везде...

— Да, набухли...— недоуменно согласился Алимардан.— А куда поедем?

— В степь Захарыка...— проговорил Зуфар Хадиевич, вставляя в мундштук сигарету.— Давно я там не был...

Алимардан быстро вел машину, ожидая, что вот сейчас-то художественный руководитель и начнет проборку, но тот молчал, сладко шурился от бьющего в глаза солнца и курил.

Когда они выехали за город, Алимардан, опустив боковое стекло, кивнул спутнику:

— Опустите. Вкусный воздух...

Зуфар Хадиевич улыбнулся, согласно кивнул и тоже опустил свое стекло. Весенний ветер теперь ходил по машине, вырывая руль у Алимардана, но тот еще ожесточеннее жал на педали, испытывая наслаждение от противоборства стихии.

Свернув с дороги, они поехали целиной и остановились на вершине холма, километрах в пяти от шоссе. Вышли.

Сладко пахло весенней талой водой, проснувшейся землей, нежными, проклюнувшимися сквозь старый дерн иголочками молодой травы. Капельками солнца сверкали по всему склону цветочки мать-и-мачехи.

Чувствуя, что пьянеет, что у него кружится голова от ощущения радости бытия, Алимардан глубоко, прерывисто дышал, улыбался, глядел вокруг. Потом, распахнув руки, побежал вниз, чувствуя, как упруго подается, словно войлочная кошма, дерн под ногой, как сладко щекочет щеки и шею несущийся навстречу тугой воздух. Выбившись из сил, он упал на землю, лег на спину, глядя вверх. Небо было нежно, пастельно-голубым, таким, каким оно бывает только весной. Неподвижно распахнув крылья, парил беркут. И струился в вышине непривычно теплый весенний воздух.

Подошел Зуфар Хадиевич, бросил на землю плащ, лег молча. Так они лежали долго, глядя в небо, думая о своем. Наконец художественный руководитель спросил, щелкнув зажигалкой:

— Хорошо прошла свадьба?

Алимардан быстро покосился на него, но лицо художественного руководителя было покойным, безмятежным, благостным. Он неторопливо выпустил колечки дыма изо рта.

— Это был мой старый друг,— сказал Алимардан виновато.— Приставал, приставал, ну как откажешь?..— Через паузу он продолжил:— Я понимаю, Зуфар-ака, люди на концерт идут ради меня, а я... Нехорошо вчера получилось...

— Ты думаешь?— Зуфар Хадиевич добродушно усмехнулся.— Нет, ты ошибаешься, дорогой... Давно уже люди ходят на концерт не только ради тебя... Появились другие имена, ты пропустил это...

— Ради кого же?— чувствуя, как поднимается в нем обида, спросил Алимардан.— Интересно...

— Есть другие...— словно не услышав, продолжал художественный руководитель.— Речь не о зрителях сейчас, а о тебе. Я работаю в театре уже тридцать лет, сколько я видел за это время дарований, погибших прежде своего расцвета!.. Мне было бы жаль увидеть тебя среди них...

Алимардан, дернувшись, резко сел и тоже закурил, обиженно глядя в сторону. Нечего его хоронить раньше смерти.

— За год ты хоть одну новую песню создал?— продолжал все так же неторопливо Зуфар Хадиевич.— Нет... Тебя не удивляет, почему уменьшилось число твоих поклонников?

В общем-то в глубине души Алимардан чувствовал, что с его славой что-то происходит. Однако ему было чем себя утешить.

— Конечно,— усмехнувшись, сказал он.— Ажиотаж прошел, так всегда бывает. И вы сами это знаете, что, когда появляется новый певец, его окружают сырихи — глупые девчонки, кидающиеся на всякое новое имя, на смазливую морду. Так было со мной, теперь с Муталом Кадыровым, потом придет черед следующего.

— Верно,— согласился Зуфар Хадиевич.— Но сырихи уже давно тебя бросили. А сейчас бросает публика.

— Неправда. Меня не бросят истинные ценители искусства.

— Ты стал хуже петь,— Зуфар Хадиевич поднялся.— Ты слишком много пьешь, куришь, у тебя слабые связки... Проверь себя: ты теперь микрофон в самый рот суешь, а раньше он тебе не был нужен. Подумай об этом серьезно... За вчерашний твой проступок я должен был бы тебя прогнать из театра. Но я хочу тебе добра, поверь.

— Я не нуждаюсь ни в чьей жалости,— Алимардан тоже поднялся.— Думаю, вам тоже не придется меня больше жалеть.

Обратно они ехали молча.

С того дня Алимардан попытался взяться за создание новой песни. Листал газеты Фурката, вспоминал классические народные мелодии и те, малоизвестные, хранившиеся где-то в его абсолютной музыкальной памяти. Но, видно, одного этого было мало: что-то погасло в нем. Новые его песни походили на старые, он сам видел это

и петь их не решался. Пришло время, когда надо было не топтаться на месте, а шагнуть на ступенечку выше, перейти в новое качество, но в нем не было ни сил, ни накоплений, ни внутренней одержимости... Одних умозрительных решений было недостаточно.

«Что я трепыхаюсь, подобно курице с отрубленной головой!— подумал тогда Алимардан.— Живут десятки певцов, не лезут из кожи вон. Почему я должен?..»

И он пошел к Кларе. Для нее он по-прежнему оставался умным, красивым, талантливым. Клара его любила. Алимардан не мог это сказать про себя, но ему уже, как рюмка коньяку, необходимо было ее беззаветное обожание.

Дома у него, впрочем, тоже все наладилось. Алимардан теперь любил подолгу играть с сыном и все свободное время проводил возле его постельки, наблюдая за ним, или брал к себе на тахту и возился с малышом — это занятие ему никогда не надоедало.

Лучше стал он относиться и к Мукаддам. После родов она словно бы вновь расцвела, пополнела, в походке ее появились покой и уверенность, теперь это уже была не тоненькая нервная красавица девушка, а статная зрелая женщина в расцвете своей красоты.

Друзья-артисты, увидев на официальном банкете Мукаддам, после долго донимали Алимардана расспросами, где он откопал такую красавицу и почему это он ее прячет от глаз людских, не зовет к себе в гости. И верно, вчуже глядя на жену, Алимардан удивлялся, не понимая, что это с ней случилось, какая она стала снова: белоликая, с высоким широким лбом и черными, в одну линию бровями, с косами почти до полу, с горделивой покойной осанкой... «Шахиня!..— самодовольно усмехался он.— Знал, какую брать!.. Не то что у остальных — курицы ощипанные». Обласканная чужими взглядами, жена снова сделалась желанной и для него. Так бывает.

Однажды Алимардан, как обычно, валялся с сыном на тахте, щекотал ему пальцем животик, а тот хохотал, закатываясь, дрыгал в воздухе толстыми ручонками и ножками.

— Мукад!— хохоча вместе с сыном, кричал Алимардан,— погляди, погляди на него, как он жмет на педали! Велосипедист! Ты посмотри!..

Мукаддам, отложив мокрую тряпку, которой она чистила ковер, подошла к ним и, обняв мужа за плечи, на-

клонила к сыну. Шавкат, узнав мать, загугукал, обнажив в улыбке беззубые десны, потянулся к ней ручонками.

— Маленький ты мой,— начала ворковать Мукаддам, целуя пальчики сына.— Мой мальчик, мой красавец, мой Шавкатджан... Скажи: папа, не мучай меня, не щекочи, мне это вредно...

— А тебе?— спросил Алимардан, обняв жену и погладив ее по спине.— Тебе тоже вредно?..

Он стал, смеясь, целовать попеременно то жену, то сына, как вдруг в воротах зазвенел звонок. Мукаддам побежала открывать. За калиткой стояла Лабар, в новом пальто, в ярком индийском платке — сияющая, располневшая, как луна в зените.

— Лабар!— Мукаддам взвизгнула, словно в дни юности, и повисла на шее у подруги.— Заходи, как я рада!

— Твой муж дома? Не пойду!.. Я пришла звать тебя на свадьбу.

— Правда?— Мукаддам захлопала в ладоши.— Джахангир, да? Наконец-то!.. Как я рада за тебя!.. Халима, значит, вышла замуж? Ой, как я рада, подружка...

Она снова обхватила Лабар за шею и закружилась по каменной дорожке.

— Жаль, у Алимардана концерт сегодня, а то бы он тоже поехал и спел на твоей свадьбе!— поахала Мукаддам.— Ну, я побегу одеваться. Шавката тоже придется взять, знаешь, он так подрост!..

У дома Лабар стоял заказанный женихом автобус, гости сели в него и отправились в путь-дорогу. Свадьба должна была состояться в кишлаке Айнатак, что значит «стеклянная гора». Джахангир был оттуда родом, там жили его родители, и молодые после свадьбы должны были тоже остаться там. Уже и работа для обоих подыскалась.

Когда они подъехали к кишлаку, садилось солнце. Закатные лучи, отраженные от плоской высокой скалы красного камня, падали веером на кишлак, окрашивая его розовым сказочным светом.

«О-о, как красиво!— восхитилась Мукаддам, выглянув в окно.— Действительно Айнатак!..»

Она давно, наверное, со школьной поры, когда их на машинах вывозили в горы на маевку, не видела гор. И сейчас сидела замороженная, молча, слушая великую тишину и неподвижность гор, тишину, которую не нару-

шало ни вечернее протяжное мычание коров, ни вещание радиоточки, находившейся неподалеку.

— Как красиво!— повторяла она вслух.— Счастливая, Лабар, будешь здесь жить!..

Автобус остановился, стало слышно, как неподалеку шумит сай, летящий от снежных вершин, запахло близким снегом. Кишлак был небольшим, дома крохотными, глиняными, кривые улочки были покрыты щебнем и овечьим пометом.

Послышались звуки свадебного сурная. Лабар ухватила за руку Мукаддам, та, усмехнувшись, похлопала ее по локтю.

— Не бойся. Вон, я вижу, идут люди жениха.

Лабар еще сильнее стиснула ее руку. Парни с цветами в руках окружили автобус.

— Где невеста?— весело загалдели они.— Да отпусти же ее, Джахангир! Мы хотим ее увидеть!..

В двери автобуса сунул рыжую голову жених и, улыбнувшись, пригласил:

— Выходите, пожалуйста.

Поверх рыжих волос у него была надета черная чувственная тубетейка, он был в черном костюме.

Поддерживаемая с одной стороны женихом, с другой — Мукаддам, Лабар степенно вышла из автобуса и пошла по улице, низко наклонив голову, лицо ее было полуприкрыто фатой.

На узкой улочке толпился народ, бегали ребятишки, играл старик на сурнае, молодой парень стучал по дойре. Из-за заборов выглядывали женщины и старухи, громко обсуждали невесту.

Мукаддам несла на одной руке спящего Шавката, другой поддерживала Лабар.

— Не споткнись!— шептала она ей.— Иди медленно, не споткнись.

Когда они вошли через маленькие ворота во двор дома Джахангира, друзья жениха запели традиционное поздравление со свадьбой «туйлар мубарак». Мать Джахангира осыпала дорогу перед сыном и будущей невесткой деньгами и сладостями. Затем еще громче и жалобнее запел сурнай.

Миновал костер, разожженный, чтобы прогнать от молодых злых духов, все трое прошли по двору между столами, за которыми уже сидели гости,— к почетному столу на терраске. Гости поднялись и стали хлопать в ладоши, пока невеста и приехавшие не уселись на места.

Лабар шла по двору, опустив голову, и так продолжала сидеть с низко опущенной головой, ничего не ела и не пила, как и требовал обычай. Мукаддам изредка предлагала ей поесть, сама же ела с аппетитом: дальняя дорога и свежий воздух располагали к тому. С гор потянуло прохладой, и Мукаддам кутала Шавката, опасаясь, как бы он не простудился.

Свадьба шла своим чередом: подавались все новые кушанья, гудела дойра, звенел рубаб, пелись песни. То и дело кто-то выходил между столами плясать, все хлопали в ладоши, кричали: «Яша!», совали ему деньги. Мукаддам смотрела на свадьбу, на черные чувстские тубетейки, склоненные над длинными рядами столов, вспоминала свою свадьбу и то, как она, так же как Лабар, просидела целый вечер с наклоненной головой, а после у нее два дня болела шея; вспомнила Алимардана рядом с собой — красивого, серьезного. Как и требовал обычай, он не выпил ни глотка вина ни в первый, ни во второй день свадьбы. Она вдруг заскучала по нему и, приоткрыв одеялко, нежно поцеловала Шавката в лобик, проверила, не вспотел ли он.

Над горой зажглись крупные звезды. Небо было черным, прозрачным, далеким, звезды сверкали, как драгоценные камни, и белела под луной скала, врезаясь в небо.

«Сейчас автобус в город пойдет!.. — услышала Мукаддам обрывок фразы и, восторженно, потрогала за локоть Лабар.

— Я тоже поеду.

— Ты же обещала, что будешь ночевать! — обиделась Лабар. Эту ночь ей предстояло провести с женщинами, потому, конечно, ей хотелось, чтобы любимая подруга была рядом. — И мужа предупредила... Нехорошо, я от тебя этого не ожидала!

Лабар огорчилась, даже отвернулась от нее, но Мукаддам уже не могла с собой совладать. Какая-то тревога овладела ею, ей непременно хотелось попасть сегодня домой.

Потихоньку пробравшись между гостями, Мукаддам вместе с другими женщинами села в автобус — скоро он уже пробирался по горным дорогам, освещая обрывы светом фар.

Когда Мукаддам, наконец, достигла ворот своего дома, был, наверное, третий час. Лампочка над воротами не горела.

— Твой шалопай отец еще не пришел с концерта!— огорченно произнесла Мукаддам и сунула руку в нишу. Ключей там не было. Но Мукаддам вспомнила, что положила ключ в карман плаща, и, достав, открыла дверь.

Она поднялась на веранду и зажгла свет, в эту же секунду загорелся свет в окнах спальни. Дверь открылась, на пороге в нижнем белье показался Алимардан. От неожиданности Мукаддам отпрыгнула назад, едва не выронив Шавката.

— Как вы меня напугали!— сказала она.— Хорошенькое дело!..— передохнула и улыбнулась, протянула отцу Шавката.— Вот мы и вернулись... Мы очень соскучились.

Она посмотрела на лицо Алимардана и испугалась. Лицо его было белым, губы дрожали, глаза затравленно бегали. Еще не понимая, в чем дело, Мукаддам шагнула вперед — из-за плеча Алимардана увидела сидящую на их постели полуголую женщину.

— А-а-а!— закричала Мукаддам в ужасе и попятилась.— А-а-а!— продолжала она кричать, как безумная, потом повернулась и побежала прочь, прижимая к себе Шавката так сильно, что ребенок, закатившийся в плаче от испуга, начал хрипеть, задыхаясь.

Алимардан босиком бросился за ней.

— Мукад, Мукад!— звал он, не находя, что нужно еще сказать.— Мукад, не надо, успокойся! Мукад!

Он схватил ее за плечо, Мукаддам вывернулась и сильно толкнула его в грудь.

— Уходи, проклятый, нечисть немытая!— навзрыд выкрикнула она и пустилась дальше.

Алимардан, пробежав несколько шагов следом, осознал, что он в одном белье и бос, вернулся в дом.

Мукаддам бежала, прижимая к груди Шавката, пока не выбилась из сил, потом побрела медленнее, задыхаясь от слез. Вот итог всей ее жизни!.. Этот человек некогда опозорил ее, потом издевался над ней, а теперь осквернил их ложе, совершил страшный грех, введя в дом чужую распутную женщину!.. Горе, горе, горе на ее голову, почему она родилась под такой несчастливой звездой, почему, едва она начинает мечтать, что вот заживет покойно, какое-то несчастье с новой силой обрушивается на ее голову!..

Она шла, сама не зная куда, понимая только, что назад, в этот проклятый особняк, оца уже не вернется, но и вперед, в отчий дом, ей нет пути: отец не пустит ее

на порог. Успокоившийся Шавкат загукал, заулыбался, и Мукаддам в порыве нежности покрыла поцелуями его лицо, потом двинулась дальше.

2

Весна, когда приходит ее срок, одинаково сияет для всех, и нет ей дела, что сейчас на душе у человека — горе или радость.

Облака, гонимые ветерком, плыли по голубому, светящемуся небу, отцветал урюк и персики, на крыше летней кухни, точно камни рубина, засверкали цветы полевого тюльпана, возле хауза во дворе Мукаддам зазеленела усьма. Некогда она чернила ею свои соболиные брови, хотя отец ругался и не велел сажать усьму.

Теперь усьма не нужна. Не для кого ей быть красивой. Еще хорошо, что отца нет дома: полмесяца назад он уехал к брату в Бойсун. Но со дня на день должен вернуться, и что тогда будет — Мукаддам не представляла.

Мукаддам во дворе стирала распашонки и пеленки Шавката, теплое весеннее солнце грело ей плечи, играло на пузырьках мыльной пены, горой поднявшейся в тазу, но на сердце у Мукаддам были мрак и безысходность.

Выданная дочь — отрезанный ломоть. Вместо того чтобы радоваться, что ее девочка снова дома да еще с хорошеньким черноглазым внуком, Анзират-хола стена-ла денно и ночью, словно гора обрушилась на ее плечи. Мукаддам все рассказала ей, объяснила, что не вернется к мужу ни за какие посулы, но разве это имело значение!.. «Приедет отец и убьет их обоих,— кричала Анзират-хола,— а сейчас они уже собирают позор от соседей, шушукающихся за своими дувалами!»

Проснувшийся Шавкат заплакал, Мукаддам, обтерев руки, побежала в комнату. Анзират-хола, согнувшись над кроватью, меняла у внука мокрую пеленку, платок сполз ей на плечи, седые волосы растрепались. Хлопоча над внуком, Анзират-хола во весь голос проклинала его отца:

— Будь проклят этот распутный парень! Чтобы он сгинул, подавившись куском! Чтобы слезы ребенка упали на его голову!

Мукаддам взяла сына из рук матери, и расстегнув платье, стала его кормить.

— Найдется и на него напасть, будь он проклят, этот муж!— бранилась Анзират-хола, перетряхивая в кровати подстилки.— Чтобы он солнечного света не увидел, чтобы кусок хлеба ему всегда был горьким!..

Мукаддам глядела на мать, на ее измученное, опухшее лицо, на седые волосы, неряшливыми прядями спадавшие на щеки, и ей было жаль ее. Но, с другой стороны, что она могла сделать? Не ее вина: терпение ее было долгим...

— Не бранись, мама... Какая от этого польза,— сказала Мукаддам и погладила потные, прилипшие ко лбу волосенки сына.

— Еще говорит, чтобы я не бранилась! Вот погоди, придет отец, он нам всем покажет!..

Собрав мокрые тряпки, Анзират-хола плюнула с сердцем и вышла во двор. Слышно было, как она шаркает галошами и охает, приговаривая: «О аллах!»

Шавкат жадно сосал, перебирая пальчиками по груди матери, изредка он скашивал на нее черный глаз и улыбался краем рта. Каждый раз сердце Мукаддам счастливо обливалося нежностью. «Кто мне нужен?— думала она.— Как-то будем жить... Только бы отец...» Приезда отца и она ждала с трепетом душевным.

Шавкат уснул, мать ушла к соседям, Мукаддам, достирав и развесив пеленки, стала подметать двор и чистить посуду. В калитку постучали.

«Это он!— у Мукаддам оборвалось сердце, она узнала стук мужа.— Не буду открывать. Зачем...»

Но, помедлив минуту, она все-таки пошла, видно, в душе ее жила надежда на ошибку, на то, что Алимардан скажет ей какие-то слова, которые перечеркнут, как страшный сон, вчерашнюю ночь.

Откинула цепочку — перед ней и точно стоял Алимардан. Лицо его было почерневшим, глаза запавшими. Вспомнив, что у нее расстегнут ворот платья, Мукаддам собрала в горсть воротник — и сама удивилась этому жесту: словно перед ней стоял чужой мужчина.

— Вот я пришел, Мукад...— сказал, наконец, Алимардан с такой нежностью и тоской в голосе, что у Му-

каддам все расплылось перед глазами от слез, подступивших к горлу. Пальцы у него дрожали, она смотрела на эти пальцы, покрытые мягкими волосками, на эти руки, протянутые к ней. Она вспомнила, как ласкали ее эти пальцы, эти руки, потом подумала, что эти руки ласкали и ту женщину...

Задохнувшись от сдавившей сердце ненависти, Мукаддам прошептала:

— Зачем вы пришли? Что вам нужно?!

— Мукад...— Алимардан улыбнулся.— Ну?.. Поторопись...

Мукаддам, закусив от обиды губу, облокотилась о стену. Когда-то она каждый вечер и даже утром слышала от него эти слова: «Поторопись, родная, я соскучился!..» Но кто знает, сколько женщин с тех пор слышали от него эти же слова...

— Уходите!— с ненавистью повторила она.— Я не хочу вас видеть!..

Ей хотелось, чтобы Алимардан заплакал, встал на колени, упрасивал ее — может, она и простила бы его, где-то в ней еще жила надежда на примирение. Но в то же время она понимала, что никогда до конца не сможет простить и забыть. А Алимардан не стал умолять.

Лицо его вдруг сделалось сухим и отчужденным, он пожал плечами:

— Как хочешь... Но из-за Шавката все-таки подумай. Я буду ждать.

— Не дождетесь!— выкрикнула Мукаддам и, захлопнув калитку, заперла ее дрожащими руками на цепочку. «Мерзавец!— шептала она.— Какой подлец, отребье!.. Я буду ждать... Не жди!..»— ее душила ненависть, и глаза ее поэтому были сухими.

Прошлую ночь Мукаддам не спала, так что сегодня она легла рано, сразу как только вечером покормила Шавката, и он уснул. Задремала, но вскоре проснулась и вскочила: ей почудилось, что кто-то стоит возле постели.

— Тише,— сказала Анзират-хола.— Приехал отец...— она вздохнула и закончила дрожащим голосом:— Он все знает... Он был у твоего мужа и разговаривал с ним. Он зовет тебя...

Мукаддам молча постояла, собираясь с мыслями, слушая, как воеет за окном ветер и стучат по стеклу ветки урючины. Потом пошла вниз.

Комната, оклеенная цветастыми обоями, была полуосвещена, на курпачах, на почетном месте сидел отец, перед ним стояла хонтахта, на ней фарфоровый чайник с чаем и две пиалы. В одной был мед.

Мукаддам поздоровалась, но сама едва услышала свой голос. Отец мельком поглядел на нее из-под нависающих бровей и ничего не ответил. Лицо его было бледным и сумрачным. Мукаддам присела на корточках у двери. Вошла мать, не сводя испуганных глаз с мужа, тоже опустилась на корточки рядом с Мукаддам.

Отец молчал, опершись кулаками о край хонтахты. Анзират-хола тайком кивала Мукаддам, чтобы она заговорила первой, спросила о здоровье отца, о том, удачно ли он съездил, но Мукаддам молчала, понимая, что, как ни тягостно это ожидание первой реплики отца, если она заговорит, отец разъярится еще больше. Наконец отец прервал молчание.

— Что случилось? Почему ты здесь, а не дома?..

Мукаддам продолжала молчать, не находя, что ответить. Ведь отец уже знал все, зачем же без толку толочь воду в ступе.

Тогда торопливо заговорила мать:

— Вода в реке, помутнев от гроз, снова становится прозрачной... Завтра вы сами отвезете ее к мужу, и все забудется...

— Я не пойду к нему, мама!— прервала ее Мукаддам.— Не трудитесь напрасно...

Отец зыркнул на нее глазами, но продолжал сидеть, сгорбившись, уперев напряженные, с надутыми венами кулаки в края низенького столика.

Мать растерянно замолчала, прикрыла беззубый, проваленный рот узкой сухой ладонью и замерла так. Ветер за окнами усилился, потрескивали сучья урючины, что-то гудело под стрехой айвана. Лампочка, висящая под потолком, медленно раскачивалась из стороны в сторону, переползала и тень отца на стене.

— Я говорил с твоим мужем,— нарушил, наконец, тишину отец.— Он во всем раскаивается. Говорит, приходил тебя упрашивать, да ты его прогнала.

Перед глазами Мукаддам вдруг снова встала та ночь, молодая женщина на их постели и муж в нижнем белье, стоящий в дверях. Она хотела сказать отцу что-то резкое, но сдержалась и только опустила голову.

Заговорила мать:

— Доченька, разве сыщешь мужа, который ни разу

не побранил бы или не побил бы свою жену? Не быть же из-за этого при живом отце сиротой вашему ребенку?..

У Мукаддам подступили слезы к горлу, но она продолжала молчать.

— У нас в роду не было еще таких, которые уходили от мужей,— заговорил снова отец.— Уже по всей махалле судачат об этом... Не упрячься зря, пусть кипящий казан остается с прикрытой крышкой. Другого выхода нет.

Мукаддам молчала.

— Ты шла замуж по своей воле,— вступила мать.— Мы тебя не принуждали. Что ж ты навлекаешь позор на наши седины?..

«По своей воле!— горько подумала Мукаддам.— Конечно, по своей... Но если человек однажды сделал глупость, неужто его за это казнить всю жизнь?..»

— Он завтра приедет,— закончил отец.

Мукаддам встрепенулась:

— Кто?

— Завтра придет твой муж и заберет тебя,— повторил отец мягко, но тоном, не терпящим возражений.— Он признал, что виноват. Конь о четырех ногах — и то спотыкается.

— Я не вернусь к нему,— в тон отцу ответила Мукаддам.— Змею сколько ни выпрямляй, она все будет кривая... Я не вернусь к нему, папа.

Черные глаза отца засверкали, он резко выпрямился, вдавив кулаки в столик, крикнул:

— Пойдешь! Не пойдешь — так я сам тебя отведу!

— Не пойду!

— Пойдешь!

Кровь бросилась Кари-ата в голову, но и в Мукаддам заговорила своевольная отцовская кровь. А кроткая, робкая Анзират-хола металась, ломая руки, между мужем и дочерью.

— Не пойду!

— Не кричите так!— умоляла Анзират-хола.— Напугаете мальчика. Оставьте это. Утром... Образуется все.

— Пойдешь, сукина дочь!— кричал отец, и руки у него дрожали, а на губах выступила пена.

— Не пойду! Я ваша дочь, между прочим.— Мукаддам вскочила.

Глаза отца сверкнули огнем, ногой, одетой в ичиги, он так ударил по тахте, что столик, пролетев мимо Му-

каддам, упал возле желоба для стока воды и с треском разломался. Упала посуда.

— Уходи прочь из дому, неблагодарная тварь!..

Мукаддам шагнула к отцу.

— Я и сама уйду, не беспокойтесь!

Бросившись наверх, она схватила с кровати Шавката, завернула в одеяльце и побежала к выходу. Дорогу ей преградила мать, упав на колени и пытаясь забрать ребенка, Анзират-хола причитала, и кричала, и плакала, но Мукаддам, ничего не слыша, оттолкнула ее и выскочила.

— Не трогай ее, Анзират, пусть уходит!— ревел отец, трясаясь от ярости.— Пусть лучше пропадает, чем будет позорить наши седины!..

Мукаддам сбегала вниз по кирпичным ступеням, оглянувшись в последний раз на отчий дом и выбежала на улицу. Сразу ее волосы растрепал ветер, осушил слезы, текшие по лицу, толкнул в грудь, останавливая, задерживая. Мать догнала ее, уцепилась за платье:

— Доченька, родная, образумься, останься!— кричала она.— О горе мое, почему я дожидала до этих дней, почему не умерла раньше!..

Мукаддам бежала дальше, не помня себя, и мать вскоре отстала.

Ветер свистел в закоулках, раскачивал фонари на столбах, пятнал сырые стены дувалов тенью бегущей Мукаддам. Не заботясь о том, что ее могут услышать, молодая женщина рыдала в голос, Шавкат проснулся и тоже надрывался от крика.

Ташкент! Как и любой другой город, ты равнодушными объятиями принимаешь счастливых людей, но точно так же равнодушно распахиваешь просторы своих улиц перед человеческим горем, ты не можешь сочувствовать каждому, ибо нас много..

Окна высоких домов еще светились, и за каждым текла своя жизнь. У кого-то она была прекрасной, полной, напряженной; кто-то провожал и встречал новый день, не требуя от него ничего, радуясь, что жив еще, а кто-то так же, как Мукаддам, молил о смерти. Но на улицах только она одна сейчас неслась как безумная, позабыв все на свете, ее шаги и ее рыдания высоко отдавались в каменных стенах.

Наконец Мукаддам в изнеможении опустилась на большой валун, которым заканчивалась ведущая к ним улица. Перевела дыхание, собираясь с мыслями, попра-

вила платок на голове, укутала теплее Шавката, дала ему грудь.

Когда-то, когда она была совсем маленькой, на этом камне сидела женщина, продававшая семечки, про нее говорили, что ее муж погиб на фронте. Тогда Мукаддам «несчастье» казалось словом, которое касается только других людей, сама же она представляла себе жизнь как нечто безоблачное, светлое, дарящее одни радости.

Потом этот валун был местом, где они обычно ставались с Анваром. Бедный Анвар, сколько она принесла ему горя! Конечно, она не любила его, глупая девчонка, ничего она не понимала тогда в любви. Но он любил и был наказан за это. Почему в жизни всегда случается так, что тот, кто больше любит, тот больше и страдает, как бы в наказание за любовь? Она тоже любила и тоже была наказана...

Шавкат, насытившись, бросил сосок и агукал, улыбался, глядя черными глазенками на мать. Под одеялом буграми ходили туго запеленатые ручки, которые он пытался сейчас вытащить. Мукаддам прижалась лицом к лобку сына, облила его снова слезами, зашептала, запричитала: «Маленький мой, сладенький мой, моя кровинка, сиротиночка бедная!..»

Вдали по асфальту зазвенели чьи-то быстрые шаги, Мукаддам убрала грудь и поднялась.

— Мукад!

Мукаддам не сразу узнала Лабар, узнав, радостно вскрикнула:

— Лабар!..

— Сумасшедшая, ты что, хочешь убить свою мать!— закричала Лабар, обнимая подругу.— Ты в уме ли?

Лабар хотела забрать у нее Шавката, но Мукаддам отстранила ее.

— Не надо. Зачем ты здесь?..

— Мама тяжело заболела, я должна была приехать. Ее в больницу отвезли... Я сейчас собралась в кишлак обратно ехать, вижу, Анзират-хола как безумная мечется по улице... Вернись домой, Мукад!

— Нет!..— Мукаддам покачала головой.— Ты же знаешь, я не могу...— Внезапно одна мысль пришла ей в голову, озарив лучом надежды будущее.— Слушай, как ты думаешь, для меня в вашем кишлаке работа нашлась бы?

— А ты бы поехала к нам?— недоверчиво спросила Лабар.

— Конечно, с радостью!— выдохнула Мукаддам, еще не веря, что отыщется на земле кусочек места, где смогут теперь существовать, не завися ни от кого, она и Шавкат.

— Думаю, найдется...— медленно проговорила Лабар и вдруг загорелась:— Будешь жить пока у нас, мать Джахангира и за малышом посмотрит, она хорошая!

Внезапно хлынул дождь, асфальт на улице стал черным, у обочины заструились потоки воды.

— Пойдем к нам,— заторопилась Лабар.— Пошли быстрее, не то малыш простудится!

Мукаддам в нерешительности покачала головой.

— Не знаю...

— Ну и шляйся всю ночь под дождем!— усмехнулась Лабар.— Ладно, ладно, пошли. Нечего...

Она обхватила Мукаддам за плечи, прикрывая краем платка, подружки побежали вверх по улице.

У конца следующего дувала, бессильно прислонившись к стене, стояла Анзират-хола. Платок сполз с седых волос, по лицу текли не то слезы, не то капли дождя. Мукаддам молча постояла возле матери, потом двинулась дальше. Анзират-хола добрела до калитки дома Лабар. Мукаддам обняла ее, поцеловала в щеку.

— Не плачьте, мама,— прошептала она.— Я поеду работать в кишлак к Лабар, все будет хорошо. Не плачьте!

Мать молча кивнула, ушла в свою калитку. Мукаддам посмотрела ей вслед, утерла слезы. Она знала, что в эту дверь она не войдет уже никогда.

3

Зал и балконы были битком набиты людьми, как когда-то, в лучшие времена Тураева. Так же, как когда-то, своды театра дрожали от иступленных аплодисментов, от криков и топота ног, так же щедро летели на сцену цветы. Разница была в том, что посреди сцены стоял и пел, почти не склоняясь к микрофону, не Алимардан, а Мутал Кадыров. Алимардан же, ожидая своего выхода, стоял за кулисами и слушал. Ему был виден отсюда зал, возбужденные благодарные лица, сияющие глаза, слышно было пение Кадырова.

Пел он великолепно, и, хотя у Алимардана разрывалось сердце от ревности и зависти, он не мог не признать, что поет Мутал прекрасно. Алимардан как бы ощущал себя на месте певца, чувствовал такое знакомое ему единение с залом, когда как бы невидимые нити связывают тебя с каждым из сидящих, наполняют силой и уверенностью, колышат на крыльях вдохновения.

Кончив выступление, Мутал поклонился, прижав руку к сердцу, ушел со сцены. Зрители продолжали хлопать в такт, крича: «Му-тал, Му-тал!»

Ведущая вышла на сцену и, не дожидаясь, пока аплодисменты смолкнут, объявила:

— Выступает известный, любимый наш певец Алимардан Турев!

Аплодисменты усилились. Взяв тар, Алимардан вышел на сцену, поклонился, но аплодисменты и не думали стихать, а люди в зале стали снова выкрикивать: «Му-тал, Му-тал!..» Алимардан проглотил и это, поднял тар, намереваясь начать петь, но в ту же минуту с галерки раздались свист и шипение.

У Алимардана в горле поднялись слезы обиды, но, однако, он взял первые аккорды и запел, только голос его потонул в грохоте обидных аплодисментов, свисте и шиканье. Люди гнали его со сцены!

И Алимардан ушел.

Он бежал по коридорам театра, по ступенькам лестницы, дрожа от обиды. Так высоко вознесенный недавно, думал ли он, что будет так унижен!.. Или век певца и правда подобен веку мотылька, рождающегося с восходом солнца и умирающего с закатом, чтобы освободить место другому, который должен родиться на восходе будущего дня?..

Или это только его певческая слава уложилась в один яркий блистательный миг, в один весенний благоуханный день, и он сам виноват, что беззаботно растерял силы, необходимые на продление века, необходимые для жизни?..

Алимардан вышел в скверик и побрел, ничего и никого не видя. А вокруг цвела весна и распустились нежные первые листья на деревьях, трава в газонах, напоенная дождем, тоже буйно пошла в рост.

Только сейчас до конца Алимардан почувствовал, как он бесконечно одинок. Клара была ему не нужна, а жена и самое дорогое, что у него было на свете,— сынишка, покинули его. И он сам виноват в этом.

Теперь он готов был умолять Мукаддам вернуться, простить и забыть. И он решил сделать это.

...Сойдя с троллейбуса, Алимардан вошел в переулочек и остановился перед калиткой Мукаддам. На ветке урючины, высывающейся через забор, блестели крохотные, как бусинки, зеленые плоды, на земле стояли лужи после вчерашнего дождя, и закатное небо отражалось в них. Две девочки неподалеку играли в мячик. Одна из них, в красном платье и бархатной безрукавочке, бросала мячик о стенку и, быстро обернувшись, ловила — ее многочисленные косички с серебряными монетками, вплетенными в концы, развевались по воздуху и звенели. Вторая девочка, серьезно сложив ручки на животе, отсчитывала:

— Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать...

Жизнь шла своим чередом, и то, чему радовалось когда-то одно поколение, подбирало другое, осваивало и думало, что книга бытия началась с них.

Алимардан медлил постучать в калитку. Щедро обласканный в свое время родителями Мукаддам, он в дни своей славы забыл о них и холодно принимал в своем доме. Он не думал тогда, что ему когда-нибудь могут снова понадобиться их участие и забота...

Наконец он решился и нажал на резную растрескавшуюся дверь, она подалась. Во дворе все было тихо, журча, текла вода из водопроводной трубы в цементированный квадратный хауз, а оттуда, переливаясь через край, орошала грядку с усьмой.

Алимардан перешагнул порог. Открылась дверь застекленного айвана, по ступенькам спустилась Анзират-хола и, заметив человека, вошедшего во двор, поспешила навстречу, прикрывая от закатного света рукой глаза.

— Входите! — сказала она радушно и, подойдя ближе, взглянула близорукими глазами Алимардану в лицо. И сразу же закрылась концом платка, словно перед ней стоял чужой злой человек.

— Что вам надо? — закричала она дрожащим голосом. — Зачем вы пришли сюда?

— Я... — Алимардан не находил, что сказать. — Мне... Мне сына надо...

Со ступенек айвана спустился Кари-ата, пронеся свое тучное тело по двору, он пошел на Алимардана, как танк, его волосатая грудь, видная в распахнутом вороте

летнего халата яктака, яростно вздымалась, ноздри гневно дрожали.

— Вы зачем тут?— крикнул Кари-ата.

Смирив себя, Алимардан негромко проговорил:

— Я хотел видеть Мукад...

— Какое вам до нее дело?— закричал старик, и борода его затряслась.— Чтобы продолжать мучить ее своей беспутной жизнью?..

В сердце Алимардана вдруг вспыхнула ярость:

— Где мой сын? Я заберу его у вас!

— Нет...— сказала Анзират-хола, горестно заломив руки.— Она уехала, ушла... И Шавкат с ней.

— Врете!— закричал Алимардан.— Вы не имеете права!.. Я его отец!

— Не каждый, кто плодит детей, имеет право называться отцом...— сказал Кари-ата и пошел в дом.— Уходи и не приходи сюда никогда...— добавил он.

Алимардан постоял в отчаянье посреди двора, потом медленно вышел в калитку. Он понимал, что ему сказали правду: ни Мукаддам, ни Шавката здесь не было, и адреса их ему не дадут.

4

Порой, разыскивая нужную вещь, вы наткнетесь средихлама и старья на какую-то мелочь — заржавленный ножичек или детскую тюбетейку с распоротой каемкой,— обесцвеченные воспоминания вдруг вновь обретают краски, и вы с умиленно затихшим сердцем видите, как этим ножичком вы сделали себе свисток, а тюбетейку, словно корабль, пускали по арыку. И те детские годы кажутся вам светлыми, чистыми, сладостными...

Когда Алимардан вошел во двор городского дома Аңвара, воспоминания детства нахлынули на него. Сидя в углу айвана на курпаче, он оглядывался вокруг, и все напоминало ему дни детства — те зимние вечера, когда, соскучившись в кишлаке, он приходил сюда к другу.

Набегавшись по улице, они садились к сандалу, сунув ноги под столнк, закрытый одеялом, жевали урюк и джиду, болтали. Проснувшись на заре, они доставали с перекрытый айвана глиняные касы с полузамерзшим

молоком, макали в него хлеб, уплетали с таким наслаждением и аппетитом, с каким уже давно Алимардан ничего не ел.

Здесь мало что изменилось с тех пор. Так же блестяли медные блюда в нишах, те же почерневшие перекрытия в потолке айвана, те же растрескавшиеся опоры. То же тутовое дерево посреди двора. Наверху, на балахане, висели нанизанные на нитку стручки красного перца. Только дом под балаханой изменился: его побелили, сменили разошедшиеся двери на новые, покрасили оконные рамы. В окнах висели белые тюлевые занавески — в доме появилась молодая невестка...

Из дому торопясь, проворными мелкими шажками вышла Икбол-хола. Она поставила перед Алимарданом хонтахту, принесла на подносе чайник с зеленым чаем, пиалу, наломала лепешек, подала халву.

— Как хорошо, что вы пришли, как мне приятно видеть вас в нашем доме,— говорила она ласковым голосом.— Как давно вы у нас не были!..— она протянула гостю пиалу с чаем.— Берите, дорогой, не сидите чужим...

Алимардан, приняв пиалу, испытующе взглянул на Икбол-холу: «Сказал Анвар ей, что произошло между нами?..— Но лицо Икбол-холы было безмятежно-радушным.— Нет, не сказал».

Икбол-хола тоже почти не изменилась. Такая же заботливая, радушная. Только седины в волосах прибавилось.

Из-за того, что Алимардан давно не сидел на курпаче, ноги его стали затекать. Он машинально поискал глазами стул и вдруг устыдился этого своего жеста. Как он все-таки изменился за последнее время, стал каким-то другим человеком!..

— Вы думаете, Анвар сразу пойдет домой?— спросил он.

— Да, дорогой, не волнуйся. Уже недолго ждать.— Икбол-хола, понизив голос, добавила:— Невестка скоро должна родить, сын очень беспокоится за нее. С работы сразу же бежит домой. И я хочу внука... Вот уже более четверти века в этом доме не слышался голос младенца! Пошли ей аллах здоровья и счастливых родов, такая она добрая и славная...

Тень печали прошла по лицу Алимардана: он опять вспомнил Шавката.

Икбол-хола проворно встала, побежала во двор и стала хлопотать с угощением в летней кухне.

Прогретый за день воздух был душным и неподвижным, листья тутовника, жаждущие ветерка, уныло повисли железные крыши домов вокруг струили душный жар.

Икбол-хола, подоткнув подол платья, стала поливать из ведра двор, на айван дотянулся пресный запах горячей земли.

В переулке вдруг раздались знакомые шаги Анвара. Первым порывом Алимардана было вскочить и уйти, не дожидаясь появления бывшего друга, не снося унижений. Но он заставил себя остаться на месте: кроме Анвара, ему никто не мог помочь...

Анвар, подходивший к айвану по дорожке, выложенной кирпичом, внезапно остановился. На лице его промелькнуло удивление, затем неприязнь. Постояв минуту, он медленно пошел дальше, протянул Алимардану руку.

«Соблюдает обычай!— насмешливо подумал Алимардан, слабо пожав протянутую руку.— Не то он давно бы уже меня прогнал!»

— Садись,— пригласил Анвар.

Они сели рядом на курпаче.

— Ты давно меня ждешь?

— Да нет... Не очень... Я хотел было уходить уже...

Они опять долго сидели молча, потом Анвар повернул голову:

— За что ты выгнал Мукаддам?

«Слышал уже!»— подумал Алимардан.

— Ты и рад!— пробурчал он, покрываясь краской стыда и гнева.

Анвар тоже вспыхнул, пожал плечами. Мукаддам давно уже была забыта им, а сейчас, когда должна была вот-вот родить Этибор, Анвар только о ней и думал.

— Как ты все еще глуп и эгоистичен!— сказал Анвар дрогнувшим голосом.— Ведь у тебя же сын...

Он задел самое больное место Алимардана.

— Ты лучше не говори про это!— гневно прошипел он.

И Анвар его понял. Он был все-таки чутким и понятливым, друг его детства, и знал Алимардана он едва ли не лучше, чем тот сам себя знал.

— Сходить мне к ней?— спросил Анвар.— Или, может быть, моя матушка ходит?..

И как ни унижительно казалось Алимардану выдать из себя эти слова, но все же пришлось, сделав усилие, произнести это:

— Сходи сам лучше... А матери не говори ничего...

Не дождавшись обеда, который для них готовила Икбол-хола, они поехали к дому Мукаддам.

В узкой улочке стояла пыль столбом: малышня гоняла мяч, дети постарше возвращались из школы.

Алимардан сидел, положив голову на руль, считал удары своего сердца. Анвар что-то долго не возвращался.

Сгустились сумерки, на город опустила крылья птица ночи. В окнах зажегся свет, загорелись голубые экраны телевизоров. Издалека донесся жалобный голос сурная и гудение дойры: кто-то справлял свадьбу. Из парка слышались звуки духового оркестра.

Алимардан нервно закурил и открыл дверцу машины, собираясь выйти,— у него не хватало терпения, но тут увидел идущего Анвара. Он шел один, обхватив себя руками за локти, точно его знобило. Подойдя к машине, он молча сел и продолжал молчать. Алимардан чувствовал, что у него все кипит внутри и что он пытается успокоить себя.

Алимардан включил зажигание, они поехали. Доехав до дома Анвара, Алимардан остановился.

— Мукаддам уехала с сыном в кишлак Айнатак,— сказал Анвар.— Она никогда к тебе не вернется. Если бы я знал, что ты сделал, я бы ни за что не пошел просить за тебя!.. Нечистый, подлый человек! А еще отец!.. Я не хочу больше знать тебя!..

Анвар вышел из машины, сильно швырнул дверцу.

— Ну и катитесь вы все!..— крикнул ему вслед Алимардан.— Проживи и без вас. Подумаешь!

Он включил газ и рванул с места с бешеной скоростью. Машина, словно обезумевшая, неслась по улицам, милиционеры свистели ей вслед, прохожие в ужасе разбегались в стороны.

Глава пятая

1

Два года прошли в каком-то тумане. Алимардан не смог бы сосчитать, сколько вина он выпил за эти два года, со сколькими женщинами кутил. С Кларой, винов-

ницей его несчастий, он, правда, расстался, но были другие и немало...

Теперь он редко выступал по телевизору или в концертах, ездил иногда на гастроли по маленьким городам республики, где его еще помнили, любили и встречали так же тепло, как прежде. Главное же время он проводил на свадьбах и пил, пил, пил...

Иногда, проснувшись среди ночи, он думал, что видит страшный сон, и давал себе зарок бросить пить, начать все сначала, подлечиться, поправить голос, отыскать Мукаддам, Шавката, зажить новой, трезвой, трудовой жизнью... Но утром болела голова, надо было опохмелиться, а после уже все шло по инерции, катилось под горку.

Зуфар Хадиевич вышел на пенсию, его проводили с почетом. После этого пропала последняя связь Алимардана с театром, его туда больше не приглашали.

Однажды Алимардан, как всегда, пришел утром в буфет на вокзале выпить свою рюмку коньяку, пока не начали работать рестораны. Выпил, в голове у него прояснилось, и, подойдя к окну кафетерия, он стал наблюдать за людьми, сновавшими перед входом в вокзал.

Опять была весна. Женщины в низко повязанных платках сажали на цветнике посреди площади рассаду. Снег везде стоял, люди, одетые в демисезонные пальто, ждали машины на стоянке такси, спорили между собой, когда подходила очередная.

Скамейки на площади были полны пассажирами, ожидавшими прихода поезда: светило неяркое солнышко, и никому не хотелось идти в здание вокзала. Кто-то дремал, обняв чемодан, кто-то читал утренние газеты, кто-то просто предавался размышлениям, дымил сигаретой. Женщина, прикрыв грудь платком, кормила ребенка. Подъезжали машины, из них выскакивали люди с вещами, торопясь, неслись в здание вокзала. Проезжали тележки, груженные чемоданами, проходили носильщики.

Алимардан сосредоточенно следил за происходящим, искренне недоумевая: куда они все так спешат, торопятся, намереваясь обогнать друг друга? Ведь в конечном итоге придут они в одно место, потому что стоянка у всех одна...

По трансляции объявили о прибытии какого-то поезда, люди еще больше засуетились. Промчался парень с

букетом цветов, и Алимардан равнодушно вспомнил, что за свою жизнь ни одной женщине, никому не подарил цветов. Ему дарили... Зачем все-таки дарят цветы? Обычай? Глупый предрассудок? Или это приятно дарить цветы, получать цветы? Ему они были приятны только как символ почета. Никогда ему в голову не пришло бы любоваться формой цветка, его запахом, подбором красок в букете. И все тоже так?.. Цветы — символ. Символ славы, любви, уважения, почета... В давние времена люди были умней и практичней, понимали, что человек не лошадь, цветы жевать не будет. Дарили драгоценные камни, золото, деньги. Сейчас этот обычай остался у них на свадьбах: чем больше ты нравишься людям, тем более ценные купюры они суют тебе под тюбетейку...

Алимардана окликнули. Он обернулся и увидел Мутала Кадырова. На нем был серый джемпер, плотно обтягивающий худощавое и мускулистое, как у спортсмена, тело. У Мутала еще не было и намека на брюшко, хотя он был немногим моложе Алимардана: сейчас ему тоже, должно быть, около тридцати.

— Можно мне к вам сесть?

— Садитесь!— Алимардан пожал плечами.— Я не откупил столик.

— Я в Наманган ездил,— словно не замечая его недоброжелательного тона, сказал Кадыров.— Вернулся этим поездом, зашел позавтракать, смотрю, вы сидите...

Алимардан выпил еще коньяку и раздраженно отвернулся. Он не скрывал, что не любит этого парня, встречаясь с ним, отворачивался, не здороваясь. Конечно, он понимал, что так тому суждено было быть: чья-то звезда закатывается, чья-то восходит, но Мутал наглядно втоптал его ногами в грязь, смешал с прахом, а сам все сиял на небосводе — неизменно, как и в первые месяцы славы, любимый публикой.

— Вы ждете кого-то?— спросил Мутал.

— Тебя!— усмехнулся Алимардан.— Расскажи мне про систему Станиславского, что ли... Вообще, проведи разъяснительную работу!..

Опустив глаза, Мутал промолчал. А Алимардана мучила ненависть.

— Никого не ожидаю!..— продолжал он.— Гляжу на людей вот. И тебе советую: посмотри! На концертах они на тебя смотрят, а теперь ты на них полюбуешься. Ты ведь любишь их?..

Алимардан выпил еще, а Муталу официантка принесла заказанное, и он стал есть рубленный бифштекс.

— Люблю...— ответил вдруг Мутал.

— Вот и молодец!— удовлетворенно захохотал Алимардан.— Это ты сейчас говоришь, пока они тебе цветы носят. А когда они забудут тебя?..

— Тогда посмотрю, как будет. Но думаю, что не изменюсь: я же не ребенок, чтобы сегодня любить одно, а завтра другое.

Алимардан снова захохотал и, намазав кусок хлеба горчицей, стал жевать его. На глазах у него выступили слезы.

— А за что их любить?— продолжал он.— За то, что в твоём бифштексе мяса чуть больше, чем в моем куске хлеба? А? За то, что вот среди этой толпы едут люди, которые где-то в Новосибирске втрюдорога будут сбывать прошлогодние яблоки таким же людям, как они?.. За то, что вон та красавица сейчас целует мужа, а завтра, на курорте, будет целовать любовника?..

Мутал, не отвечая, пожал плечами.

— Ты еще простофиля!— сказал Алимардан.— Подожди, жизнь стукнет тебя мордой об стол — откроешь глазки!..

Они долго молчали... Мутал съел бифштекс, выпил кофе с молоком, закурил.

— Мне очень жаль, Алимардан-ака, что у вас так вышло...— сказал, наконец, Мутал.— Я очень любил вас, ваши песни. Я учился у вас петь и быть искренним на сцене... У меня есть все ваши пластинки, я их часто слушаю...— он помолчал, вздохнул и продолжал:— А люди разные... Есть и такие, как вы говорите. Их много, я знаю... Ну, а другие? Моя мать... После смерти отца она не вышла замуж. Тогда мне казалось, что так и должно быть: раз она моя мать, значит, должна жить ради меня. А ведь она овдовела совсем молодой... Но вот я женился сам, у меня есть дети. И только теперь я понял, как нелегко было матери отказываться от своего счастья ради меня... Таких матерей много...

Алимардан уже не слушал его. Он вспомнил свою мать, ее любовь к нему, ее заботы, за которые он так и не смог отплатить, не успел украсить ее старость. Вспомнил, как несколько лет назад, когда он стал встречаться с девушками и, случалось, задерживался, мама, взяв фонарь, выходила к калитке и, сев на землю, поджидала свое дорогое чадушко... И ни слова упрека!.. А сейчас ее

пыльный портрет висит в огромном запущенном доме, и чадушко ее не порадовало бы маминых глаз! Почему-то следом за матерью он вспомнил Шавката, его пухлые ручонки, тянущиеся к его лицу, черные улыбающиеся глазки, румяные губы, пускающие пузыри. Сейчас его мальчик уже большой, ходит, лепечет что-то.

Сердце у Алимардана сжалось, и, чтобы не расплакаться на глазах этого выскочки, он встал и ушел.

Шел по улице, неуклюжий в своем демисезонном пальто, и упрямо думал, что дождется все-таки. Все-таки дождется! Мукаддам рано или поздно придет к нему: есть ребенок, она любит его, своего мужа. Такая сильная, преданная любовь не могла пройти из-за глупости. Мукаддам вернется к нему!..

Но она не вернулась. Вместо нее в один из дней принесли ему повестку в суд. Алимардан принял ее, не осознавая, как бы во сне. Он не понял, что это конец, совсем конец. В суд он шел радостный, надеясь увидеть Шавката.

Однако Шавката он не увидел, Мукаддам приехала без него. Она мало изменилась, только кожа на лице чуть огрубела, возле глаз и вокруг губ легли морщины: видно, ей много приходится теперь бывать на воздухе, на ветру, под солнечными лучами.

Она сидела спокойная, красивая, положив на колени грубые красные руки, негромко, но уверенно и спокойно отвечала она на вопросы судьи. Отвечал и Алимардан, не вполне сознавая, что говорит. Их развели.

На троллейбусной остановке Алимардан догнал свою бывшую жену.

— Мукаддам-хон, где Шавкат?— умоляюще спросил он.— Я хочу его увидеть, я истосковался...

Мукаддам мельком глянула на него: она торопилась в универмаг купить Шавкату трехколесный велосипед, как пообещала, уезжая.

— Шавкат дома, в кишлаке.

— Когда же я увижу его?— Алимардан задыхался от волнения.— Аллах, вы лишили меня самого дорогого. Это жестоко... И потом вы не имеете права: я отец его!..

— Вы не смогли стать ему отцом!— сказала Мукаддам.— Пеняйте на себя!..

Она села в троллейбус и уехала. Алимардан тоже сел в свою «Волгу» и поехал в ресторан «Ташкент».

Алимардан давно сделался завсегдатаем ресторана «Ташкент». Он заходил сюда почти ежедневно, зная, что здесь его ожидает отдельный столик и бутылка лучшего коньяка. Едва он садился, официантки, ни о чем не спрашивая, несли коньяк.

В этот вечер он так же, как всегда, зашел в «Ташкент», сел за свой столик и, не дожидаясь, пока принесут закуску, выпил подряд две рюмки коньяку и после, через короткую паузу, третью. В голове у него сразу прояснело, смятенный дух успокаивался. Сегодня ему сообщили довольно печальное известие: оказывается, еще месяц назад, почти сразу после получения развода, Мукаддам вышла замуж за лесовода Кабира, живущего там же, в Айнатаке. Лесовод этот давно засылал к ней сватов, но Мукаддам не соглашалась из-за ребенка. Однако, значит, этот ловкий Кабир все же сумел ее уговорить...

Алимардана мучила ненависть и тяжкая ревность. На Мукаддам ему было теперь наплевать: он вообще утратил в последнее время интерес к женщинам, обнаружив, что общение с бутылкой коньяка менее хлопотно и сулит неизмеримо большие наслаждения. Но его мальчик, его Шавкат, который не успел запомнить лицо своего отца, теперь будет звать отцом чужого дехканина — об этом Алимардан не мог думать спокойно, его душила ненависть и жажда отмщения.

Выпив еще две рюмки и закусив какой-то соленой рыбой, Алимардан с истовостью маньяка уставился перед собой и все перебирал способы и пути, используя которые, можно будет увидеть мальчика и забрать его.

На эстраду вышел парень с рубаком и стал играть и петь что-то. Алимардан в раздражении поднял голову: голос певца был пропитой, осилший, фальшивящий. «Вероятно, это один из тех недоносков, которые, вылетев со второго курса консерватории, мнят себя певцами!..» — злобно подумал Алимардан и стал глядеть на парня в красном свитере и польских джинсах, раздувая от гнева ноздри. Однако пьяный взгляд Алимардана парня не испепелил: кончив одну песню, он лихо принялся раздеваться со следующей. Алимардан хотел было подняться и подойти к сцене, чтобы прогнать наглеца, но внезапно снова опустился на место.

«Будь счастлива, моя хорошая, я ухожу, потому что мной овладела страсть...»

Это была его песня! «Песня юноши»... Алимардан, ухмыляясь, неотрывно глядел в лицо певцу, глаза его то и дело застилала пьяная слеза. Его первая, подхваченная всеми песня, которую он когда-то сочинил для Мукаддам, песня, витавшая над их брачным ложем, над его молодостью и славой!..

«Я думал о тебе, солнцеликая моя, дни и ночи, а ты даже не спросила, живой ли я еще, зажили мои раны или нет...»

Раньше, исполняя песню, Алимардан не особенно обращал внимание на слова. Сейчас же, закрыв лицо ладонями, он повторял: «Когда мы встретились, все прочили тебе беду, но вот я ухожу, и в беде мое сердце, а твое спокойно...»

Как же так все-таки случилось, что за такой короткий срок он потерял все: молодость, красоту, славу, друзей, жену, сына... Не слишком ли много потерь для одного человека?..

Песня закончилась, раздались жидкие аплодисменты. Певец, кончив раскланиваться, поднял рубаб, чтобы начать новую. Алимардан, налив до краев коньяком фужер для воды, встал и властно закричал:

— Стой!

Голос его потонул в шуме ресторана, только от ближних столиков обернулись люди и снова занялись своей беседой. Алимардан, пошатываясь и задевая сидящих, прошел к эстраде.

— Стой!— крикнул он еще раз. Теперь его услышали.

Певец обратился к нему сначала снисходительно-равнодушно, приняв за очередного пьянчугу, потом узнал, лицо его преобразилось, он почтительно поклонился.

— Что вы хотели, Алимардан-ака?

— Повтори!— крикнул Алимардан и достал из кармана несколько смятых десятков.— Повтори песню! Тысячу раз! Слышишь!..

Еще раз почтительно поклонившись, певец взял рубаб в руки.

Алимардан пошел обратно к столику. Подойдя совсем близко, он неприятно удивился: за столом сидел какой-то парень в красной тюбетейке, с пышными усами. Увидев Алимардана, незнакомец встал и почтительно поздоровался.

— Я вас сюда звал?— раздраженно, не ответив на приветствие, спросил Алимардан.

Незнакомец, растерявшись от грубого приема, покраснел и, раскрыв рот, произнес:

— Я..

— Нет, вы скажите, я вас звал сюда?...— снова перебил его Алимардан, дрожа от злости.— Я вас приглашал к себе за стол?

Незнакомец, еще больше растерявшись, неуверенно проговорил:

— Но я пришел, разыскивая вас, домулла!

Алимардан, остывая, опустил на стул.

— Что вы от меня хотели?..

— Я был в театре, мне сказали, что вы здесь, наверное... Дело в том, что мы проводим свадьбу...

Алимардан снова пришел в раздражение: что за люди, умереть не дадут спокойно!.. Не нужны ему ни деньги, ни свадьба, никто не нужен!.. Устал от шума, суеты от всего устал, пусть оставят его в покое!..

— Подите прочь со своими делами!— бросил он.— Пройдет ваша свадьба и без меня.

Он закрыл лицо руками и облокотился о стол, повторяя негромко слова песни, которую во второй раз исполнял певец: «Но вот я уйду, и в беде мое сердце, а твое спокойно...»

Когда он спустя много времени поднял голову, незнакомец все еще сидел перед ним.

— Я же сказал, не поеду!— крикнул Алимардан.— Что вы тревожите меня!..

— Я приехал из самого Айнатака, домулла,— смущенно сказал парень.— Свадьба не моя, наш председатель женит сына в воскресенье. Ранс специально прислал меня за вами, очень просил уговорить...

Алимардан выпрямился и внезапно обретшим ясностью взглядом посмотрел на просителя.

— Да, домулла. Издалека. Не откажите!.. Оставить вам деньги?

— Откуда, ты говоришь? Из Айнатака?..

— Не нужны мне твои деньги!— пробормотал Алимардан.— Я еду!..

3

Свадьба была как свадьба — не лучше и не хуже других, каких сотни за последние три года провел Алимар-

дан. Только он не пил сегодня ничего и пел поэтому лучше, чем обычно. Мозг его сверлила мысль: увидеть сына, увидеть сына!.. А для этого ему надо было быть трезвым. Он знал, что если глотнет, то уж не остановится, и потому, когда председатель поднес ему пиалу с водкой, он холодно отставил ее: «Выпью — петь не смогу. И сердце болит...» Раис больше не наставлял, робея перед высоким гостем.

Алимардан пел, представляя, что где-то в толпе женщин на него смотрит Мукаддам с маленьким Шавкатом, а за дастарханом на коврах сидит Кабир и, похохатывая, рассказывает соседям, как он отбил у знаменитого певца жену и сына. А может, он, подобно другим, сунул ему под тибетейку пятерку, чтобы унижить его...

Каждый раз, когда ему совали деньги, Алимардан отказывался, но особо чувствительные горные жители, не избалованные приездом знаменитостей, буквально засыпали его деньгами. И раис настоял, чтобы он взял положенные ему за свадьбу триста рублей.

Когда свадьба шла к концу, вдруг с гор понесся сильный ветер, мгновенно перешедший в буран. Затрещали ветви вишен во дворе, ветер поднял с ковров дастархан, попадали, разбиваясь, бутылки, пиалы. Люди забеспокоились, загалдели, зашумели, стали торопясь проталкиваться в помещение. Следующий сильный порыв ветра сорвал со стены айвана свадебный паяк, висевший позади почетного стола, невеста испуганно закричала и закрыла ладонями лицо.

Висевшая среди двора огромная тысячесвечовая лампочка начала сильно раскачиваться — и вдруг лопнула, осыпав сидящих внизу множеством осколков. Двор погрузился во тьму. Из дому вынесли десятилинейную керосиновую лампу, но порыв ветра тут же сорвал стекло и погасил огонь.

Сверкнула молния, озарив остроконечные вершины гор и сонмы черных зловещих туч, стоящих над ними. Сразу же последовал оглушительный раскат грома. И снова молния, и снова гром.

Протолкавшись сквозь суетливое скопление забывших о нем людей, Алимардан подошел к своей машине, открыл дверцу, зажег фары, включил зажигание. Кто-то дернул дверцу за ручку, потом заглянул в лобовое стекло, постучал.

— Чего? — спросил Алимардан грубо, после, узнав

председателя, накинувшего от дождя на голову бекасовый чапан, повторил мягче:— Что вы хотели?

— Вы уезжаете?— крикнул председатель.— Оставайтесь, дорога плохая! Завтра поедете.

Алимардан и не думал уезжать, не для свадьбы он ехал в такую даль! Ему надо было разыскать дом Мукаддам, сидя в машине, он размышлял как раз об этом.

— Стоит ли оставаться?— сказал он между тем, делая вид, что колеблется.— Завтра у меня дела...

— Дела подождут!— председатель улыбнулся.— Сейчас вас Шадывай отвезет к себе домой, переночуете, а утром и в дорогу!.. Сейчас!— крикнул обрадованно председатель и убежал в дом. Вернулся он тут же с тем самым парнем, который приходил к Алимардану в ресторан.

Алимардан отворил дверцу. Шадывай тяжело сел на сиденье и начал отряхивать пыль с одежды.

— Эге, как беснуется ветер, пыль до неба поднялась!— пробормотал Шадывай, показывая Алимардану серые от пыли брюки и рукава праздничного костюма.— Ну что, поехали? Направо сейчас.

Алимардан с раздражением покосился на то, как пассажир обивал с себя пыль в машине. Но сдержался, ничего не сказав. «Что поделаешь, кишлачный народ, не понимают ничего!.. Должно быть, и муж Мукаддам из таких же недотеп...»

При мысли о том, что, возможно, через несколько минут он увидит своего дорогого мальчика, сердце у Алимардана стало биться гулко и часто. «А может быть, я и увезу его, если удастся... Может, ее мужу не нужен чужой ребенок, своих будет, как маку... Отдадут! Не отдадут — тайно увезу, украду. Уеду с ним куда-нибудь в район, пусть ищут!.. Что, разве я не имею права?...»

Алимардан осторожно вел машину по узеньким — ослу пройти только — улочкам кишлака, машину трясло на выбоинах. Шадывай то и дело указывал ему куда сворачивать. Брехали собаки.

Маленькие, как бы затерянные среди скал и утесов глиняные домишки испуганно притихли и затаились. В окнах не светило ни одного огня, словно кишлак вдруг вымер.

Снова сверкнула молния, осветив рваные, врезавшиеся в небо вершины, тут же рассыпался, долго, оглуши-

тельно грохоча, гром. Затем вспышки и раскаты стали следовать один за другим, словно скалы обваливались на кишлак.

— Ого, разбушевалась стихия!— сказал Алимардан нарочно веселым голосом, пытаясь отвлечься.

— Это еще что, уважаемый гость!— ответил торопливо Шадывай.— У нас тут такие грозы бывают в эту пору, легче оглохнуть, чем такое слушать! Страху натерпишься...

О ветровое стекло застучали редкие капли, потом хлынул ливень. Дорогу совсем не стало видно, машина шла, как по морю, шелестя колесами в понесшемся по улицам потоке.

— Не знаешь, где дом Кабира?— собравшись с духом, спросил Алимардан и, почувствовав, как задрожал у него голос, разозлился на себя.— Агронома Кабира?

— Вы говорите про лесовода нашего?— удивленно спросил Шадывай.— Здесь, как раз на этой улице, в конце. А вам зачем?

— Я хочу заехать к нему,— хрипло, изо всех сил стараясь быть естественным, сказал Алимардан.— Мы старые друзья, давно не виделись...

— Да полноте, уважаемый гость!— взмахнул рукой и улыбнулся Шадывай.— Сегодня вы сделайте честь моему дому, будьте гостем. А завтра к Кабиру.

— Да нет, поедem сейчас!— решительно сказал Алимардан и замолчал. От волнения у него дрожали руки и пересохло в горле.

Они проехали мимо магазина, выделявшегося среди домов поселка белеными стенами, потом Шадывай коснулся локтя Алимардана.

— Здесь, домулла! Мы приехали!

Алимардан мгновенно выключил мотор, остановив машину на подъеме, и вышел. Он сразу промок до нитки и стал дрожать.

— Идемте, пожалуйста!— закричал Шадывай.— Оставьте машину, пойдемте в дом.

Снова блеснула молния, осветив узкую улочку.

— Вот он сам, легок на помине!— прокричал Шадывай.— Вот он идет, домулла! Вон сам Кабир!

При новой вспышке молнии Алимардан увидел подходившего к калитке человека, на поводу он вел лошадь. Шадывай поспешил Кабиру навстречу, поздоровался с

ним за руку. Алимардан услышал, как Шадывай, заканчивая какое-то объяснение, произнес:

— Вот он и сам, ваш гость из Ташкента.

Переборов в себе страх и раздражение, Алимардан шагнул навстречу хозяину дома. Его мучил болезненный интерес к нему.

Они столкнулись перед воротами, под стрехой которых висела неяркая лампочка. Пожимая протянутую ему жилистую руку, Алимардан всматривался в Кабира. У того было узкое сухое лицо, тонкие усы над сочными губами, небольшие, в нависших веках глаза. Он улыбнулся — блеснула полоска очень белых мелких зубов. То ли от грубых сапог, то ли от плаща его шел какой-то противный запах, похожий на запах рыбьего жира. Алимардана замутило.

«И эта вонючая скотина стала отцом моего ребенка?» — раздраженно подумал он и выдернул руку.

Кабир все еще внимательно глядел на него, вероятно, пытаясь вспомнить, где и каким образом они встретились.

Лошадь, которую Кабир держал на поводу, вдруг испуганно вздернула голову, повела широко глазами и заржала.

— Тихо! — прикрикнул Кабир тонким резким голосом. — Стоять! Проходите, дорогой гость! — продолжал он с учтивостью, свойственной горным жителям.

— Что ж вы не приходили на свадьбу? — спросил Шадывай.

— Я поднимался на Айнатак, — сказал Кабир и, повернувшись к Алимардану, повторил: — Прошу в дом, дорогой!

— Тогда я вернусь к раису? — спросил Шадывай, и Алимардан кивнул.

— Да, конечно, идите. Вы мне больше не нужны.

Нагнувшись в низком проходе калитки, они вошли во двор. Сверкнувшая молния осветила вишни, росшие во дворе, конюшню в углу.

Кабир, отпустив лошадь, распахнул перед Алимарданом дверь в дом.

— Прошу вас, — произнес он, заходя следом. — Проходите, я сейчас вернусь, только расседлаю лошадь и поставлю в конюшню, а то она все грядки затопчет.

Алимардан оглядел низенькую комнату, освещенную

тусклой лампочкой. Потолок, обитый обоями, ниши, где стояла немногочисленная бедная посуда, грубая кошма на полу... И на это убожество Мукаддам променяла его роскошный дом, его самого!..

Он наклонился, чтобы развязать шнурки туфель, вдруг дверь комнаты, заскрипев, отворилась, вбежал маленький мальчик.

— Папа, папа!— закричал он и, миновав Алимардана, бросился к Кабиру.

Тот, присев на корточки, протянул руки, его грубоватое лицо преобразилось от нежности.

— Ну-ка, ну-ка, иди сюда, мой сладкий, мой ненаглядный, кроха моя!..

Подхватив Шавката на руки, Кабир поднял его к потолку и стал целовать в щеки и шейку,— должно быть, кончики усов щекотали нежную кожу,— мальчик ежился и закатывался от смеха.

Алимардан стоял неподвижно, словно его поразил паралич.

— А ну, подойди к дяде, поздоровайся!— сказал Кабир, поставив малыша на пол.— Он у нас уже большой, не ложится спать, пока папка домой не вернется... Ну, что нужно сказать?..

Шавкат, однако, не подошел к Алимардану, отчужденно посмотрел на него искоса и, сложив ручки на животе, нахмурил брови.

— Ты что, забыл, как нужно здороваться?— засмеялся Кабир.— Он у нас дикарь, дядя, совершенный дикарь!.. Ну, раздевайтесь, проходите. Я сейчас...— И, заглянув в приоткрытую дверь он крикнул:— Мать, гость в доме!

Кабир вышел. Алимардан, дрожа, кинулся к сыну.

— Шавкат!— прошептал он.— Маленький... Сыночек!

Шавкат попятился от него боком и прижался к стенке.

— Шавкат!— простонал Алимардан, и ребенок, видимо, почувствовав что-то, быстро из-под нахмуренных бровей посмотрел на Алимардана. Это был его взгляд — из-под бровей ребенка на Алимардана со знакомым по портретам выражением глядели его собственные, тураевские глаза!

Забыв обо всем, Алимардан схватил, прижал к себе сына и стал целовать, жадно вдыхая запах чистой дет-

ской кожи, молока, родного нежного тельца, перебирал мягкие пальчики, ласкал, ласкал не обращая внимания на то что ребенок, испугавшись, начал хныкать и вырываться. Он давно уже никого так самозабвенно не ласкал..

Шавкат захныкал громче, завизжал испуганно — и тут же раздался крик. Алимардан поднял голову: в дверях комнаты стояла Мукаддам. Она была одета в застиранное старенькое платье, без платка на голове.

Бросившись к Шавкату, она вырвала его, схватила на руки и задом, пятясь, глядя на Алимардана остановившимися от ужаса глазами, вышла из комнаты, плотно закрыла за собой дверь.

Алимардан постоял в растерянности, потом повернулся и медленно побрел прочь. В темноте он наткнулся на Кабира, ничего не ответив на его недоуменный окрик, вышел за ворота, сел в машину.

Он спустился по улочке, развернулся и выехал на горную дорогу, ведущую в город.

Сначала Алимардан ехал медленно, заворуженно глядя перед собой, он видел, как Шавкат со сверкающими глазенками бросается к Кабиру и как отворачивает неприязненно личико от поцелуев настоящего отца, как выдирается из его объятий, визгливо плачет, словно Алимардан причинил ему своими поцелуями боль..

Полыхали молнии, освещая острые вершины гор, грязную, мокрую дорогу и бурный, вспученный поток, несущийся рядом, под обрывом. Алимардан, открыв боковое стекло, подставил лицо хлещущим струям дождя. Руки его привычно покачивали руль, следуя извивам дороги, но дороги он уже не видел, не помнил, где он.. Потом он резко крутанул руль — и «Волга», повиснув на секунду задними колесами на краю обрыва, опрокинулась набок, легла на крышу, затем снова набок — дальше Алимардан уже не слышал ничего, он ударился виском и потерял сознание. Уйдя в поток, машина не стала сопротивляться стихии, горная бешеная вода мгновенно расколотила ее о камни, поволокла вниз, вышвыривая на отмель, то капот, то часть кузова, то шасси и, наконец, человеческое тело.

Похороны Алимардана не были пышными и многоядными. Старый художественный руководитель, преподавательница консерватории, еще два-три человека — и все. И юноша, когда-то игравший с ним здесь, неподалеку, на берегу тихой деревенской речки. И женщина, ко

торой он не принес счастья. Постояли, склонив головы над могилой, уронили несколько слез, ушли.

День был ясный, тихий, солнечный. На деревьях, покрывшихся молодой листвой, свистели птицы, среди травы светились каплями крови крохотные полевые тюльпаны. И летали яркокрылые мотыльки. Весело порхали с цветка на цветок, красуясь на заходящем солнце, нисколько не заботясь о том, что жизни им осталось чуть больше часа, до захода...